

АНДРЕЙ ТЮНЯЕВ

ДУША
МЕХАНИЗМА

*Нити
трансформации*

А. А. Тюняев

Он обличил
То, что мы не видим!

А. Тюняев

Душа Механизма

Киберпанк, философское фэнтези,
футурология, научная фантастика,
мистика
Роман

Москва 2018

УДК 111.81
ББК 87.5
Т98

Тюняев, Андрей Александрович

Душа Механизма. Роман / А.А. Тюняев. – М.:
Белые альвы, 2018. – 400 с.
ISBN 978-5-91464-204-1

Герои романа – это разные идеи и разные стороны вашей личности, которые взаимодействуют между собой самым причудливым образом. Выходя из вашего подсознания, они разворачивают перед вами специфическое представление, с каждой сценой которого ваше сознание целенаправленно трансформируется.

Вместе с героями романа читатель проходит удивительный путь трансформации всеобщих идей и своего собственного мировоззрения, формируя в себе уникальную способность иначе воспринимать окружающую действительность.

Прочитав роман до конца и вернувшись к его первым строкам, вы убедитесь, что вместе с героями романа прожили целую информационную эпоху и стали совершенно другими. После прочтения романа вы уже никогда не сможете вернуться к прежнему состоянию.

ISBN 978-5-91464-204-1

© Тюняев А.А., 2018.

© Белые альвы, 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1. Философия.....	9
Оступиться на ступенях.....	9
Тусклый свет учения.....	11
Выйти из незримого.....	14
Странный театр.....	16
Непостоянство постоянных	19
Настя.....	22
Гениальный физик.....	24
Нона.....	28
От хаоса к интеллекту.....	30
Прототрансформация.....	36
Вселение во Вселенную.....	37
Глава 2. Трансформация.....	43
Кошка и Блошка.....	43
Апостолы и постулаты.....	49
Церквушка-простушка.....	59
Антон.....	62
Волшебный микроскоп.....	65
Живая Земля.....	71
Уровни организмов.....	75
Рождение вселенной.....	80
Странные смотрицы.....	86
Жаркие дебаты.....	89
Любовная слепота.....	99
Развязка связей.....	101
Глава 3. Душа.....	105
Башня и безбашенные.....	105
Золотая пыль.....	111
Blood.....	115
Совокупность управления.....	116
Глава 4. Истина.....	120
Девятые врата.....	120
Конструктор.....	123
Сильная возбудимость.....	124
Примеры воздействия.....	126
Прыгающие камешки.....	130
Платонические беседы.....	133

Перемещение во времени.....	143
Структурные мечты.....	147
Выходка Эйнштейна.....	154
Новое мировоззрение.....	160
Волшебное кольцо.....	170
Третьи трансформации.....	173
Странный выход.....	180
Троичный код.....	188
В поисках жизни.....	198
Щупая сердце.....	203
Глава 5. Бог.....	210
Искали дорогу.....	210
Разрыв связи.....	215
Явление Бога.....	217
Разговор с Лейбницем.....	221
Дорога согласия.....	231
Формула Бога.....	247
Судебный процесс в Джаруславле.....	258
Опыт препарирования мозга Бога.....	272
Первый камень и начало времён.....	288
Рюрик и небесные шахматы.....	295
Глава 6. Государство.....	306
Подробно о демократии.....	306
Сон Горбачёва.....	317
Сласть власти.....	321
В гостях у древних египтян.....	324
Подчиняюсь, управляю.....	344
Книга «Не» Ивана Грозного.....	351
Глава 7. Мнимость.....	358
Куда исчез кот?.....	358
Признание Платона.....	366
Чудовище скромности.....	375
Глава 8. Последствия.....	381
Очищение.....	381
Смена парадигм.....	387
Экспликация.....	390
Код коды.....	393
В гостях у Царицы.....	395

Начало

– Представь, ты держишь струну за один её конец и перемещаешь его, формируя различные колебания. Тело струны движется следом. Давит на воздух. И создаёт из его молекул звуковую волну. А иногда и музыку.

Так же работают голос, игла звукоснимателя при прослушивании грампластинок, динамик, поверхность которого сжимает воздух и превращает его в звук. А мы формируем сигнал, заставляющий этот динамик работать.

Земля – это почти воздух. Она – твёрже. Но и её тело формирует такая же волна. А сигнал приходит оттуда – из недр превышающего разума, из глубин непостижимой машины, из шестерней механизма, не отвечающего нашим обычным представлениям. Он велик по размерам. Но принципы... Они в нашем мире всегда остаются обычными. Иначе не существовало бы никакого воздействия...

Хочешь посмотреть, как волна воздействует на вещество? Хочешь увидеть, как под твоим голосом оживает мёртвая материя? Это несложно. Возьми лист бумаги, насыпь на него соль и пой. Громче! Громче!! Громче!! Видишь, как крупинки соли стали оживать. Это ты и я. И я, и ты – песня, которую поёт великая машина по имени Бог.

У неё миллионы колёс. У Него миллиарды голосов. А над ними – авторы всей композиции. Ещё выше те, кто создал и самого Бога...

Ты думаешь, что мы – молекулы, прыгающие в такт желаниям Механизма? Да. Так и было. В прежние времена. Механизму не хватало ресурса, которым бы

он влиял на свою песнь. Но теперь... Теперь всё изменилось!

Человек, двигаясь подобно слепцу, смог не только разбить себе лоб, но и этим бесконечным множеством ссадин и ран он осознал принципиальную схему работы Механизма.

Да. Есть главный центр. Да. Он издаёт команды и формирует приказы. Но шестерни Механизма оказались мертвы. Они крутятся. Они трутся. Но только и всего! А где искра интеллекта? Разума?! Жизни? Её нет и не может быть до тех пор, пока каждое колесо не получит хотя бы толику свободы и воли.

Ты представляешь шестерёнку с внутренним интеллектом? Нет?! Да?! Так, вот это – мы. Сверх тех химических элементов, которыми Механизм наполнил наши тела, в один прекрасный день мы получили что-то ещё. Ранее не существовавшее. В нас. Мы получили душу...

Заимев её, мы стали такими же, как Он. Мы обрели голос! Который Он может услышать. Мы стали говорить. Мы стали петь. Сами! У нас появилась собственная песнь! И вот тогда Бог услышал нас, и мы стали почти счастливы...

Но это было вчера. Сегодня появились те, чья песнь заставляет колёса Механизма крутиться по-иному...

«Все структуры физического мира – не что иное, как майя, или "одно лишь" сознание».

Древняя мудрость

Пролог

– Бабуль, как здорово ты вяжешь! – похвалил старушку Антон – юноша лет девятнадцати. Он подошёл к ней, поцеловал в щёку и, заворожено наблюдая за суетой спиц, задумчиво добавил: – Ловко у тебя получается спицами орудовать. Клубок – один, нитка – одна, спицы – две, а в результате получается великолепный платок!

– Антоша! Ты куда так рано? – в ответ проскрипела бабушка, рассматривая своего повзрослевшего внука в смотровые щёлочки, образовавшиеся поверх немного опущенных очков.

– На пару. У нас сегодня «философия» начинается. Хочу послушать с самого первого занятия, – Антон опустил глаза, надеясь, что бабушка не заметит его волнения.

– Философия, говоришь?.. – полувопросительно повторила бабушка. – Ну, беги, беги...

Уже выходя из комнаты, Антон остановился и на мгновение призадумался.

– Бабуль, дай-ка я сниму, как ты вяжешь. Если будет скучно на паре, хоть поучусь вязать. Или, может, поучу кого, – немного мечтательно произнёс юноша.

Антон направил объектив на то самое место, где две спицы встречаются друг с другом. Там – в проникновенном танце и в бескомпромиссной борьбе –

всего из одной простенькой нитки невероятным образом рождается полотно причудливого узорчатого платка.

Антон любил наблюдать за этим актом волшебного творения. Ему казалось, что из-под бабушкиных спиц рождается какой-то особенный, своеобразный и вполне одушевлённый мир.

Но сейчас юноша даже и не догадывался, насколько близко он подошёл к истине.

Глава 1. Философия

«Ничто в супраментальном смысле в действительности не является конечным; это основано на чувстве всего в каждом и каждого – во всём».
Шри Ауробиндо, индийский философ

Оступиться на ступенях

Спрыгнув с протёртой подножки боязливо дребезжащего троллейбуса, Антон спортивной пружинистой походкой быстро преодолел остаток расстояния до здания института. Уже оказавшись на его ступеньках, он заметил Нону.

Эта девушка безумно нравилась Антону.

Но не сейчас!

Во всём дорогом и чёрном, она показалась из такого же чёрного наглухо тонированного внедорожника, у которого единственным цветным пятном нагло выделялась статусная синяя «мигалка».

Нона обернулась, захлопнула дверцу машины и что-то сказала тому, кто оставался в салоне. После этого с весёлой и победной улыбкой девушка направилась вверх по ступеням к дверям института. То есть в сторону Антона.

– Привёт! – Антон, сгорающий от счастья обожания и от ненависти ревности, открыл ей дверь и пропустил девушку вперёд.

Она, молча и очень сухо, кивнула. Даже не смерила его пренебрежительным взглядом. Юноша в очередной раз почувствовал себя пустым местом. Или, скорее, неким портье, поставленным здесь специально только для того, чтобы отворить ей эту проклятую дверь.

Ревность, чередующаяся с ненавистью, подкатывали к разуму юноши толстым полосатым удавом. Каждым ползучим движением на самообладании Антона затягивалось очередное чешуйчатое и холодное кольцо.

Очень скоро стало нечем дышать.

И тут юноша почувствовал, как холодная ярость окатила его с ног до головы. Кулаки напряглись и самопроизвольно сжались ещё сильнее – до хруста костей.

Но ещё через мгновение всё кончилось.

Как обычно...

Ярость сменилась бессильной злобой. Злобой на неё, Нону. Антон оглянулся, ища обидчика, но и его «членовоз» давно уже испарился.

– Понятно, – едва выдавил из себя юноша.

Он сделал рядом с Ноной несколько шагов и снова попытался постучать по этому никогда не тающему «айсбергу».

– Дружишь с простым «лесником»? – съязвил Антон и стал всматриваться в ледяное лицо девушки. Заметив, как вопросительно чуть дёрнулась её бровь, юноша пояснил: – Который умеет хорошо «пилить»...

– Антон! – отвалился от «айсберга» крохотный звенящий кусочек льда. – Не надо изображать из себя тротуарную плитку.

– Заплёванную? – ожесточился Антон, снова откровенно разозлившись на отсутствие у объекта своего обожания хоть какого-то намёка на уважение к себе.

– Нет! – словно тореро, размахивающий плащом перед мордой разъярённого быка, Нона взмахнула очередной порцией издевательств и через секунду, не дав Антону опомниться, произвела финальный укол: – Под которую ничто не течёт.

Антон еле устоял на ногах.

Удар, нанесённый ему в самую душу этой полутора-метровой змеёй, едва достигавшей пятидесяти килограмм, поверг юношу в самый настоящий технический нокаут.

Антон всё ещё оставался в стойке, а какой-то далёкий и неразборчивый голос начал обязательный в таких случаях отсчёт: «Один, два, три...».

Тусклый свет учения

Лекция должна была уже скоро начаться. Каким-то образом добравшийся до аудитории Антон восстановился и с огромным трудом настроился на тяжкий процесс получения знаний.

Студенты, расположившиеся рядом, видимо, любили этот предмет. Они откровенно восхищались уже известными деталями. Взахлёб нахваливали друг другу профессора. С видом знатока и от имени лектора обещали удивительные знания! И восклицали: философские знания!

К моменту, когда прозвенел звонок, аудитория успокоилась, и все приготовились поглощать обещанные знания – целыми потоками или даже целыми реками...

Долгожданная лекция началась.

Но вот прошло несколько первых минут, а ничего удивительного пока не происходило. Знания как-то не растекались по аудитории и не впитывались. Или, по крайней мере, всё, что текло, каким-то странным образом миновало разум Антона, заполненный доверху своей ненаглядной проблемой.

Находчивый от природы ум юноши в этот раз уверенно буксовал на месте. Ни одна его выдумка ни разу не сработала. Нона по-прежнему выигрывала у него

каждое, даже самое мизерное, сражение. А всё то, о чём говорил преподаватель, Антон уже где-то слышал, где-то читал, а о кое-чём и сам почти что догадывался.

Всякий знает, что в такие моменты по аудиториям, классам и лекториям вместо знаний начинает растекаться другая нематериальная субстанция. На обычном языке она называется зевотой и бывает крайне настойчивой и заразной.

Так вот, когда зевота «постучалась» к нему в первый раз, Антон прикрыл рот рукой и скрытно немножко зевнул. Когда зевота «постучалась» во второй раз, он сделал то же самое, но очень лениво.

Преподаватель успел заметить. Он вида не подал, но Антон мгновенно осознал, что на этот раз спалился.

Юноша понял, что и эту борьбу он сейчас проиграет: зевота его победит с той же лёгкостью, с которой всегда побеждает его Нона.

Надо было срочно чем-то заняться. Надо было как-то отвлечься от наваливающегося сонного состояния.

Как утопающий, судорожно цепляясь за любую соломинку, Антон повернулся к соседке слева и произнёс:

– А моя бабушка вяжет! Хочешь, покажу?

– Хочу! – обрадовалась Настя неожиданной удаче и подвинулась ближе к Антону.

Это была как раз та соломинка, которая позволила Антону выбраться из поглощающей его зевотной жижи. Сонливость потихоньку начала отступать. В мышцы стал возвращаться тонус, и пальцы, уже заснувшие и неспособные держать даже авторучку, нашли в себе силы и нажали на нужную кнопку.

– Смотри! – просто сказал Антон так вовремя спасшей его Насте.

Пока грузился и запускал ролик, юноша успел украдкой бросить очередной боязливый взгляд вдоль того же ряда, ещё дальше влево, в сторону Ноны.

Институтская красавица, гроза всех парней, осталась для Антона такой же недоступной, как для обычного человека недоступен какой-нибудь параллельный мир в каком-нибудь сказочном зазеркалье. Всё, что было позволено: мечтать. Только это и можно. Но что там, за зеркалом, на самом деле – узнать никогда не удастся.

Настя поймала визуальный импульс Антона. Предельно скрытно своими глазами проводила его по курсу и упёрлась в Нону. Сразу же всё осознав, девушка коротко вздохнула и в полной задумчивости молча просмотрела ролик от начала и до конца. После чего, едва не срываясь, восхищённо сказала:

– У тебя бабушка – прямо волшебница какая-то! Я вообще не представляю, как такое возможно! Может, она какие-нибудь моторчики в спицах прячет? А? Давай увеличим и посмотрим!

Антон усмехнулся на такую реакцию девушки. Почему ему-то никогда не приходила на ум эта простая и гениальная мысль – увеличить изображение и подробно рассмотреть тот самый акт творения? А вот Насте эта мысль в голову пришла...

Юноша вспомнил разговор про тротуарную плитку и понял, что под ним и на этот раз оказалось сухо.

Сухо просто потому, что он снова не проявил никакой дополнительной любознательности. Посмотрел ролик – на этом остановился.

«Надо всегда двигаться вглубь», – подумал Антон и согласился увеличить картинку. Теперь и ему стало

интересно узнать, почему или за счёт чего так здорово концы спиц управляются с ниткой!

А в ролике бабушка орудовала спицами виртуозно и без усталости. Чувствовалось, что эти железные проволочки окутывает какая-то магия.

Антон увеличил фрагмент изображения. Концы спиц стали по размеру похожи на тупые «колья». Ещё увеличил – концы спиц стали почти как «брёвна». Антон и Настя ещё несколько раз запускали ролик и смотрели. В конце концов поняли, что ничего сложного в процессе вязания нет.

Но даже после этого ребят не покинуло ощущение какого-то чуда и рождения чего-то нового.

Выйти из незримого

– Тебе не кажется, что там, на одной из спиц, что-то есть? – подозрительно всматриваясь в повторяющееся изображение, спросила Настя.

Оба помолчали минуту, ещё тщательней всмотрелись в экран, а потом Настя заинтересованно добавила:

– Увеличь ещё! Можешь?

Антон был, конечно, не хакер, но своему компьютеру возможностей загрузил под завязку. Да и кнопку «увеличить» на своём компе мог найти даже он.

Конечно, увеличит! И не просто увеличит, а увеличит до тех пор, пока на экране не останутся вместо узнаваемого изображения сменяющие друг друга квадраты разноцветных пикселей.

Уже эта, пусть даже совсем незначительная по размеру и возможностям «мочь» сразу же вернула Антону уверенность в своих силах и позволила распрямить его сморщенные крылья.

Словно демонстрируя какое-то шестое чувство, Нона сразу же отреагировала на эту небольшую победу Антона. Она впервые за прошедшую часть лекции послала ему ответный взгляд. И это телодвижение было больше похоже на повадку змеи: как будто она своим вытянутым раздвоенным жалом пытается дотянуться до Антона и узнать больше интересующих её подробностей.

– Могу, конечно! Ещё как могу! – демонстративно уверенно похвастался Антон.

Он отважно выпрямил спину и снова украдкой метнул взгляд в сторону Ноны. Здесь ему храбрости по-прежнему не хватало.

– Ну, давай! Жми! – опять поймав этот люб... опытный импульс и снова расстроено вздохнув, произнесла Настя.

– Да, не-е, не стоит..., – сразу же «включил заднюю» витавший в своих сомнениях Антон.

Но потом, осознав, что совершенно не так понял Настю, юноша нервно «зумкнул» сразу три раза подряд. Картинка три раза изменилась, всякий раз демонстрируя разбухающие пиксели, и, наконец, студенты смогли по-иному увидеть отснятый процесс.

Они всмотрелись в экран, а там стало заметно, что на одной из спиц происходит какая-то фантастическая возня.

– Я же тебе говорила, моторчик..., – медленно прошептала Настя, всматриваясь в изображение и совершенно ничего не понимая. Потом помолчала и, увидев, что Антон находится в ступоре и заторможено смотрит на тот же кончик спицы, неуверенно предложила: – Увеличь ещё!

Юноша, не моргая, словно кем-то зомбированный, откровенно машинально повиновался её команде и ещё три раза подряд «зумкнул». Картинка и не думала превращаться в отдельные пиксели. Она оставалась отчётливой и весьма понятной.

– Это же человечки! – шёпотом воскликнула Настя. – Увеличивай ещё!

Антон ещё «зумкнул», ещё и ещё...

То, что открылось их взору после окончательного увеличения, удивило ребят до полной парализации, до немоты!

Спицы увеличились и стали настолько огромными, что перешагнули границы экрана, а на торце одной из них теперь располагалась круглая сцена. Вокруг неё возникли стены непонятного театра. А перед сценой появились ряды зрители.

На самой сцене – два актёра. Они, поклонившись зрителям, принялись демонстрировать залу свой непонятный спектакль. Актёры то спорили, то соглашались друг с другом. Зрители заворожено следили за ними и воодушевлённо хлопали им.

И вдруг Антону показалось, что один из этих удивительных актёров заметил его непонимающий взгляд и в ответ загадочно улыбнулся.

Странный театр

Немного грузной походкой давно уже существующего создания профессор Эйн Вейзель¹ вышел на центр совсем недавно опустевшей сцены. Устало сел на одиноко стоявший посреди неё деревянный табурет

¹ Немец. «мудрость» (Эйн Вейзель – Первый Мудрец).

и стал наблюдать за оседающей на ночь театральной пылью – она тоже отыграла свою немаловажную роль и ложилась на струганные доски пола тихо и плавно.

– Даже пыль нуждается в покое, – задумчиво произнёс он вслух и добавил: – Куда уж нам...

Эти слова, словно молнии, разрезали накалённое и наэлектризованное пространство. Зал сразу же зашестел разнообразными голосами, обладатели которых высказывали шёпотом друг другу восхищение прекрасной игрой одинокого актёра, который выдержал необходимую паузу, и шелест восторга улёгся рядом с уже засыпающей пылью.

Дожав паузу до предела, Вейзель театрально поднял руку и стал рассматривать её на просвет – сквозь луч софита.

Рука выглядела полупрозрачной, но что ещё более удивительно – ярко-красной. Это вызвало сильное и демонстративное удивление у Вейзеля, а также ответный возглас восхищённого непонимания в зале. Зрители не знали, как им реагировать и на сам этот факт, и на удивление этим фактом со стороны одинокого актёра. Постепенно ужас, очарование и удивление охватили зрителей, сформировав в замкнутом пространстве своеобразную ноосферу.

В ту же минуту Антон и Настя с таким же удивлением обнаружили себя сидящими в шестом ряду почти по центру зала. Настя изрядно испугалась. Её нежное сердце усиленно колотилось о рёбра – видимо, думая, что за пределами грудной клетки ему будет спокойней.

Настя автоматически потянулась, чтобы взять Антона за руку, но последние несколько миллиметров пути её рука преодолеть так и не смогла. Девушке ка-

залось, что ещё чуть-чуть и она обожжётся. Поэтому внезапный порыв прекратился.

Антон не заметил этого движения. Он зачарованно следил, как на ту же сцену вышел второй персонаж. Старый друг Эйна Вейзеля – старец Кулик². Вместе они отправили в бесконечность не одну сотню профессорских вечеров, засевавших в памяти парами коньяка, запахом сигар и горечью кофе.

– Рад видеть вас, дорогой мой Эйн! – поприветствовал его старец Кулик. – Вы снова вдыхаете аромат остывающих эмоций?

– И я рад вас видеть, дружище! – обнял вошедшего Вейзель и добавил, освобождая стул и потягивая его Кулику: – Присаживайтесь, пожалуйста! Присаживайтесь!

Старец Кулик посмотрел на свободный теперь стул и произнёс в ответ:

– Дорогой мой Эйн! Если позволите, то это я вам предлагаю этот самый стул. Со всем возможным уважением к вам. Присаживайтесь, пожалуйста!

Друзья посмотрели друг на друга и улыбнулись. Они поняли, что вопрос со стулом так просто не разрешить, и старец Кулик предложил:

– Эйн, вместо того, чтобы вдвоём стоять вокруг одного незанятого стула и спорить о том, кто кого должен на него усадить, предлагаю вам направить всю силу спора и мысли в более интересное русло.

– Какое же? – с интересом спросил Вейзель и сразу же добавил: – Хотя, впрочем, я вам доверяю в этом вопросе и готов за вами следовать хоть на самый дальний край познания.

² Др. русск. «мудрость» (старец Кулик – Звёздный Мудрец).

Произнося последние слова, Вейзель резко повернулся в сторону Антона и несколько угрожающе подмигнул ему.

Антон нервно улыбнулся и судорожно завертел головой в поисках хоть какой-нибудь поддержки. Но, находясь теперь в лёгкой прострации, он взглядом наткнулся лишь на испуганно сидящую рядом Настю. А она, усиленно хлопая от непонятности еле удерживающимися на своих местах ресницами, в тот же самый миг почти автоматически сделала новую попытку взять Антона за руку.

На этот раз Антон её движение заметил и, более того, отметил его внимательным прямым взглядом.

...Но, занятый своей паникой, так ничего и не понял. Вся работа его мозга была сосредоточена на недавнем подмигивании актёра – ещё несколько минут назад спицы вязали какой-то платок, а сейчас некое существо, выглядящее, как человек, и двигающееся, как человек, именно ему так реально подмигивает!

Непостоянство постоянных

– В своё время Кант выдвинул шесть доказательств существования Бога, – произнёс старец Кулик и, словно цапля на болоте – так же по-особенному выворачивая ноги, сделал несколько шагов по сцене. – С тех пор люди сбились с ног в поисках седьмого доказательства. Имеется ли оно у современной науки? Имеется ли оно у физики?

В зале повисла тишина. Зрители затрепетали от неподдельного интереса. При слове «бог» некоторые из них ангельски-мечтательно выдохнули, а другие дьявольски-довольно вдохнули. Для тех и других эти

движения означали одно и то же. И тем более чётко они фиксировали двойственную сущность обозначенного существа.

Часть людей закатила глаза в предвкушении обильного богословского спора. А у будущих спорщиков стали просматриваться слабосветящиеся нимбы.

Эйн Вейзель впился в старца Кулика глазами и, на минуту потеряв над собой контроль, невнятно пожевал уже далеко не розовыми губами. Старый профессор собирался с мыслями. Некоторые из них буквально ползли по его измученному знаниями лицу. Они скрывались там – где-то под дряхлеющей черепной коробкой, распространяя вокруг флюиды многообразных формул и замысловатых сентенций.

Оба профессора выглядели почти как правдоподобные голограммы. И тем более удивительно прозвучали ответ и вся дальнейшая речь Вейзеля, наполненные чёткими формулировками, отточенными фразами и красочными примерами.

– Когда около трёхсот лет назад учёные изобрели микроскоп и стали рассматривать, что происходит там, внутри клетки, они увидели как делятся хромосомы. Процессы удвоения и деления хромосом ошеломили исследователей: «Как такое может быть, если всё это не предусмотрено Всевышним?» – стал раскручивать ситуацию Эйн Вейзель. – И действительно! Если говорить о том, что человек появился на Земле в результате эволюции, то с учётом частоты мутаций и скорости биохимических процессов для создания человека из первичных клеток понадобилось бы времени много больше, чем возраст самой Вселенной.

Старец Кулик одобрительно покачал головой и взглядом предложил другу продолжить.

Старательно вслушиваясь в сказанное профессором, Настя понемногу успокоилась.

Не убирая ранее положенную руку.

Та часть её мозга, которая была ответственной за влюблённость, не слушала Вейзеля: ей было глубоко «наплевать» на размышления о Боге и Вселенной.

Но зато эта часть мозга чётко знала своё женское дело: рука девушки не только застыла на подлокотнике кресла, расположенном между ней и Антоном, но и стала постепенно – миллиметр за миллиметром – красться в сторону юноши. Чтобы в подходящий момент как бы случайно оказаться в непосредственной близости и выйти на столь желанный тактильный контакт. Хотя всё это можно было бы сказать и проще...

Антон мгновенно ухватил великолепно знакомую ему тему из горячо любимой физики и тоже стал растормаживаться. Он вслед за пояснениями Вейзеля будто бы смотрел в тот самый микроскоп и видел те самые хромосомы. Антон видел лица изумлённых учёных и понимал, что некоторые из них были почти на грани помешательства. По крайней мере так читалось в их глазах в ответ на первые увиденные объекты микромира.

– Возьмём фундаментальные физические константы, – продолжил Вейзель и посмотрел на девушек в зале: только часть из них поняла, о чём только что сказал профессор. – Они однозначно задают устройство нашего мира: гравитационная и магнитная постоянные, радиус боровской орбиты, постоянная тонкой структуры... Они стоят, как апостолы, на страже современной физики.

Антон восхитился сравнением физических величин с апостолами веры, и в его воображении даже по-

шли кадры яркой по физическим проявлениям и глобальной по пространствам охвата божественной войны. Появились ангелы и демоны. Названия некоторых физических величин звучали как заклинания или молитвы...

Но в этот момент ему, словно вылетевшей из полумёртвого тела любопытной душе, пришлось принудительно вернуться.

– Это не постоянная, – уверенно шепнула ему Настя.

– Кто? – так же шёпотом переспросил её Антон, не успев вернуться в реальность и сожалея о преждевременном выходе из божественного сражения.

– Радиус боровской орбиты – это не фундаментальная постоянная, – повторила Настя очень твёрдо и очень уверенно.

Антон словно переключили.

Эти слова разрубили его фантазии. Антон повернулся к девушке и посмотрел на неё с таким уважением, как будто она только что забила гол в самую что ни на есть «чистую» «девятку». «Вот никогда бы не подумал», – пронеслась чья-то мысль в его голове, и обескураженный неожиданностью мозг юноши уже привычными крупными мазками рисовал воображаемый крупный золотой колокольчик. Он пару раз нервно дёрнулся и издал хвалебный перезвон в пользу только что прославившейся Насти.

Настя

Когда отец и мать увидели этого только что родившегося белого ангела, то колебаний по поводу выбора имени у них даже не возникло.

– Настенька! – с бесконечной любовью в голосе произнёс отец, глядя на девочку.

Это имя, волшебным образом проникшее в этот мир из просторов самых сокровенных русских сказок, теперь само соскочило с его языка и буквально перепрыгнуло на только что родившегося ребёнка.

– Настя! – повторила счастливая мать, всмотрелась в лицо уже наречённого маленького человека и добавила: – Девочке с таким магическим именем просто предопределено быть самой красивой, самой умной, самой нежной. Ты слышишь меня, Настенька?

Так и произошло. Настеньку любили все. В детском саду, в школе, во дворе и вот теперь в институте. Она буквально купалась в разнообразной любви.

Разве что Антон, который, в свою очередь, очень нравился ей, почему-то не обращал на девушку того внимания, которого она ожидала.

Внешне Настя была настоящей красавицей. Соломенного цвета длинные прямые волосы всегда были чистыми, ухоженными и расчёсанными. Они переливались на дневном солнце всеми оттенками золота. А вечером, цепляя от заходящей звезды рубиновый спектр, волосы приобретали драгоценный медный оттенок. И тогда казалось, что сама звёздная царевна волшебных русских сказок посетила наше далеко не волшебное время.

Её голубые глаза могли менять свою глубину. Когда Настя общалась с Антоном, то её глаза приобретали оттенок небесной бездны, открывая перед юношей лазуритовые врата в простирающийся вокруг Земли необъятный сверкающий звёздами космос. Когда девушка разговаривала с другими, её глаза становились немного синее и блистали, как васильки на

пшеничном поле волос – приветливо, беззаботно, украшая собой золотистое пространство обычного дня.

Прямой нос, чувственные, немного припухлые губы и строгий овал лица – всё это делало Настю принципиально красивой. Глядя на неё, становилось ясно, что Создателя в вопросе понимания красоты уже не одолеть – он сделал всё идеально точно и именно так, как это каждый из нас рисует в своих мечтах.

Настя никогда не стеснялась своего высокого роста – 178 сантиметров обычный рост русской девушки. А каким ростом обладают представительницы других народов – её абсолютно не волновало. В свободное от учёбы время Настя участвовала в показах коллекций известных домов моды, а также являлась лицом одной известной парфюмерной фирмы. Работы хватало. Но Настя поставила перед собой цель получить образование.

Здесь и увидела впервые Антона. О том, что это её будущий муж, поняла сразу. Но Антон ещё не знал этого...

Гениальный физик

Тем временем события в странном театре развивались по совершенно непонятной программе. Старец Кулик одобрительно кивнул на предыдущее изречение своего коллеги о фундаментальных физических постоянных. Он знал, что в науку без понимания физики не пролезть. Это не политикам спагетти по ушам электората развешивать. Здесь нужен кристальный ум, цифровой настолько, что его обладателю можно было легко тягаться с весьма нерядовыми жёсткими дисками.

– Лет тридцать назад один из учёных показал: если эти константы изменить хотя бы на один процент, мир не был бы так устойчив. Не возникло бы ни ядер. Ни электронных орбит.

Антон посмотрел на Настю, явно ожидая очередной умный комментарий. Но девушка в ответ только пространно улыбнулась.

– То же самое можно сказать о космосе, – согласился старец Кулик. – Почему, например, планеты вращаются по строго заданным орбитам, а не по каким попало?

– В общем, как вы понимаете, мир, в котором мы живём, устроен по сложным законам, – в свою очередь, согласился Вейзель. – Его устойчивость определяют и физические константы.

Оба профессора посмотрели друг на друга и на зал. Студенты слушали и записывали. Пока все всё понимали, но старец Кулик вдруг рубанул:

– Получается, что Бог – гениальнейший физик?

Аудитория замерла. Кто-то должен был дать ответ.

Антон опять посмотрел на Настю. Теперь он уже в некоторой панике ожидал от неё комментарий. Потому что сам мгновенно перескочить с физики на теологию был попросту не в состоянии.

Однако девушка промолчала. Она снова улыбнулась и всем своим видом показала, что ничего комментировать пока не собирается: пусть ищут ответы без неё. И немного расстроившийся Антон вернул своё внимание сцене.

– В восьмидесятые годы прошлого столетия в науке произошло довольно любопытное событие. Появилась книга. В ней содержался прогноз о том, что будет в мире через двадцать лет. То есть в начале двадцать

первого века. Книгу написал не физик и не специалист по научному прогнозированию, а известный писатель-фантаст Станислав Лем. Называлась она «Сумма технологий».

– Я читала, – шепнула Настя.

Антон услышал. Но теперь он не хотел реагировать на её слова. Дух примитивной борьбы качнул весы в его сторону. Юноша отметил для себя это сообщение, но сделал вид, что не заметил его.

– Я помню эту книгу, – скромно поддержал коллегу старец Кулик, интонацией явно намекая на то, что именно он помогал Станиславу Лему в работе над этим величайшим произведением. – Писатель предсказывал как будут развиваться научные и технические отношения в двадцать первом веке.

Антон уловил эту странную интонацию и удивился. Он не очень-то и понял: как могли работать над той самой книгой эти два разнесённых во времени человека? Но он также ещё и не полностью уверился в том, человеком ли был этот самый старец Кулик? Антону не переставало казаться, что он присутствует на просмотре удивительно живописного голографического представления, в котором всё настолько реально, что убедиться в нереальности происходящего без специальных средств было практически не реально.

– Я знаю, что вы славно потрудились над тем, чтобы Станислав смог детально пощупать будущее, – с полуулыбкой, сощуриив глаза, прокомментировал намёк Вейзель и продолжил: – Один из разделов книги назывался «Бог как суперЭВМ». В нём поставлен такой вопрос: если Бог – мыслящая субстанция, то для этого сверхразума не существует никаких ограниче-

ний в творческой деятельности: будь то в создании человека или Вселенной.

Антон задумался. В его воображении разверзлось местное космическое пространство, открылась хрустально-угольная непознаваемая сфера, которая манила к себе слабыми переливами многочисленных одиноких звёзд. Среди этих алмазных россыпей Антон мысленно искал ту самую суперЭВМ. Или хотя бы кнопку для её запуска. Или другой способ включения. Или мониторы, чтобы взглянуть в глаза этому излишне секретному Богу...

Настя своей женской волной сразу же почувствовала, что Антон замечтался о божественном статусе. Он был нужен юноше не для того, чтобы управлять движениями звёзд и планет, раскручивать рукава галактик и манипулировать «чёрными» и «белыми» дырами. А для гораздо более приземлённой идеи.

– Ты её любишь?

Слова Насти подействовали на Антона, как земная гравитация на метеорит, несущийся в космосе – куда-то по своим «делам». После её вопросительного знака юноша принудительно вернулся с небес на Землю, дымясь от неравновесного нагрева. Жаль, что полёт фантазии так неожиданно оказался прерван, но вопрос Антон всё равно оставил без ответа.

Да и нужно ли было отвечать, если весь ответ уже содержался в вопросе? Просто сказать «да»? Солгать что-то типа «нет»? Вот если бы удалось достучаться до той самой суперЭВМ и попросить её выполнить всего лишь одну его небольшую просьбу, тогда можно было бы порассуждать и о любви на более высоких орбитах. А так...

Нона

В момент рождения Ноны погода испортилась настолько, что внезапно пронёсшийся ураган поломал весьма упругие деревья и в бешенстве разбросал их куски по целой округе.

Отец девочки так и не смог вовремя добраться до роженицы. Огромная пробка безжалостно поглотила те самые драгоценные несколько часов.

Простаивая среди столпившихся железных «копей», отец будущей Ноны сначала терпеливо ждал, надеясь на скорое освобождение, но потом постепенно перешёл в нервное состояние и принялся материться.

На этом фоне и появилась Нона.

Она, конечно, ничего отцовского не услышала, но, ставши взрослой, за крепким словом в карман подолгу не лазила.

Когда же отец продвинулся наконец к началу пробки и увидел причину столпотворения, ему пришлось специально для излияния эмоций по этому поводу изобрести новое количество матерных слов – поскольку все прежние слова не передавали возникшей волны возмущения, да и очень быстро закончились.

Зато в долгие часы вынужденного простоя в его изнервничавшемся рассудке прочно выкристаллизовалось имя ребёнка – Нона, если это будет девочка.

Войдя в палату, отец ребёнка увидел крохотное существо с уже длинными и почти чёрными волосами. И это была девочка.

– Нона! – молниеносно отреагировал отец и улыбнулся.

Измождённая родами мать в знак удивления только подняла брови – такого имени она не ожидала. Хотя,

надо признаться, насчёт этого имени отец и сам с трудом согласился со своим внутренним голосом, но переспорить его не смог, а жене объяснил свой выбор так:

— Нона означает «посвящённая Богу». Это с египетского языка. Я еле-еле протолкнулся через эту пробищу, и все те часы, которые в ней простоял, только к Богу и обращался. Чуть-чуть не успел к самому началу, но, слава Богу, всё-таки приехал!

Жена сочла такое объяснение достаточным и спокойно заснула от накотившего изнеможения.

Нона росла спокойным ребёнком. Совершенно не доставляла родителям никаких трудностей. Она сразу же поняла, что предкам заниматься девочкой некогда, и приспособилась прекрасно обходиться одна. Она могла часами играть в одни и те же игрушки, смотреть одни и те же мультфильмы. Может быть, в силу этого выросла любознательной и с цепкой памятью.

В школьные годы Нона была весёлой, доброжелательной девочкой. Она запросто покоряла всех своей улыбкой, украшенной замечательными ямочками на несколько азиатских щеках. Ей легко удавалась учёба. Но в подростковом возрасте характер Ноны стал понемногу портиться. Перепады в настроении случались всё чаще и всё отчётливее. Весёлость и беззаботность могли неожиданно смениться грустью, подавленностью. Частые обиды переносились с трудом.

Юная Нона стала быстро уставать от учёбы. Родители вовремя поняли, что девочке требуется смена сфер внимания. Они решили назревавшую проблему, отдав неспособную долгое время заниматься одним делом девочку в спортивную секцию. Чередование физических нагрузок с умственными спасло положение.

Нона охотно занималась спортом. В силу своей комплекции её призванием постепенно стала гимнастика.

Нона выросла тоненькой хрупкой девушкой с ростом, едва превышающим полтора метра. Фигурка блистала девичьими линиями. Сыграла свою роль и гимнастика. Хореография привела походку и осанку в состояние, близкое к царственному, а лицо и причёска во многом слились с рисунком и скульптурой. Большие чёрные глаза, тонкие черты лица, почти вороньи прямые волосы и мёртвенно белая кожа делали Нону по своему красивой и, в каком-то смысле, магически привлекательной.

Повзрослев, Нона возымела стабильный успех у лиц противоположного пола. Со временем у неё образовался широкий круг знакомств.

И всё было как бы хорошо или даже прекрасно, если бы не одно «но»...

От хаоса к интеллекту

– Я помню, – продолжил старец Кулик. – Были выполнены расчёты. Они показали, что количество квантовых элементов в объёме радионаблюдаемой Вселенной не может быть меньше чем десять в сто пятьдесят пятой степени. И Вселенная не может не обладать сверхразумом.

После упоминания о сверхразуме старец Кулик остановился и прошёлся по сцене. Он дал возможность зрителям осознать только что сказанное им.

Вселенная как сверхразум – эта концепция была настолько привлекательной, что уже нашла плодородную почву и соответствующий отклик в цепких мыслях многих фантастов и футурологов.

– И знаете ли, дорогой друг, – продолжил старец Кулик, – современные исследования далеко и конструктивно продвинулись в этом исключительном вопросе. Уже сформулирован такой закон: упорядоченный хаос приобретает интеллект³.

Вейзель длительно и проницательно прошёлся взглядом по лицу старца Кулика. Казалось, что он и смеётся, и соглашается одновременно. Понять было невозможно. Этого вовсе и не хотелось. Да и к тому же в это самое время по зрительному залу незримо прошелестело удивительное эхо.

Студенты в каком-то едином порыве, словно пытаясь что-то надёжней зазубрить, три раза почти машинально повторили вслух озвученную старцем Куликом формулировку закона: *«Упорядоченный хаос приобретает интеллект. Упорядоченный хаос приобретает интеллект. Упорядоченный хаос приобретает интеллект»*.

Каким-то удивительным образом этот закон смог зафиксироваться в ПЗУ⁴ студенческого интеллекта.

Словно стекающий с огромного конденсатора электрический заряд, эхо студенческого хора медленно стихло, и наступила глухая тишина. Вейзель послушал её немного и степенно продолжил:

– Если всё это единая система, то, рассматривая её как некий компьютер, спросим себя: а что, собственно, может быть не под силу вычислительной системе с таким количеством элементов? Это же неограниченные возможности! Они больше самого современного

³ Закон Организмики «упорядоченный хаос приобретает интеллект».

⁴ Постоянное запоминающее устройство.

компьютера! В несоизмеримое число раз! – Вейзель снова сделал паузу, чтобы все смогли переварить только что озвученное им; и после паузы продолжил: – И тогда возникает естественный вопрос: как управлять этой системой? Она ведь «работает», развивается! Вы только вдумайтесь: для того чтобы свет при скорости триста тысяч километров в секунду из одного конца Вселенной попал в другой, ему требуется десять в пятнадцатой степени световых лет!

Мысли студентов взвились в космическое пространство и там стали ловить тот самый несущийся световой поток, которому требуется настолько много времени для того, чтобы пересечь необъятную Вселенную.

От хаоса до интеллекта, от устремлённости к познанию до вопроса об управлении – как можно было сварить такую профессорскую кашу? Неужели нельзя было отделить научных мух от научных же каверзных котлет?

Ведь если само по себе состояние хаоса вполне понятно и оно не является чем-то таким уж особенным, то феномен интеллекта ещё никому не удавалось потрогать руками или ощупать сознанием.

Хотя на примере компьютера переход от хаоса к интеллекту казался более чем наглядным. В каждой машине, или, как её называли на заре развития вычислительной техники, ЭВМ есть пространство конденсаторов и транзисторов, зашитых в материнскую микросхему.

Эти элементы – те самые микроскопические ячейки памяти, которые не обладают никаким собственным интеллектом. Но их особенность проявляется в том, что в пределах одной микросхемы они упорядочены, и этот порядок способен подвергаться внешнему

управлению. Вот это и есть упорядоченный хаос. И в итоге с этого поля упорядоченного хаоса пользователь легко снимает совокупный интеллект, который и производит нужные пользователю расчёты.

Всё достаточно просто. Получается, что на пути от хаоса разрозненных конденсаторов и транзисторов к порядку единой микросхемы где-то этот самый интеллект и появляется. И тогда, закидывая голову вверх и обращая свой взгляд на звёзды, всё тот же пользователь понимает, что там, в космосе, есть свой порядок. А, следовательно, на этом порядке существует свой совокупный интеллект.

Но тогда каковы размеры этого интеллекта? Кто им управляет? Бог? Или, точнее, кто вообще руководит всем этим процессом – и на микроскопическом, и на макроскопическом уровне? Как работает эта машина, в пределах которой сигналы идут по несколько десятков миллиардов лет?

– Получается, Бог – гениальнейший руководитель? – как-то не очень уверенно подытожил очередной фрагмент рассуждений старец Кулик.

– Если сигнал из точки «А» в точку «Б» будет идти так долго, что по нашим земным меркам пройдут миллиарды лет, то тогда всякий смысл руководства такой системой попросту пропадает, – так же не очень уверенно ответил ему Вейзель.

Профессоры замолчали, каждый думал над только что сказанным и лихорадочно выискивал варианты выхода из сложившегося логического тупика.

Студенты, затихнув, ждали решения этой проблемы. Попутно рассматривая своим внутренним оком красочные модели упорядоченного хаоса, которые на-

рисовал разум каждого слушателя в своём собственном мозге.

– А если в этой среде сигналы распространяются мгновенно? За ноль секунд! – первым что-то придумал старец Кулик. – Система как единое целое не могла бы существовать, если бы в ней не выполнялось такое условие.

– А разве оно выполняется? – неуверенно спросил Вейзель.

– В любой момент времени Создатель может проявить свою волю в самом отдалённом уголке Вселенной! – ответил старец Кулик и, словно иллюстрируя только что сказанное собой, резко повернувшись к Антону и Насте, произнёс: – Особенно если у слушателей, находящихся на нашем мероприятии, места номер 66 и номер 65!

Не сразу Антон и Настя поняли прямой взгляд профессора и не сразу сообразили о чём был его комментарий. Но по мере наступающего понимания от разгорающегося смущения у Антона и Насти стали явно перегревать те самые места, которыми они сидели в шестом ряду на тех самых креслах – номер 66 у Антона и номер 65 у Насти.

Студенты стеснительно поёрзали, не сознавая цель этих действий. Густо покраснели. А зрители мощно зааплодировали неожиданным счастливым – как будто старец Кулик показал залу какой-то замысловатый и очень удивительный фокус.

– То, что разные философы называли Всемирным Разумом, Абсолютом, – вальяжно продолжил Вейзель, – это и есть та самая сверхмощная система. Именно она отождествляется у нас с потенциальными возможностями известного Всевышнего.

– Но в библии как-то всё по-другому написано...,
– парировал старец Кулик.

– Сказанное мной не противоречит основным положениям библии, – оживился Вейзель. – Там, в частности, говорится, что Бог вездесущ. Он присутствует всегда и везде. Мы видим, что это так: Господь обладает неограниченными возможностями воздействия на всё, что происходит...

– Ну, всё, опять ударились в богословские споры с выносом мозга, – раздражённо шепнул Антон Насте. – Фигня какая-то, а не лекция. Так хорошо начали – о физике. А теперь какие-то сказки.

Настя в ответ улыбнулась. Ей было интересно и то, и другое. Но всё же она оставалась девушкой, для которой гораздо более важным был её потенциальный парень – Антон, а не муки науки и не лиги религии.

– Антон, – шепнула она в ответ. – Тебе не кажется всё это несколько странным?

– ...Если всё совершается мгновенно. За ноль секунд, – громко произнёс старец Кулик, покрывая своим голосом перешёптывание студентов.

Он подошёл к краю сцены и пристально посмотрел на Антона и Настю. Так пристально, что им стало не по себе за только что проявленное столь явное неуважение к выступающему. Старец Кулик повернулся и подошёл к Вейзелю. Снова повернулся, теперь уже в сторону зрителей и резко произнёс:

– Тогда в виде кого в нашем обывательском понимании существует Бог?

Эта фраза была сказана таким мощным голосом, что звон от неё ещё долго гулял в тесном пространстве, оказавшись зажатым между параллельными стенами зала.

Под самое окончание эха какой-то писклявый женский голос, как это всегда в таких ситуациях случается, с какой-то невообразимой галёрки одиноко прорезал нарождавшуюся тишину:

– В школьные времена в учебниках по атеизму его изображали в виде старца, который стоит на облаке...

Все закивали, обнажая свою эрудированность в данном вопросе и выражая согласие по этой проблеме. А обладательница писклявого голоса, видимо, посчитав, что своим ответом попала в нужную точку, стала по очереди заносчиво улыбаться соседу слева и соседу справа.

В ответ эти соседи посмотрели на неё с таким обожанием, как будто из преданности обещали жениться.

И только Настю не покидало тревожное ощущение надвигающейся неизвестности...

Прототрансформация

То ли на студентов напала дрёма какая, то ли это старец Кулик напустил на них хмурь непонятную, Но только Антону и Насте отчётливо привиделся странный мираж.

Пустыня, раскалённая добела. Барханы, сложенные из золотого песка. Они медленно ползут, соревнуясь наперегонки с создающим их ветром. Запах сладкой падали, высохшей на бесконечно палящем солнце и так и не съеденной отсутствующими животными...

В дрожащем мареве так же медленно проявилась фигура невнятного человека, странным образом привязанного к кресту. Это распятие одиноко возвышалось на макушке остановившегося бархана, а рядом с

ним с неба медленно стекали загадочные буквы и магические строки.

Некоторые из них были составлены из слипшегося песка, а некоторые – из жизненного духа, навсегда покидающего тлеющее тело распятого человека.

И очень печальный и, вместе с тем, глубокий дикий восточный голос в монотонном распеве вслух озвучивал его предсмертные мысли:

– Солнце жжёт. Стою в пустыне на одной ноге без глаза... Негритянка! Зад и вымя!.. Вдалеке бежит... Зараза...

Вселение во Вселенную

– ...Если говорить о Боге..., – задумался Вейзель, вспоминая детали хорошо известного образа и подбирая подходящие слова для его более точного описания, – это мыслящая Вселенная...

– Об этом говорил и Циолковский, – согласился старец Кулик, – предполагавший, что Создатель не имеет человеческого образа.

– Но Творец способен воплощаться в любой лик, – в свою очередь согласился Вейзель. – Его возможности неограниченны.

– Однако случаи, когда бы возникла такая необходимость, нам не известны.

Коллеги некоторое время молча смотрели друг на друга. У каждого из них свои мысли роились в голове. Но высказать их вслух не успевал ни тот, ни другой. Молчаливый спор продлился некоторое время. Наблюдая за выражениями лиц этих спорщиков, зрители каким-то образом всё понимали без слов.

Интуитивно каждый давно уже пришёл внутри себя к тому заключению, что лично для него Бог и есть та самая мыслящая Вселенная. Старцы только озвучили эти сокровенные мысли каждого.

Но если это так, тогда получается, что весь наш мир есть продукт вычислений какого-то невероятно огромного и мощного компьютера! А мы в этом мире являемся не более чем информационными образами! И существуем только в пределах неких вычислений!

В таком случае человек ничем не отличается от числа. Он точно так же, как обычный сигнал, может перемещаться в пространстве. И точно так же, как электромагнитная волна в обычном радиоприёмнике, может материализоваться в любом понравившемся ему месте. Но в пределах не перестающего работать компьютера под названием Вселенная.

Сможем ли мы, являясь всего лишь набором битов этой суперЭВМ, из самого её нутра умудриться рассмотреть её же саму, но только снаружи? Не проще ли нам, чтобы это осознать, проделать аналогичный эксперимент над любым битом своего персонального компьютера? Заранее зная, что ответ будет отрицательным...

Растерявшийся Антон, не успевший вовремя схватиться за логическую нить профессорских рассуждений, явно заскучал. И из-за этого он перестал реагировать на процесс. Юноша повернулся к Насте и, как бы даже жалуясь ей, спросил:

– Всё-таки как-то они лихо с физики в религию перепрыгнули?

– Ага, – согласилась Настя и, желая вернуть Антона к теме представления, вроде как неуверенно спросила: – А может и правда венцом физики является Бог?

Это было несколько неосмотрительно со стороны девушки. Антон посмотрел на Настю так, как будто она только что забила позорнейший гол в свои ворота. Он даже хотел ей сказать что-то очень крепкое. Но сдержался. Просто молча отвернулся и опять принялся слушать пустой бред полусъехавших профессоров.

Настя, только что намеревавшаяся всё-таки взять Антона за руку, поняла, что её выстрел ушёл в «молоко», и теперь момент стал опять не подходящим.

Она с сожалением вздохнула и оставила свою руку там, где та и находилась – на подлокотнике. Настя бросила быстрый взгляд на Антона, отметила, что тот серьёзно надул на неё губы, вздохнула снова и тоже обратила свой взор в сторону сцены.

– Как церковь относится к учёным, которые под существование Творца подводят «научную базу»? – наконец прервал молчание старец Кулик.

– Несколько лет назад Ватикан обратился к знаменитым учёным с просьбой научно доказать существование Создателя. И поскольку такого доказательства не знает никто, таких работ Папе Римскому поступили единицы.

– Вы правы: задача из наисложнейших. Но всё-таки есть те, кто её разрешил. И я с удовольствием прочитаю вам одно из таких обращений, если вы, конечно, не против?

– Как я могу быть против? – удивился Вейзель. – Читайте, коллега! Читайте!

– Читайте! – деловито отозвался старец Кулик.

Он взял лист бумаги с написанным на нём текстом, встал против света и торжественным голосом принялся декламировать:

– «Папе Бенедикту XVI. 19 июля 2006 года. Ваше Святейшество! Зная Вас как чрезвычайно мудрого прогрессивно мыслящего человека, который чутко откликается на всё новое, включая явления светской жизни, осмелюсь просить Вас принять в дар две мои монографии. Базовые постулаты новой фундаментальной науки, изложенные в этих книгах, объясняют многие явления, которые не так давно были предметом спора между наукой и религией, и кладут конец этому противостоянию. Мне чрезвычайно важно знать Ваше личное мнение о моей новой информационной концепции мироздания. Я также осмеливаюсь просить Вас дать Вашу собственную оценку моего скромного труда». И подпись «Искренне Ваш». Вот такое письмо!

Непонятно почему Антону вдруг снова стало интересно. Ему показалось, что его мозг уколола какая-то специальная иголка. Он повернулся к Насте, взял её за руку и шёпотом произнёс:

– Ты об этом что-нибудь знаешь?

Настину руку жгло. Сердце девушки чуть не разбилось о рёбра. Её сознание чуть не покинуло разволнованное тело. Девушка так долго ждала этого момента!

И вот долгожданный момент неожиданно настал. И Настя оказалась не в состоянии среагировать на него. Она силилась придти в себя, но всё ещё не могла адекватно отвечать на какие-либо вопросы. Чуть отдышавшись, девушка собрала в себе все остатки самообладания и шёпотом, как можно более нейтрально, чтобы Антон не заметил волнения, ответила:

– Да. Потом расскажу.

– ...Интересно, – искренне отозвался Вейзель. – Насколько я знаю, научная комиссия по объяснению божественных чудес с благословения Патриарха Московского и всея Руси создана и при Православной Церкви. Однако проблемы во взаимоотношениях у нас всё-таки есть. И как только предстоит что-то доказывать, объяснять, возникает ответная реакция: раз ты сомневаешься, значит, впадаешь в грех, тебя необходимо отлучить от церкви.

– Но учёные устроены так! Причём самим Создателем! Они во всём хотят добраться до истины! В своё время знаменитый учёный Парацельс сказал: «То, что в одном веке считается суеверием, в другом веке – уже научная истина».

На слове «истина» Антон ощутил второй укол непонятной иглой. Но это событие прошло для него уже как рядовое. Юноша был так поглощён происходящим на сцене, что совсем перестал замечать, что держит Настину руку и сильно её сжимает.

Настя терпела. Она была счастлива.

– В стародавние времена люди боялись молнии, – согласился Вейзель. – Связывали её с Зевсом. А сегодня «разрядники» демонстрируют во всех школах, и молнией распоряжается любая батарейка.

– Наверное, это говорит, что Бога нет...

– Это говорит, что некие частные проявления природных сил мы уже в состоянии понять, не кивая на Бога. А Господь сотворил мир таким, что эти явления существуют. Постепенно они становятся областью знаний. Вообще, у меня есть убеждение, – признался Вейзель, – что мир предопределён. В нём нет ничего случайного. Как говорил один из героев Булгакова,

кирпич на голову случайно не падает. Всё предопределяет Всевышний.

— К этому выводу вы пришли на собственном опыте?

— Можно сказать и так. Всегда наступает момент, когда на голову очередного любознательного Ньютона падает очередное обучающее яблоко, и после такого контакта очередная задача оказывается решённой.

— Согласен с вами: когда наши коллеги делятся своей радостью по поводу того, что кто-то из них что-то придумал или даже получил экспериментальные результаты, я всегда говорю: «Умерьте своё самомнение! Если вы это сделали, значит, Небеса сочли, что им это угодно. Просто вам было дано это сделать!»

В этот момент Антон ощутил третий угол.

Он пока ничего не мог сформулировать, но теперь юноша знал что и где искать. Его уже совсем не волновал ранее казавшийся самым важным вопрос: как они оказались на этом спектакле? Антон отыскивал в самом себе непонятную готовность ко всему. И всё ещё нераспознанная цель ему казалась предельно ясной.

Глава 2. Трансформация

«Всякая видимость сотворена, ибо она проявлена; но невидимый есть всегда, не нуждаясь в проявлении. В чувственных образах появляются только сущности рожденные: действительно, прийти в жизнь есть не что иное, как появиться в ощущениях. Только мысль видит невидимое, ибо она сама тоже невидима». Гермес Трисмегист, египетский великий жрец, IV век до н. э.

Кошка и Блошка

Между тем как-то совсем незаметно закончился первый акт не очень пока понятного спектакля. Антон и Настя оказались в фойе. Юноша купил им по мороженому, предварительно узнав у Насти её пожелание.

Пока студенты ели десерт и обдумывали последние события, в том же самом фойе появился ещё один театр. Теперь уже детский. Его труппа разложила свои пожитки прямо посреди зрителей и прямо среди них соорудила крохотную импровизированную сцену.

На неё вышли Кошка и Блошка – два сказочных картонных персонажа. Они принялись излишне театрально и сильно гипертрофировано разыгрывать незамысловатую сказку.

– Собрались как-то блохи. Решили обсудить, как им жить дальше, – начала излагать сюжет писклявым голоском Блошка.

– А мимо пробегала кошка, – произнесла свою реплику Кошка. – Здоровая, лохматая. Может, она мышку ловила. А может просто так – играла с солнечным зайчиком. Весёлая она была! Счастливая!

– Как по команде блохи прыгнули на неё, – понизив свой писклявый голос и сделав его комически «страшным» и «ужасным», произнесла Блошка. – Блошки решили: вот он их дом и их стол. Удача! Кто успел, тот и запрыгнул.

– Кошка даже и не заметила вовсе поселенцев этих новых, – сказала Кошка. – А зря! Чуть погодя, её тело стало чесаться: то за правым ухом, то за левым. Пришлось, скрести себя когтями, зуд унимать. Сначала эта беда немного доставляла хлопот весёлой кошке. Ну, почесалась, мало ли что.

Примитивная игра актёров так вколачивала образы в сознание зрителей, что многие из них застыли в каком-то непонятном ступоре. С бутербродов предательски быстро стала сползать разомлевшая колбаса, а подтаявшее мороженое, потеряв все свои прежние формы, стало высматривать себе место на паркетном полу, куда уже скоро собиралось и плюхнуться.

Настю реально передёрнуло. Она чуть не выронила своё мороженое. Антон несколько покровительственно посмотрел на неё и успокаивающе улыбнулся.

– А блохи тем временем наелись сытно, – порадовалась за сказочную родню Блошка, попутно поглаживая свой надувшийся животик. – И собрались на новое совещание – обсудить тех недотёп, которые не допрыгнули до вкусной еды и тёплого дома. А заодно блохи присмотрелись друг к другу, да и начали плодиться и размножаться в соответствующих новому раю темпе и количестве.

После этих слов на сцену выбежала какая-то кукла с барабаном и весело несколько раз в него ударила,

как бы отмеряя первый акт этой незатейливой комедии.

– Детки-блошки пошли шустрые и прожорливые, – продолжила Блошка, приняв теперь степенную и довольную жизнью позу. – За этими блошками другие. И так далее. Плодились они. Корма и тепла хватало.

– Вот только Кошке почему-то совсем перестало нравиться регулярное почесывание, – сообщила Кошка. – Да и когтями своими острыми она себе уже всё порядочно расчесала.

После этих слов наступила короткая пауза. Она быстро затянулась прозрачайшей тишиной. И среди этой тишины звук всё-таки сползшей с бутерброда и шмякнувшейся об пол колбасы, повторенный три или четыре раза, показался чуть ли не выстрелами из охотничьего дробовика.

Настю опять передёрнуло. Она представила кошку, всю истерзанную, искусанную, с расчёсанными боками. Стало противно. Мороженое уже не елось. «Толстокожий» Антон теперь уже почти издевательски посмотрел на Настю и практически смеялся:

– Это же сказка!

– Да, всё понятно, – содрогнулась Настя, совершенно без аппетита рассматривая мороженое. – Но...

– А блохи тем временем расплодились и стали кошку делить, – с явным удовольствием продолжала рассказывать Блошка. – Одной блошиной семье досталось место у ушей. Другой – на животе. Третьей – ещё где-то. А последней – около хвоста. Понятно, им, последним, такое место не нравилось. Но что делать, больше мест свободных для кормления не было. Смирились, бедные. Остальные их жалели, конечно. Но делиться своим местом никто не хотел – самим

было мало. Да и семьи стали увеличиваться – кто знает, ещё и с голоду могут помереть.

Блошка сделала небольшую остановку и комично вздохнула:

– Да, тяжёлая жизнь была у наших блох. Корм приходилось добывать каждодневным трудом – не во всяком укусе сочилась вкусная кровь. Некоторые укусы попадали кошке в вену – а там не та кровушка, тёмная. Некоторые же укусы вообще не давали крови. Только зря блохи силы тратили да зубы стачивали. В общем, тяжёлой жизнь у них стала.

Блошка опять сделала перерыв и снова очень длинно и чрезвычайно душераздирающе вздохнула:

– Ну, ничего, привыкли. Смирились. Трудились: кусали, сосали, ели. Питались. Плодились и размножались.

– Но кошке почему-то это не нравилось, – с явным удивлением и появившейся в голосе агрессивностью сказала Кошка. – Всё чесалась она и чесалась...

– ...Мешая голодным и трудолюбивым блохам, – разозлилась в ответ Блошка. – Будя их маленьких деток-блошек. Но что делать? Блохи мирились. Плодились и размножались.

– Я бы кошку помыла специальным мылом, – в очередной раз передёрнувшись, прокомментировала Настя. – И никаких блох не стало бы. А то совсем кошечку заели.

– Ага, – согласился Антон, понимая, что такой вариант, видимо, был бы единственным.

Снова вышел сказочный барабанщик и прогремел, очевидно, третий акт.

– В конце концов, так блохи кошку облепили, – сказала Блошка, – что некоторые из них, забывая

крепко держаться, падали на землю и не успевали забраться обратно. Сородичи их жалели и в отместку за насильно депортированных родственников ещё злее кусали кошку. И вот так, шаг за шагом, научились блохи кошкой управлять. Они разделились на касты: одни – попроще, другие – поважнее. А самые мудрые из них и самые посвящённые, пробираясь к кошкиным ушам, кричали ей свои указания. Таким героям доставалась самая вкусная кровь и самое тёплое место на теле кошки.

– И вообще! Собственно, знаете ли, братцы! Имея, как видите, гениальные, понимаете ли, мозги, именно мы, блохи, должны, нет, обязаны, управлять каждой такой кошкой! И не как иначе! – в праведном самоутверждении изъяснялись блохи.

– Слушайся нас! Мы одни знаем, куда идти! Мы знаем самые сокровенные тайны бытия! – кричали они кошке в уши. – Мы можем рассказать тебе твоё будущее. Мы...

– Ничего она не слышала, – прервала этот бред Кошка. – Всё тело у кошки горело от укусов. Вот и решила она немного искупаться – охладиться. Может, зуд немного уймётся. Прыгнула в речку...

– Потоп! – истошно кричали блохи. – Всемирный потоп! Спасайся, кто может!

– Вода смыла их всех.

– Потоп! – кричали они.

– Только кошка этого не слышала.

– ...Но лишь одна всё время ноющая блошка смогла спастись, забравшись в непотребное место. И уже вскоре блошиное стадо восстановилось...

Пьеса закончилась. Кошка и Блошка приветливо улыбались. Улыбалась и Настя:

– Ну, вот, сама помылась, – и студенты стали аплодировать комедиантам.

Все зрители тоже хлопали и восторженно переговаривались между собой, одобрительно обсуждая только что увиденную сказку.

– Сегодня у нас необычное представление, – тем временем пропищала Блошка.

Зрители, не переставая хлопать, снова доверчиво сосредоточили своё внимание на импровизированной сцене.

– Сегодня в нашей лотерее есть выигравшие! Ими оказались билеты с номерами мест 66 и 65! – подхватила Кошка. – А ряд – номер ше-е-е-есть!

– Антон и Настя – вот наши победители! – радостно и задорно пропищала Блошка и показала парой лап на наших студентов.

– И мы подарим им, – интригуяюще протянула Кошка.

– И мы подарим им..., – также интригуяюще повторила Блошка.

Все застыли в ожидании подарка. Немая сцена, казалось, длилась бесконечно. Зрители пронзали Антона и Настю завистливыми взглядами и пожирали хищническими глазами.

– Себя! – неожиданно в унисон прокричали Кошка и Блошка. После этого они превратились в две серебряные броши и мгновенно оказались на груди у ребят. У Антона – Кошка. У Насти – Блошка.

По залу пронёсся вздох испуга, удивления и разочарования. Никто не ожидал такой развязки. Некоторые, особенно активные зрители, уже стали подыскивать слова для претензий в адрес комедиантов.

Но тут, словно желая загладить неожиданно оформившийся конфуз, на сцену вышел конференсье и, обращаясь к нашим студентам, торжественно произнёс:

– Они будут вам помогать!

Такой исход всем понравился. Каждый из зрителей сделал в уме какие-то свои предположения на этот счёт. Все дружно захлопали. А Антон и Настя в ответ непонимаючи заулыбались собравшимся.

– Какая прекрасная пара! – еле слышно сказала одна женщина другой, не переставая аплодировать и завистливо улыбаясь прямо в лицо покрасневшей от смущения Насте.

Апостолы и постулаты

Из-за этой странной церемонии награждения Антон и Настя немного опоздали к началу второго акта основного спектакля. Оказавшись на своих зрительских местах, студенты вдруг поняли, что между окончанием первого акта и началом второго словно прошла целая вечность. А вместе с ней и улетучилось то сонное состояние отсутствующего интереса, которое не покидало студентов на протяжении всей первой части спектакля.

Новое ощущение поселилось в Антоне и Насте. Ощущение неподдельного интереса. Кроме этого, персонажи, действующие на сцене, теперь стали восприниматься как какие-то родные, что ли...

– Вы правы, мой друг, – продолжил Вейзель. – Вступив в новое тысячелетие и шагнув в эру Водолея, человечество, похоже, смирилось с нерадостным выводом: как устроен Мир – мы по-прежнему не знаем. Да, гении расщепили атом, телепортировали фотоны,

клонировали живые организмы, рассмотрели скопления галактик, изобрели телевидение и Интернет. Странно, но эти открытия не приблизили нас к истинному пониманию устройства мира. Дробление «вещества» и «материи» никак не придёт к конечному результату. С другой стороны: звёзды собираются в галактики, а галактики – в скопления галактик. И снова перед нами всё та же картина: не видно предела в цепи укрупнения «объектов». Но как же был создан этот Мир? Из чего он создан? Что есть первокирпичик «вселенной», из которого невидимый Творец сложил атомы, молекулы, вещество, звёзды, «материю»?

К концу этого небольшого монолога аудитория снова настроилась на философский лад. Из разума собравшихся улетучились остатки воспоминаний о сказочных персонажах, а их места заняли образы атомов, звёзд, галактик. В меру своих способностей к мысленному моделированию каждый пытался как можно глубже проникнуть в непроницаемый мир создания бытия.

– Вам нужен точный и ясный ответ? – поинтересовался старец Кулик. – Тогда вот он: Мир состоит из информации о взаимодействии информации. Обратите внимание: не из самой информации, а именно из информации о взаимодействии информации.

В зале повисла кристальная тишина. Казалось, что даже пролетающий вдруг одинокий фотон сможет поднять гул, подобный звуку двигателей реактивного бомбардировщика. Но вместо этого стало отчётливо слышно, как в голове каждого слушателя пришли в движение маленькие механизмики, которые подобно микроскопическим арифмометрам попытались разобраться в только что озвученной фразе...

«Информация»... «О взаимодействии информации»... Переход от вещества к информации оказался самым очевидным и образно прост, но неожиданно непонятен. Так и не осознанное вещество вдруг оказалось отодвинутым на обочину познания. И теперь никто не мог себе внятно представить не только информацию, состоящую из таких же сущностей, но и саму – одну единственную – информацию...

Аналитический процесс явно не клеился, и Настя отвлеклась от происходящего. Она потрогала блошку и шёпотом спросила Антона:

– А в чём помогать?

– Пока не знаю, – искренне ответил Антон, который, как и весь зал, пытался разобраться в только что сказанной старцем Куликом фразе. Сейчас ему было не до блохи, которая недавно превратилась в брошку. Неожиданно возникший интерес буквально толкал юношу навстречу изрекаемым профессорами образам.

Тем временем, явно давая залу поразмыслить, Вейзель ходил взад и вперёд и тоже размышлял. После некоторой череды уже совершённых им шагов он остановился и согласно кивнул головой: – Я считаю, что можно назвать это утверждение первым постулатом Организмики⁵. Было бы хорошо, если бы вы, уважаемый профессор, проиллюстрировали сказанное.

⁵ Организмика – фундаментальная наука. Некоторые её положения были сформулированы в начале 20-го века ещё пионерами системных наук, такими как Людвиг фон Бертаманфи и др. В середине – конце 20-го века число научных работ и публикаций, в которых излагалось организмическое мировоззрение, увеличилось кратно. Стала формироваться организмическая философия, а на ней –

– А я согласен с термином «постулат». И в качестве иллюстрации к сказанному приведу пример с обычной ложкой, – охотно ответил старец Кулик. – Посмотрев на неё и вспомнив материаловедение или хотя бы химию, мы понимаем: ложка сделана из стали. Зададимся вопросом: что такое «сталь»? Согласно таблице Менделеева это всего лишь определённая комбинация атомов железа, состоящих, в свою очередь, из информационной упаковки электронов, протонов, нейтронов. Ещё к железу добавлена комбинация атомов углерода и некоторые другие комбинации, влияющие на свойства «материала» ложки...

– Однако «железных», «углеродных» или каких-либо других электронов, протонов и нейтронов не бывает, – уточнил Вейзель.

– Да, все они одинаковы и не несут на себе свойств конкретного «вещества», – кто-то неожиданно выкрикнул из зала. Видимо, не удержался, пожелав блеснуть своим интеллектом в одном споре с двумя профессорами.

Эта реплика прозвучала очень резко, но они даже не вздрогнули от неожиданности – словно ждали этого... вопля.

– И снова я с вами соглашусь, коллега, и с вами, уважаемый слушатель, – ответил старец Кулик, повернувшись сначала к Вейзелю, а потом в ту сторону,

организмическая парадигма. К началу 21-го века многие учёные разных научных направлений из разных стран в той или иной мере пришли к выводу о неизбежности перехода на организмическое мировоззрение. В 2002-м году были сформулированы и опубликованы основные положения Организмики как науки.

откуда донёлся голос. – Только подчиняясь определённым информационным матрицам, комбинации «бесполовых» частиц складываются в «вещества».

Антон прекратил свои раздумья по поводу информации и вновь увлечённо погрузился в то, что происходило на сцене. Физика интересовала его сильнее всего прочего.

А Настя... Она просто так положила свою руку в непосредственной близости от руки Антона. И чувствовала его тепло.

– Что ж, и я соглашусь с вами, – закивал Вейзель. – Но тогда двинемся дальше! Зададим следующий вопрос: что такое протон? А ответ давайте спросим у зала.

Вейзель повернулся в сторону Антона и, глядя точно на него, крайне требовательно предложил:

– Ответьте вы!

Антон смущённо встал, в ожидании поддержки оглядел зал и произнёс:

– Он тоже состоит из более мелких частиц, которые одинаковы для всех протонов.

– Следовательно, протон, равно как электрон и нейтрон..., – это тоже определённая информационная матрица, которая упорядочивает более мелкие элементарные частицы? – продолжил диалог с Антоном Вейзель.

– Да, – скромно согласился Антон. – Где-то так...

– Точно так! – активно поддержал его старец Кулик, предоставив Антону возможность незаметно выйти из ситуации. – И процесс дробления бесконечен и аналогичен представленному. И нет никаких оснований полагать, что на каком-то элементе он закончится.

– Вот тут-то я вас и поймал, уважаемый старец Кулик, – обрадовано потёр руки Вейзель. – Этот тупиковый элемент не может даже быть «кирпичиком-информацией»! Поскольку тогда эта информация должна будет описать нам некоторые «объекты», но уже наполняющие саму эту информацию. И мы с вами понимаем, что это именно так. Поэтому вместо искомого ответа мы с вами снова углубляемся в поиски всё того же «первокирпичика». Но он является частью теперь уже этого объекта!

Старец Кулик загадочно улыбнулся:

– Я ни за что на свете и никогда бы вас не упрекнул в отсутствии у вас логики. И сейчас вы рассуждаете здраво и делаете выводы справедливо.

Он прошёлся по сцене, сделал несколько поворотов и ответил серьёзно:

– Но есть маленькое «но». Необходимо понять, что самой по себе информации не существует.

– Как же не существует? – раздался тот же писклявый голов. – Мы же говорим «исходная информация», «фундаментальная информация». И ещё много разных форм информации существует.

Старец Кулик не отреагировал на реплику. Он просто продолжил:

– Любая информация является матрицей, описывающей взаимодействие вложенных в неё других информационных. Они, в свою очередь, являются матрицами для описания взаимодействий информационных, но теперь уже вложенных в них. Процесс информационно-матричного структурирования, как в сторону укрупнения информационных матриц, так и в сторону их уменьшения, бесконечен.

Всё то время, пока профессоры дискутировали, зал, незаметно наползая невесть откуда, заполняла 3D-графика. Все зрители оказались в специальных очках и теперь заинтересованно разглядывали удивительную пространственную геометрию. Фантастические образы, созданные неизвестными инженерами, отчётливо демонстрировали то, что каждый из нас понимает под «информацией».

А поверх развивалась другая графика, образы которой демонстрировали то, что мы понимаем под термином «организм». Графика была сделана весьма доходчиво, и, как всегда, многие зрители стремились схватить её руками. Веселясь при этом и заигрывая с реальностью.

– Антон, – шепнула Настя. – А представляешь, можно усилием воли или разума оперировать этими виртуальными мирами!

Антон давно уже это понял. Он заметил, что некоторые голографические образы словно подчинялись его воле – они реагировали на его мысли и синхронно изменялись. Юноша также незаметно от других подумал, что хорошо бы было появиться паре планет в дальней области сцены, и эти планеты случайно там появились. Такие способности создателя понравились Антону, и он ощутил, как появилось горячее желание по-настоящему освоить это умение. Если, конечно, это вообще возможно.

– А это возможно? – спросил он.

– Я не знаю, – ответила Настя.

Остальные зрители тоже экспериментировали с образами. Но, не зная этого, все думали, что картинку формирует специальный оператор. Каждый соседний образ формировал у зрителя всё более отважные фан-

тазии, и постепенно образы становились исключительно фееричными.

В это время Вейзель молчал, думал и, словно большой серый журавль, важно расхаживал туда-сюда. Он всматривался в свои ноги и, казалось, стремился разглядеть каких-то вездесущих лягушек: чтобы ненароком не раздавить какую-нибудь нерасторопную. Вдруг Вейзель остановился и решительно произнёс:

– Согласен! Всякий организм является составной частью организма более высокого уровня. Что ж, зафиксируем это как второй постулат Организмики, – почувствовал конструктив Вейзель и предложил: – Тогда я готов вам озвучить некоторые интересные следствия, вытекающие из этого постулата! Вот мне уже их сообщают.

Профессор приложил пальцы к уху, демонстрируя, что ему в наушник идёт некое вещание. Старец Кулик улыбнулся и ответил:

– С удовольствием вас послушаю.

– Первое следствие, – деловито начал Вейзель. – Неживая «материя» не может существовать вне какого-либо организма – всегда найдётся организм, частью которого является данный объём «материи».

Снова повисла пауза. Она была сделана намеренно, чтобы студенты смогли уловить смысл только что сказанного. Несмотря на всю чёткость формулировки, сознанию, цепляющемуся за материалистическое мировоззрение, было трудно отлепиться от прежних представлений. Даже для такого быстродействующего аппарата, коим является человеческий мозг, потребовалось несколько секунд, чтобы проанализировать и воспринять семнадцать слов.

– Я читала об этом! – заметила Настя. – В Интернете.

– Я тоже читал, – согласился Антон. – Но мне один с пятого курса книгу давал.

– Прекрасно! – восхитился Вейзель, как бы одобряя признания наших героев, но обращаясь с этими словами не к ним, а к старцу Кулику. – Ваши формулировки, как всегда, точны! Продолжайте!

– Поясню, – деловито продолжил Вейзель.

Он подробно рассказал, что все наши клетки состоят из водорода, углерода, кислорода и других элементов. То есть всех тех элементов, которые встречаются и вне живых организмов. И такая картина присутствует, включая и человеческий уровень организации вещества. И уровнем выше, оказывается, правят те же самые закономерности и алгоритмы. Если Земля живой организм, то все живое уже внутри неё!

– Вы понимаете полезность и применимость этого следствия в повседневной жизни? – горячился Вейзель. – Она весьма наглядна! Допустим, экология. Это горы, реки, леса, нефть, воздух. Если они не часть нашего организма, то часть другого организма. Организма планеты Земля. Или, может, даже какого-то ещё более крупного организма!

– Вы можете себе представить такой организм? – удивился старец Кулик.

– Представить? – демонстративно переспросил Вейзель и, как бы прикрываясь кавычками, столь же демонстративно вызываяще ответил. – Нет! Но проявления этого организма – они весьма наглядны. Вот, например, что можно в этом контексте осознать в первую очередь: вулканы, штормы и те погодные явления, которые обрушились в последнее время на ничего

не понимающую Европу. И это процесс жизнедеятельности того самого организма, уровень которого значительно выше, чем наш с вами!

Гул одобрения, словно легкий ветерок, пронёсся по залу. Не исчезающие голографические образы синхронно стали превращаться в смерчеобразные структуры, наглядно демонстрируя одинаковый ход мыслей в головах у студентов.

– Примите как иллюстрацию к сказанному вами. Мы, когда моемся под душем или сушим волосы феном, тоже создаём примерно такую ситуацию. Но на гораздо меньшем уровне. Вдумайтесь: каково в эти моменты бактериям, поселившимся на нашем организме? И нет оснований полагать, что они осознают происхождение обрушившихся на них «стихийных бедствий», – сказал старец Кулик и добавил: – А, возвращаясь к вашему примеру, замечу: Европе надо проанализировать информационные потоки и выяснить что не так сделали европейцы?

Снова по залу пронёсся тот же самый ветерок одобрения. Профессоры, глядя в глаза слушателям и зрителям, удовлетворённо кивали головой, отмечая появившуюся во взглядах готовность к трансформации. Незаметно исчезла пространственная графика, а само пространство снова стало прозрачным. Софиты плавно изменили свой спектр с белого на тускло-жёлтый.

– По нашим правилам, почётная обязанность быть специальными представителями нашего театра лежит на победителях лотереи, – громко и торжественно объявил Вейзель. – Сегодня мы узнаем, что же всё-таки не так сделали европейцы. И узнать это предстоит паре наших победителей. Антон и Настя! Попросим их!

Все захлопали, а Антон и Настя стали тревожно готовиться к чему-то ещё никому не понятному.

Некоторое время ничего не происходило. Только зал хлопал, выходя на один общий такт, а Вейзель смотрел на наших героев, одобрительно кивал и загадочно улыбался.

Постепенно шум аплодисментов растворился в не понятном хорусе, а потом просто сменилась окружающая картинка. Так быстро, как будто одним кликом кто-то всемогущий перенёс студентов в какой-то другой документ.

Церквушка-простушка

В старинной церквушке на прокопчённом веками мозаичном потолке едва удерживались лики древних звёздных богов. Вот уже несколько веков они из последних сил цеплялись за осыпавшуюся примитивную штукатурку, не позволяя себе послушаться приказа великого Творца. Древнее знание, которое лики несли будущим поколениям, безусловно, было гораздо более важными по сравнению с их собственной судьбой. И лики терпели и цеплялись за дряхлеющий носитель.

И только информационный пот временами сыпался невесомым прахом на исхоженный пол уцелевшей церквушки, как в наши времена, старея, осыпаются дряхлеющие жёсткие диски.

Антон, ничего не понимая и думая, что он всё ещё находится во власти 3D-анимации, стал внимательно рассматривать измученные лица незнакомых ему существ. И юноше причудилось, что эти образы стали оживать и прихорашиваться и как бы просыпаться после долгого-долгого сна.

Антон с нескрываемым любопытством смотрел на обратный «дождь», которым часть осыпавшейся краски медленно возносилась вверх. Она самостоятельно уверенно отыскивала места своего изначального крепления и в виде пикселей обновлённого изображения восстанавливала его потерянное качество.

Антону показалось, что между ним и образами стало в прямом смысле перетекать время, потекло и пространство. Антон буквально видел этот прозрачный призрачный поток. Он был исполнен в виде тягучего свежесыгранного мёда, в котором обильно блистали крохотными гранями кристаллы какого-то вещества.

– Целая вселенная за каждым мазком краски! – восхищался вслух работой древнего художника Антон.

Юноша уже начал понимать, что вокруг него образовалась прежняя реальность, и он оказался в этой церквушке в качестве специального туриста с прозаической целью посмотреть рисунки, мозаику, лепнину. Ну, что ж, это было интересно, и уверенная красота древних строений, безусловно, притягивала Антона. Он даже стал прислушиваться к отдалённому голосу экскурсовода...

И вдруг, в один момент, его позиция поменялась. Антон по-прежнему видел то же самое место, где он стоял всего мгновение назад. Вокруг по-прежнему были трескучие экскурсоводы, суетливые посетители, таинственные служители. Но сам Антон явно на всю эту картину взирал откуда-то со стороны потолка.

– Умер, – осенило Антона. – Вот только вчера показывали, как душа летает над телом. А сегодня – я сам полетел. Жаль... Где там моё тело?

Антон посмотрел вниз, но его тела не было.

– Тогда не понимаю, – удивился юноша. – Либо не умер, либо тело уже успели стащить.

Пока он непонимающе размышлял над сложившейся ситуацией и её непонятными особенностями, откуда-то из мрачной глубины средневековых строений вышел сверкающий радужной чешуёй дракон. Он спокойно приблизился к Антону и произнёс:

– Здравствуй, Антон! Меня зовут Азия. Или просто Ася. Я долго ждала тебя. Пойдём со мной, я покажу тебе мир.

Антон удивился, и удивился он не столько дракону вообще, сколько тому, что этот дракон был говорящим. Удивился, но пошёл с ним. Потому что понимал: ничего другого ему, в общем-то, не оставалось.

Антон и Ася зашли в какое-то строение, где заранее были установлены два прибора.

– Телескоп и микроскоп, – прокомментировал дракон, а затем предложил: – Антон, хочешь посмотреть, как живут люди на какой-нибудь планете?

– Хочу, – согласился юноша. – Куда смотреть?

– Можешь смотреть в микроскоп или в телескоп – всё равно. Картинка будет одна и та же.

– Это ещё почему? – удивился Антон. – Разве функции этих приборов не разные?

– Потому что пространство размера имеет форму окружности. А наше восприятие размера выстраивается гиперболически. Что удалённое большое, что близкое малое – всё будет одного размера, – пояснила Ася.

– Понятно, – мрачновато ответил Антон, ничего не поняв; затем добавил: – По ходу нашего эксперимента вы мне будете объяснять? Мало ли что непонятное встретится.

– Объяснять? Непонятное? Ты даже предположить сейчас не можешь что тебя ожидает, – с какой-то странной улыбкой ответил дракон.

Антон

Жизнь Антона была принципиально сложной. Её даже проще стоило бы назвать не жизнью, а соперничеством. Соперничеством с обстоятельствами. Соперничеством с объектами любви. С болезнями, наконец, которых в детстве у него было столько, что хватило бы на десять обычных человек.

Как и во всех состязаниях, выигрывать удавалось не всегда. Поэтому и жизнь Антона превратилась в причудливую череду сменяющих друг друга взлётов и падений. Юноша давно уже понял это и превратил в своеобразный опыт. Антон осознал, что теперь всё своё мастерство он сможет проявить в том, что взлёты попытается сделать длительными и высокими, а падения безобидными и не очень глубокими. Этот опыт и остался в основе его весьма несбалансированной натуры.

Хотя, следует отметить, само поддержание баланса – это, конечно, хорошо, но Антон был не таков. Он всё время рвался на свободу – из этого своего замка сложившейся полустабильности. Забывая, что плата за обретенную свободу всегда и для всех одна и та же – одиночество.

Всякий раз, получив очередную порцию закономерных счетов, одинокий, но свободный, Антон приступал к новым поискам. Он, как робот с вставленной новой батареей, снова и снова искал чью-то дружбу или хотя бы хорошее расположение. Это происходило в новой версии, а в старой версии он же отказался от

них вчера. Результат такого кругового движения был закономерным, и при очередной неудаче Антон замыкался в себе, вызывая у родственников соответствующую тревогу.

С течением времени Антон постепенно начал понимать, что скакать туда-сюда и ломать стены замка стабильности – очень нерезультативное мероприятие. Юноша стал больше наблюдать за окружающими. Он старался анализировать их не понятные на первый взгляд действия. И постепенно слагать некоторые выводы. Такой подход в итоге принёс свои закономерные плоды: при сохранённой личной стабильности стали сохраняться и друзья.

Взрослея, Антон креп. Он становился сильнее духовно и совсем перестал ввязываться в любые авантюры. В отдельных ситуациях доходило до того, что очередной шаг не делался до тех пор, пока хозяин ног не просчитает всё до конца. Занимаясь такой предусмотрительностью, Антон считал, что таким образом он реализует понятие объективности. Но окружающие изириали на это иначе. Они видели в странном поведении Антона нехватку уверенности в своих силах и недостаток решительности в своих действиях.

Не обращая на окружающих особого внимания, Антон по-прежнему верил в себя. Он знал, что у него есть достаточная сила воли. Он ощущал, что способен даже к самопожертвованию. И это всё, безусловно, было у Антона. Но силу воли он проявлял не часто, а самопожертвовать как-то не приходилось.

В итоге и у него самого и у окружающих сложилось мнение, что Антон не принадлежит к числу людей, которые завоевывают положение в обществе.

Все как-то подспудно стали понимать: старания Анто-на безрезультатны.

В свою очередь, у Антона на этом фоне развилась достаточно глубокая нерешительность. Он часто и сам не знал, чего хотел. Иногда даже не мог выразить своих желаний. Эмоции Антона задремали: он стал долго тянуть с решением, обдумывать и только потом, вне-запно разволновавшись, делал многое наоборот.

И только в самое последнее время Антон снова стал прислушиваться к самому себе. Он окончательно понял, что у него хорошая интуиция, подсказка кото-рой следует доверять. Нередко эти подсказки давали ему существенный выигрыш. Но пока Антон не ре-шался использовать такие возможности, потому что порой по-прежнему терял самообладание и иногда всё ещё мог испортить даже уже начатое.

В дополнение ко всему у юноши развилась осо-бенная чувствительность к неудачам. В некоторые моменты особенно сильного провала юноша ощущал, что ему требуется специальный объект для излияния ущемлённых чувств. Если не удавалось своевременно сгладить ситуацию и укротить эмоции, то Антона на-крывало чувство беспочвенного страха, и юноша ста-новился излишне агрессивным.

С течением времени активность ослабела. Необходи-мость в постоянной встряске возросла. Стал постоян-но требоваться толчок к началу деятельности. Круг друзей установился, но при этом он ограничился и су-зился. Остальные качества Антона свелись к терпели-вости, в искусстве владения которой он сделался на-стоящим ассом. И, как бы это ни казалось странным, по итогам таких изменений в жизни Антон стал, бес-спорно, везучим.

Осталась только одна непроторенная этой самой везучестью тропинка – любовь. Для Антона она стала настоящим истязанием своего Я. И у этой любви, или у этого истязания, было даже своё собственное имя – Нона.

Волшебный микроскоп

Подходя к прибору, Антон, с усмешкой, подумал: «В телескоп планету посмотреть я всегда успею, а вот в микроскоп – такое чудо со мной случится впервые!». Он подошёл к микроскопу и просто стал смотреть. Ася тем временем принялась рассказывать какую-то очень удивительную легенду:

– В некотором живом организме беззаботничали, наслаждаясь жизнью, микробы. Они селились небольшими колониями, по несколько миллионов микробчиков в каждой, и медленно и незаметно поедали этот организм.

Антон инстинктивно съёжился. Его даже немного передёрнуло. Но юноша собрал всё своё самообладание в кулак и продолжил смотреть и слушать.

– Они даже не знали, что поедают его, живого, – продолжала Ася. – Им казалось, что они просто питаются и живут, никому не делая зла.

– Они действительно так и думали? – поинтересовался Антон.

– Да, так и думали, – ответил дракон. – Плодились и размножались. Множились они, множились, и стало их так много, что возник прыщ. Противный такой, вскочивший на самом видном месте организма.

В этот момент, всматриваясь в картинку, передаваемую странным микроскопом, Антон наконец уви-

дел какой-то непонятный город. А в нём копошились какие-то такие же непонятные существа.

– Организм взял и придавил этот прыщ, – после некоторой паузы резанула Ася. – Тот лопнул! Затем сдулся и прямо на глазах стал заживать.

А под эти слова Антон увидел, как в волшебном микроскопе какая-то не понятная ему сила разрушает тот самый непонятный город. Между образовавшихся руин копошились непонятные существа, и ужасу их не было предела.

– Ого! – удивился Антон.

Он оторвал глаза от микроскопа и посмотрел с удивлением на дракона. Повисла очередная пауза. Пока она висела, Антон успел разглядеть это сказочное, но в то же время вполне реальное существо.

Типичный дракон. Антон таким дракона себе и представлял. Голова, крылья, лапы, хвост. Чешуя. Ничего необычного. А вот как определить его пол, Антон пока не понимал. Не залезать же куда-то туда...

Но в решении этого вопроса Антону помогло то, что дракон разговаривал девичьим голосом и, соответственно, был явно девушкой. В том смысле, что имел женский пол и по годам казался не старым.

Тело Аси обладало змеиной кожей, только эта кожа как-то не так выглядела. Антон пригляделся и понял, что змеиные чешуйки, с помощью которых пресмыкающиеся перемещаются, у этого дракона были декоративными. То есть они были, но выглядели просто как рельеф кожи. И явно не предназначались для ползания. К тому же у дракона было четыре лапы.

Мордочка дракона не вызывала страха. Даже, напротив, в ней что-то было интересное, а не пугающее. Ну, зубы, конечно, несколько великоваты, но они тоже

не казались хищническими. А особенной частью портрета, безусловно, являлись изумрудные глаза. Казалось, что дракон с их помощью мог видеть не только всё вокруг, но и одновременно рассматривал мысли, находившиеся внутри головного мозга Антона. Или, проще говоря, Ася читала его мысли.

– Всё, вроде, очень даже ничего, – произнёс дракон с таким выражением, словно вместо Антона подвёл итог этому осмотру; юноша смутился, покраснел и быстро усталился в микроскоп, а Ася продолжила: – Но микробы опять стали плодиться и размножаться и делать своё микробное дело. Новые прыщи со временем покрыли весь организм, и он стал противным и вонючим.

– Фу! – непроизвольно вырвалось у Антона в ответ на увиденное в микроскоп.

– Но микробы это делали не со зла. Они и не думали, что этот организм живой. Жили себе да поживали. Без всякого плохого умысла. И ели живую плоть неопознанного организма. И какали тут же, – последнее выражение, запросто произнесённое Асей, вызвало у Антона непроизвольную улыбку.

Юноша смотрел в окуляр и видел, как непонятные существа создают новые и новые города, сети дорог и всякую там инфраструктуру. Рядом с городами возникли отвалы свалок. Затем они вырастали и посреди городов.

– Понятно, к чему всё идет..., – сам себе ответил Антон и в этот момент спохватился: – А Настя где?

– Я не знаю, – ответил сильно скомканной скороговоркой дракон и продолжил свою бесконечную сказку: – Микробы и не догадывались, что, не вытерпев зловония и зуда, собрался как-то организм, да и

задумался: что бы ему такого сделать, чтобы перестало вонять и чесаться? Помыться что ли? Или у костра дымком прокоптиться? Или грязью обмазаться? Или ещё что уместное сделать? И решил организм испробовать все способы, но на разных местах своего необъятного тела. Одно место – помыл, другое – прокоптил. На третьем месте – это, видимо, была его самая удачная мысль – организм решил заставить микробов самих уничтожать друг друга. Он взял и раздавил два главных прыща. А гноем, полученным после раздавливания, смазал многие пространства вокруг. И микробы узрели и унюхали катастрофу. Но, не поняв, кто её сотворил, озлобились друг на друга и стали друг друга уничтожать.

– Здорово я придумал! – восхищался собой умный организм.

– Прямо как Торговые центры в США, разрушенные якобы попавшими в них самолётами, – вслух подумал Антон, а потом, подумав немного, заспорил сам с собой: – Хотя нет. Там рухнули три здания, а здесь только два «прыща»... С другой стороны, по официальным отчётам прошло, что только два, а о третьем 70-этажном небоскрёбе все организовано и официально забыли...

– Микробы с разных мест организма смотрели за этой войной. По-разному это действо отзывалось в их микробных сердцах, – продолжал дракон. – «Копчённые» микробы встали на сторону тех, кто раньше населял два больших раздавленных прыща – потому что в тайне были с ними заодно. «Мочённые» микробы сторонились этой непонятной войны – потому что они и были микробные правители и не могли помогать своим рабам. Другие микробы, мелкие, жёлтые, с узкими

глазками, думали так: «Помогать этим, из двух прыщей, мы не будем – они и с нами раньше тоже воевали. Они чокнутые. Мы же теперь смиренные и никому не делаем зла».

– Китайцы что ли, – предположил Антон. – Нет, вьетнамцы. «Вьетнамцы» с другой планеты.

– Организм же знал, что этих микробов, смиренных, он убирает так: либо смывает водой – большим потоком, либо трясёт и стряхивает с себя. Этим процедур обычно хватало. Другие микробы, тоже жёлтые и тоже мелкие, и тоже с узкими глазками, но не такие смиренные, как первые, ничего не думали о глупой микробной войне. Они знали: их так много, что никаких снарядов не хватит у всех остальных микробов, вместе взятых, чтобы их победить. Ничего они не боялись: жили и размножались, очень быстро. Организму они больших неприятностей не доставляли, потому что мелкие, ели мало, воняли мало. Но всякий раз, проводя рукой по восточному участку своего огромного тела, там, где были колонии этих жёлтых паразитов, организм нащупывал огромный длинный рубец.

– Точно китайцы! И Великая китайская стена! – прокомментировал Антон эту часть сказки.

– Но пока организм не знал и не решил, что делать с жёлтыми микробами, – продолжала Ася. – Зато знали и уже делали другие микробы: самые злые, самые хитрые, коварные и воинственные, самые вонючие и самые прожорливые. Они по приказу своей матки посеяли среди жёлтых тех микробов семя раздора, созданное самой же маткой самых вонючих микробов. А семя это такое. У жёлтых микробов был один собственный объединяющий и направляющий их по жизни запах, менять его жёлтые микробы не хотели и не

стремились. Самые вонючие микробы посеяли семя сомнения: а правильный ли этот запах? А из того ли места он исходит? А к правильному ли результату он ведёт жёлтых микробов? Образовался другой ещё запах, второй. В результате жёлтые микробы стали делиться своим количеством на две колонии на одном месте организма. Колонии слушались каждая своего запаха, которых теперь уже было несколько.

– Нет, не Китай, а Корея, – поправился Антон. Ему уже стало любопытно, о чём эта сказка. И юноша заинтересованно ожидал развязки сюжета.

– Какое-то время этот процесс был безобидным. Но самые вонючие микробы владели такой тайной, которая позволяла им стравливать всех остальных. Они знали, когда колония жёлтых микробов разделится на две равные части, эти части пойдут друг на друга войной – убивать за «правду» в навязанном им запахе. Захлестнёт и погубит эта война и «копчёных», и «моченых», и «смирных жёлтых», и всяких других микробов.

Только самые вонючие, благодаря своей коварной хитрости и потому, что никогда не имели своей родной колонии, то есть ничем не рисковали в этой войне, вот они-то знали, что для них всё окончится хорошо.

– Будет ли? – следил за микробной возней организм, перелистывал страницы старинных сказок и вспоминал, как не далее чем вчера большим куском льда он поморозил очередную микробную колонию. Ох, и помёрзло же этих мелких!..

Антон увидел, как один из материков непонятной планеты мгновенно покрылся толстым слоем льда.

– Оледенение, – подумал он, а вслух продолжил: – Как-то всё напоминает мне Землю!

– Конечно, напоминает, – подтвердила драконша.
– Ведь ты и наблюдал за Землёй.

– Как? Я же смотрел в микроскоп! Там же были какие-то существа размерами с микроба, – удивлялся Антон.

– А ты всерьёз думаешь, что человек больше микроба? – удивилась драконша и исчезла вместе со своими волшебными инструментами.

Антон остался один. Он стоял и смотрел на покрытый росписями потолок забытой всеми церквушки. Помолодевшие на время мозаичные образы снова начали осыпаться и ветшать, грустными улыбками прощаясь с Антоном. А он всем своим юношеским телом ощущал, насколько человек мал перед любой стихией.

Настя стояла рядом и тоже с интересом разглядывала расписной потолок. Антон удивлённо посмотрел на неё. Он так проникся волшебством, что ему даже померещилось, что у Насти якобы такой же хвост, как у дракона Аси. Антон сам себе улыбнулся: почудится же. А Настя, заметив вытянутое лицо Антона, опустила глаза вниз и незаметно провела рукой позади себя.

Студенты шагнули в открытую дверь старой церквушки...

Живая Земля

...И под аплодисменты зала снова оказались на той же самой сцене, где те же два профессора встретили их с глубоким одобрением. Не прекращая аплодировать, Вейзель произнёс:

– Излагайте, Антон! Увиденное вами очень интересно нас всех, здесь собравшихся.

– А что если наша планета Земля – живой организм? – набрался смелости Антон и вдруг напрямик спросил об этом профессора Вейзеля. – Ведь никакая наука не ставит этому запрета.

От неожиданности зал затих. Никто не ожидал такого резкого начала.

– Вы правы, Антон! – не смущаясь, откликнулся старец Кулик. – Очевидно, вы узнали что-то чрезвычайно важное. Мы слушаем вас. Говорите!

– Да, я вот тут подумал: а что если Земля является живым организмом? – повторил Антон. – Ведь теоретических запретов этому нет.

– А где же у неё ноги и руки? – со смехом спросил откуда-то из глубины зала всё тот же противный писклявый голос.

– Почему сразу руки и ноги? – серьёзно ответил Антон. – Известны организмы и без рук, и без ног. Например, тот же слизень. У него одно брюхо, а рук нет. Или червяк – у него нет ни рук, ни ног.

– То есть Земля – это брюхо? А голова где? – снова раздался противный голос с интонациями открытого вызова.

– Я думаю, что Земля – это и тело, и голова, и всё вместе, – пока ещё спокойно ответил Антон. – Но это не самое важное. Важно другое. Если Земля является живым организмом, то к ней и относиться нужно как к живому организму.

– Разговаривать что ли? – уж совсем неприятно прозвучал тот же писк.

– Да, хотя бы и разговаривать! – уже отчётливо нервно ответил Антон, впервые почувствовав толчок защитной агрессии, нахлынувшей на него. – Вам уж точно такой диалог пойдёт на пользу!

– Антон прав, – вступился за него другой зритель. – Никакого запрета на такой организм, пусть даже равный по размерам целой планете, не существует. Мы же недавно проходили – вспомните постулат Организики: всякий организм является составной частью организма более высокого уровня.

– Это значит, – поддержал предыдущего защитника другой голос, – что обязательно должен существовать организм, частью которого является даже самый большой слон на планете.

– Причём этот слон не должен сидеть в том большом организме, как шофёр в автомобиле, – развил пример третий. – Он должен быть структурной единицей большого организма.

– А если существует более крупный организм, нежели слон, и, допустим, Земля является таким более крупным организмом, как выглядел бы процесс её охлаждения и какой бы была структура тела такого организма? – раздался следующий писклявый вопрос.

Антон понял, что этот вопрос больше адресован ему, поэтому быстро собрался с мыслями и ответил:

– Известно, что у мыши отношение объёма тела к поверхности тела высокое, поэтому тепловое излучение идёт интенсивно. Точнее, потеря тепла идёт быстрыми темпами. У слона отношение объёма тела к его поверхности имеет другую пропорцию. В результате тело слона не успевает охлаждаться. Для дополнительного охлаждения слон и имеет такие огромные уши.

– Наилучшее отношение объёма тела к его поверхностной площади – это сфера или шар, – снова поддержал Антона кто-то из зрителей. – Как раз такую форму имеет Земля. При таких колоссальных размерах Земли метаболические процессы должны проистекать

с более мощным и огромным выделением тепла и энергии, чем у мыши и слона.

– Если рассматривать Землю с таких позиций, то становится понятно, почему она внутри раскалена, – согласился Антон. – Аналогично и у других многих организмов имеется и структура подвода питательных веществ, то есть кровеносная система.

– То есть при горячем ядре у Земли такая система должна располагаться на поверхности Земли что ли? – удивился зритель. – То есть это реки, моря и океаны?

– Может быть и так, – согласился Антон. – Ведь состав морской воды очень схож с составом крови человека и животных.

– Это предположение или гипотеза? – поиронизировал зритель.

– Понимайте, как знаете, – ответил Антон и, вспоминая недавно увиденное в тот странный микроскоп, добавил: – Но это и не особенно важно. Главное, что при таком отношении к организму по имени Земля мы можем понять, что человек – это маленький жучок на теле Земли. Может быть даже паразит. Так?

– Почему же сразу паразит? – вмешался старец Кулик. – Есть ещё и симбиотические отношения – это когда организмы взаимно полезны, то есть дополняют друг друга. А потом, вы же сами сказали, уважаемый Антон, что если Земля живая, то она может состоять из слонов. А может и из людей! Так ведь?

– Видимо, так, – ответил Антон. – По крайней мере Европу затопило по той причине, что тамошние жители плохо относятся к Земле. Вот в этом я уверен.

Антон сошёл со сцены и направился на своё зрительское место. «Хорошо, что я им о драконе ничего не стал рассказывать – в это бы точно никто не пове-

рил», — подумал Антон, вспоминая существо, показавшее ему Землю в микроскоп.

Уровни организмов

— Второе следствие, — продолжил спектакль Вейцель. — Оно напрашивается в следующем виде. Различные организмических уровней дискретно: верхняя граница более низкого организмического уровня не совпадает с нижней границей более высокого организмического уровня.

Вейцель сделал паузу. Он вопросительно посмотрел на старца Кулика. Но тот задумчиво молчал.

Антон и Настя заняли свои места и продолжили смотреть спектакль.

Как-то неожиданно и очень не вовремя у Антона мелькнула залётная мысль: «Странно, а почему это нас совершенно не интересует время?». Антон начал было обдумывать и развивать её, но Вейцель не дал ему этого сделать и навязчиво продолжил:

— Не потому ли не существует потомства у курицы от слона или у человека от инфузории-туфельки?

Зрители захихикали — видимо, представляя себе любовь той самой курицы к тому самому слону. Да, такая любовь состояться не может.

Хотя почему?

Ведь генетики подсаживают отдельные гены скорпиона в организм кукурузы, например. Если не знать об этой искусственной подсадке, то можно всерьёз поверить, что такая генетика этого метисного организма возникла в результате любви между скорпионом и кукурузой. Со стороны природы это, конечно, чушь и бессмыслица. Но, несмотря на это, человечество пита-

ется этими генетическими мутантами. А вот было бы интересно подсадить ген инфузории слону...

– А всё потому, что информационные матрицы разных организмов различны, – ответил Вейзель на вопросы, носившиеся в головах хихикающих зрителей. – Различны и внутренние матрицы, отвечающие, например, за размеры половых органов. Различны и матрицы, отвечающие за информационный состав спермы.

По залу опять пронёсся лёгкий стеснительный хохот.

– И управляющие информационные матрицы разных организмов различны, – продолжал Вейзель. – Матрица селезёнки слона отлична от матрицы селезёнки мыши, а у растений селезёнки нет вообще. И, самое главное, управляющие информационные матрицы наследственного скрещивания не содержат информации о таких трансуровневых смещениях.

Вейзель опять сделал паузу, давая зрителям очередную возможность похихотать над смешными моментами и усвоить моменты важные.

– Настюш, а ведь они правы, – обратился Антон к девушке. – Ведь если мы изобрели компьютер, то его внутренняя архитектура сделана по нашему образу и подобию. А это значит, что можно сделать обратное моделирование. То есть на образе рабочего компьютера понять принципы, на которых устроен мир.

– Я согласна с тобой, – просто ответила Настя. – Ни один образ в компьютере не будет работать без программы, то есть без управляющей программы. Это сегодня понимает почти каждый. А пройдёт ещё немного времени и это понимание станет всеобщим и универсальным. Чтобы получился образ, нужна управляющая программа. Чтобы появился организм, нужна

управляющая матрица. То есть тоже программа. Никаких случайностей, рождающих что-то конкретное совершенно из ничего, в мудрой природе не бывает.

Тем временем старец Кулик, в свою очередь, согласно кивнул Вейзелю и привёл свой пример:

– Таблица Менделеева даёт яркое представление и об этом: не существует полузолота-полусвинца. Нет полу-кислорода, полу-водорода. Все границы между элементами чёткие и однозначные. Если это углерод, то это углерод, и ведёт он себя точно так, как должен вести себя углерод. Поэтому-то химические реакции и можно рассчитать. А в противном случае была бы анархия.

– Я рад, что вы понимаете! – искренне отозвался Вейзель.

– А как же кентавры? – раздалось из зала.

Казалось, что этот вопрос был неожиданным для профессоров. Они даже немного засуетились. Но это театральное умение подыгрывать зрителю было просто необходимо для поддержания контакта.

– Вы же понимаете, что это сказочные персонажи. А в сказке кого и с кем только не соединяли, – с улыбкой ответил Вейзель и, обращаясь к старцу Кулику, предложил ему: – Третье следствие за вами!

– Хорошо, – охотно согласился старец Кулик. – Тем более что оно у меня уже полностью готово – созрело, так сказать. Я порадовался за вашу продуктивность. Но дух соревновательности берёт своё. Так вот, третье следствие постулатов Организмики: процесс укрупнения экологической системы продолжается до момента, пока она не станет самостоятельным организмом, отличным от составляющих её организмов.

– Прекрасно! – похвалил коллегу Вейзель. – А теперь приведите пример.

– Да-да. Пример, – согласился старец Кулик. – Вот он. Представьте себе, есть такой глубоководный червь, который живёт близ «чёрных курильщиков». Эти черви не так давно открыты и очень удивительны для науки. Такой червь имеет только один кровеносный сосуд. И больше нет ни лап, ни рта, ни желудка. Учёные долго ломали голову: за счёт чего же он живёт?

Старец Кулик не стал рассказывать до конца. Он подошёл к краю сцены и спросил:

– Кто-нибудь знает ответ?

Зал загудел, как встревоженный улей. Но руки никто не поднял. Старец Кулик продолжал ждать.

– Оказалось, что внутри червя живут бактерии! Они разлагают сероводород «чёрных курильщиков». А из него синтезируют питательные вещества для этого червя, – раздался всё тот же писклявый голос.

Несмотря на всю звуковую противность, в этот раз обладатель голоса попал в самую «точку», и старец Кулик одобрительно захлопал смельчаку. Все остальные дружно его поддержали, а Вейзель тем временем принялся спорить:

– Но в таком виде червь это не организм, а экосистема.

Действительно, червь – это один организм, а бактерии – это другие и совершенно самостоятельные организмы. Причём они из другого организмического уровня. По биологической классификации их даже соотносить нельзя. Для бактерий пределы организма червя являются тем же самым, чем является аквариум для рыб. По определению, когда один уровень организмов живёт в организме другого уровня и не использует его в качестве пищи, то это называется эколо-

системой. Вот и эти бактерии вряд ли осознают, что они находятся в пределах червя.

– Правильно, – согласился старец Кулик. – В таком виде червь – это экосистема.

Старец Кулик снова обратился к залу:

– Может, кто-то хочет чего-нибудь добавить?

– При рождении личинка червя не содержит бактерии, – вновь раздался тот же противный голос, но сейчас он уже не выглядел абсолютно противным, в нём появились какие-то нотки, которые уже казались чуть ли не родными и поэтому отвращение не вызывали. Почти половина зала повернулась на этот голос и стала искать его обладателя, искренне желая понять, кто же это у нас такой грамотный: – Лишь позже червь выражается ими, съедая песок, находящийся рядом.

Старец Кулик одобрительно закивал и снова поаплодировал знатоку. После того, как почти весь зал зааплодировал тоже, профессор закончил описание странного происхождения глубоководного червя:

– А желудок червя со временем атрофируется. И также со временем, может, и эта экосистема станет самостоятельным организмом. Но это произойдёт тогда...

– ...Когда уже при рождении личинка червя не будет иметь желудка, но будет иметь весь набор необходимых бактерий, – закончил его мысль уже совсем не противный голос, но всё ещё надоедливый.

– Для кого экосистема, а для кого и симбиоз, – ответил Вейзель. – Пример, безусловно, хорош. И зритель хорош! Видимо, наш герой увлекается исследованием этих глубоководных червей. Интересное увлечение. Пусть вам сопутствует успех!

В ответ из зала донеслось короткое писклявое «Спасибо!».

– А ваш пример, коллега, – продолжил Вейзель, – натолкнул меня на четвёртое следствие: отношения организмов строятся из соображений жизненной безопасности заинтересованного организма. И в качестве пояснения я сразу же приведу свой пример. Если нам вздумалось убрать бородавку, потому что она мешает нам жить, будем ли мы спрашивать разрешения у вирусов, создавших её? Нет! Как и они не спрашивают разрешения поселиться на теле нашего организма.

– Вот опять все рассуждения выходят на то, что Европа ведёт себя паразитически, – прошептал Антон Насте. – Поэтому её и смывают не унимающиеся наводнения.

Настя в ответ только загадочно улыбнулась...

Рождение вселенной

Антон так резко почувствовал невесомость, что его стало тошнить. Он где-то читал, что такие симптомы случались почти у всех космонавтов, которые попадали в космос. А ещё он читал, что при больших перегрузках зрение на время пропадает. Так вот, Антон почти секунду ничего не видел, а когда зрение всё-таки вернулось, то юноша первым делом попытался определить своё место положения.

«Где это я?» – подумал он и огляделся.

Вокруг ничего не было видно. Точнее, не было видно никаких предметов, а только яркий белый свет лился ровным потоком. Он заливал собой абсолютно всё вокруг. Он не слепил Антона, не обжигал и не пу-

гал его. Но всё равно от этого света проистекал какой-то страх.

«Он не отбрасывает тени, – понял Антон и тут же спохватился: – Хотя куда ему отбрасывать?»

Свет, действительно, заполнял всё пространство. Нигде не было даже ни малейшего намёка на какую-нибудь выпуклость или впуклость.

«Что за фигня?» – снова удивился Антон.

Но тут из глубины этого света появилась маленькая красная божья коровка и бесстрашно села Антону на ладонь.

– Приветствую тебя, мой Творец, – услышал Антон очень писклявый голос. Даже более писклявый, чем у того умника, который всё время правильно отвечал на вопросы.

Юноша быстро огляделся по сторонам, но никого не было.

– Приветствую тебя, мой Творец, – опять услышал Антон тот же писклявый голос и ещё раз огляделся по сторонам. И опять никого не увидел.

– Да, нет, не может быть! – сам не веря своей собственной догадке, вслух отреагировал на неё Антон. – Божья коровка не может разговаривать!

Юноша приблизил к глазам насекомое и снова услышал то же писклявое приветствие. Но сейчас Антон отчётливо видел, как божья коровка ему помахала одной из своих многочисленных лапок.

«Схожу с ума», – беспокойно отреагировал Антон и неуверенно ответил: – И тебе привет!

Юноша думал, что за этим ничего не последует, и всё как-то само собой прекратится. Но божья коровка продолжила свои речи.

– Антон, – начала она абсолютно серьёзным, но по-прежнему очень писклявым голосом, – у нас тут поорудовали воры. Это галактические муравьи арабычи. Они украли все спички, на которых держалась моя вселенная. И теперь у меня нет вселенной. И мне негде жить.

– А что ты хочешь от меня? – удивлённо спросил Антон, к этому времени он уже взял себя в руки.

– В моей вселенной действует закон: информация рождает информацию, – ответила божья коровка. – Построй мне вселенную! И я тебя отпущу.

– Вот это задачка! – удивился вслух Антон, пропустив мимо ушей последние слова. – Всё, что угодно ожидал, но того, чтобы построить вселенную, да ещё и на заказ, даже в мыслях не возникало!

– Но ты же можешь! – вознадеялась божья коровка.

– Если честно, то я не знаю, – ответил Антон. – Я, конечно, постараюсь, но даже не представляю, с чего начать.

Антон задумался. Ситуация была крайне непростой: «Нужно построить вселенную из каких-то спичек, а ведь даже самих спичек нет. Как тут построишь?» – нервничал Антон.

– Смелей! – подбодрила его божья коровка.

– Ну, как «смелей»? Я даже не знаю, с чего начать, – ещё больше занервничал Антон и, ухватившись за первую мысль, которая блеснула у него в голове, сказал: – Ну, давай пойдём по такому пути.

Явно предугадывая мысли Антона, в пространстве возникла классная доска. И рядом на подставочке расположился фломастер. Антон с удивлением воспринял

неожиданное появление этого набора, но решил воспользоваться им.

– Напишем предложение: «Имеем одну, ещё одну, ещё одну спички», – закрипел фломастер по доске. – Каждое слово в данном предложении это информация о наличии спички: одной, ещё одной, ещё одной. Допустим. Написали. И что?

Как только Антон произнёс последний вопрос, рядом с ним неизвестно откуда материализовались те самые три спички, о которых он написал. Спички висели в пустоте неподвижно.

– Ого! – отреагировал Антон, восхищённо рассматривая новенькие спички, придуманные только что его разумом; постепенно юноша сообразил: – Тогда для производства новой информации нам ничего особенного не требуется! Так ведь, божья коровка?

– Так! – пропищала она и перелетела с руки Антона на одну из спичек. – Моё имя, кстати, Божа.

– Очень приятно, Божа, – ответил Антон и продолжил: – Достаточно произнести или написать, то есть создать новую информацию «у нас четыре спички», и дополнительная спичка должна появиться. Так, Божа?

– Так! – согласилось насекомое, а тем временем и четвёртая спичка материализовалась.

– Ага! Наше предложение увеличилось в объёме и стало таким: «Имеем одну, ещё одну, ещё одну и ещё одну спички. У нас четыре спички», – подытожил Антон и спросил: – А дальше что?

– Думай! – ответила Божа.

Тем временем сказанная Антоном фраза сама воспроизвелась на классной доске. Юноша оглянулся во-

круг в поисках подсказки, но увидел только ровный белый свет.

«Может, с уже существующими спичками поэкспериментировать», – подумал Антон, вспомнив закон вселенной, который ему подсказала Божа: информация рождает информацию, а вслух произнёс:

– Создадим ещё новую информацию – «надо сложить эти спички, чтобы стало...». Наше предложение увеличилось в объёме и стало таким: «Имеем одну, ещё одну, ещё одну и ещё одну спички. Надо сложить эти спички, чтобы у нас стало четыре спички».

Фраза на доске снова изменилась, а больше, вроде бы, ничего не произошло. Антон посмотрел на спички, но с ними ничего особенного не случилось. Однако Божа принялась летать со спички на спичку и пищать: «Три спички плюс одна равняется четыре спички!»

– Можно произвести такую информацию: «математика», «умножение» и другое такое же, – предложила своим писклявым голосом Божа.

– Та права, – согласился Антон, и тут его озарила мысль, он наконец понял смысл происходящего: – Предложение будет увеличиваться! Наша вселенная из первоначальных четырёх спичек увеличилась в объёме! И приобрела даже свойства математики!

– Я же сказала, что ты – Творец, – восторженно пропищала Божа.

– Ну, в каком-то смысле... Получилось, что да..., – скромничая, согласился Антон.

Пока Божа летала со спички на спичку, юноша ещё поразмыслил над ситуацией. На первый взгляд, никакой внешней силы, которую можно было бы назвать Творцом, не было. Не соблюдались и законы сохранения.

– Однако тот организм, который позволяет нашей вселенной из четырёх спичек расширяться дальше, – это я, – произнёс Антон. – Я же и рождал новую информацию, используя уже имеющиеся «старые» информации.

– Да, да, – пропищала Божя.

– То есть я – человек, произносящий новые информации-слова внутри нашего предложения, – и есть Творец! – осенило Антона.

– Да, да, – пропищала божья коровка. – Поэтому я тебя так и назвала. Ты помнишь?

– Помню, – ответил Антон. – Но слушай, Божя, а ведь если вместо меня займётся расширением четырёхспичечной вселенной кто-то другой, то ничего и не изменится. Или изменится?

– Не изменится, – пропищала Божя.

– А вдруг он вместо созидания станет удалять спички и уничтожит вселенную? – забеспокоился Антон.

– Так поступили муравьи арабычи, – с грустью ответила Божя. – Они уничтожили мою вселенную.

– А если случайное слово? Если, ну, не знаю, отключение электричества? – Антон подумал о белом свете, заливавшем всё пространство.

– Так поступили муравьи арабычи, – снова ответила божья коровка, а та область пространства, залитая белым светом и теперь населённая Божей, уже уносились куда-то далеко-далеко.

– Как живётся, Божя? – в шутку крикнул напоследок Антон.

Но Божя уже его не слышала. Её вселенная преуспела в точку, еле-еле распознаваемую в весьма удалённом пространстве.

– А ведь всё началось с того, что я сказал: «Напишем предложение: "Имеем одну, ещё одну и ещё одну спички"», – смотря вслед улетающей вселенной, Антон принялся анализировать произошедшее. – И в результате этого родилась «спичечная» вселенная, в которой стала жить божья коровка Божа!

Юноша улыбнулся. Ему успел понравиться писклявый голосок Божи. Антон моргнул, и точка вселенной Божи исчезла.

– Интересно, я перестал видеть «спичечную» вселенную. И что? Она умерла, исчезла, пропала? – вслух задумался Антон.

– Нет! – уверенно ответила Настя. – Просто без тебя в ней перестала производиться новая информация.

– Вселенная лишилась своего Творца, – задумчиво продолжил Антон.

– Да. Но любой может создать свою копию «спичечной» вселенной и стать её Творцом. Он может вносить в неё любые изменения, и наши «спичечные» вселенные будут существовать параллельно. А может, и взаимодействуя между собой, – ответила Настя.

Антон снова поймал себя на том, что ему показалось или померещилось, будто бы у Насти на этот раз за спиной были красные пятнистые крылышки.

Настя снова провела рукой за своей спиной, а Антон несколько подозрительно усмехнулся.

Странные смотрины

Как-то в прошлом месяце Настя оказалась у Антона в гостях. Девушку поразила бабушка юноши. Как ни старалась Настя скрыть свою влюблённость, ба-

бушка сразу же определила градус накала в их отношениях.

– Суженная твоя, – коротко сказала бабушка внуку, указывая глазами на белокурую красавицу.

Антон только из вежливости смог на минуту перенести свои мысли с образа Ноны на образ Насти. А Настя покраснела.

Бабушка это заметила и сказала:

– Пойдём, внучок, я тебе кое-что расскажу.

Бабушка знала о Насте буквально всё:

– Слушай меня, Антоша. Настя – девочка хорошая. Она не обманет ожиданий. Никогда не будет злобной и мстительной. Наоборот, Настя беззащитна перед хитрыми и злыми людьми. Её легко обмануть или обидеть. Настя – девочка мечтательная. Она любит сказки. У неё прекрасное воображение. А вот ест плохо. Родители расстраиваются по этому поводу, но ты, думаю, не расстроишься.

– Бабуль, спасибо, конечно, тебе за заботу, – неуклюже попытался отмазаться Антон, – но я уж сам как-нибудь.

– Придётся бабушке научить ребят убирать за собой игрушки, – странно отреагировала бабушка и, не обращая больше на слова Антона никакого внимания, продолжила: – Настя будет прекрасной женой. Она умест и шить, и готовить, любит украшать комнату цветами, ей нравятся изящные вещи. Настя – доверчивая девушка, с тонкой душевной конституцией. Она романтична, влюблива, склонна к слезам. Из Насти получилась бы прекрасная артистка и фотомодель.

– Она и так работает моделью, – нейтрально ответил Антон, удивлённо отметив, что бабушка весьма

точно характеризуем Настю, судя по тому, насколько он знает эту девушку.

– Но самое главное, Антон, – теперь уже заговорческим голосом произнесла Бабушка, – Настя имеет дар предсказания и предвидения.

– Ага! Бабуль, – воскликнул Антон, в шутку сделав вид, что возмутился. – Ты хочешь, чтобы моя жена меня насквозь видела! И, может, ритуалами или заклинаниями какими меня просвечивала?

– Умеет она это делать, – ответила бабушка, – За счёт тонко развитой интуиции. Так что не бойся заклинаний. А вот насчёт замужества – так замуж Настя выйдет рано. Смотри не проморгай, потом не догонишь.

– Угу, – тускло произнёс Антон, снова погрузившись мыслями в образ Ноны, и, думая о ней, вслух спросил: – Как её завоевать-то?

Бабушка, казалось, не поняла того, что Антон спрашивал не о Насте, и продолжила:

– Антоша, ты можешь завоевать сердце Насти. Её избранник должен быть сильным и мужественным. А ты у нас именно такой.

«Ага, такой, – подумал Антон. – Столько времени не могу подкатить к Ноне. Почему? Да, потому что боюсь!»

– А ты не бойся, – сказала бабушка, как бы отвечая на сомнения внука, отчего у Антона сердце заколотилось. – Вот станешь военным и завоеешь... Свою Настеньку.

Антон хотел было психануть на бабушку и на её навязчивую мысль о Насте, но передумал, да и бабушка опередила очередной тирадой своих нравоучений:

– Зато Настя будет тебе преданной и заботливой женой. Ни кокетства, ни поисков приключений на стороне. Отдаст всю себя детям. Я уж не говорю о том, что Настя настоящая красавица!

Жаркие дебаты

– На моё предложение о сотрудничестве и возможном пересмотре теории мироздания от концептуалистов поступил вопрос, – продолжил старец Кулик.

– Как прозвучало ваше предложение? – поинтересовался Вейзель.

– Я предложил им рассмотреть ситуацию, когда в основе мироздания лежат материя, информация и мера, – ответил старец Кулик.

– И каков же был ответ?

– Не ответ. Ответа не было. От концептуалистов поступил вопрос: «На каких носителях хранится информация?»

– То есть концептуалисты ничего не поняли из того, что вы им прислали? – спросил Вейзель. – Ничего. И ничего удивительного, ведь у них самих голова, скорее всего, была занята своей концепцией.

– На то они и концептуалисты, – усмехнулся старец Кулик. – Но я некоторое время подумал и послал им свой ответ. Перескажу его кратко вам.

– Вы не будете «против», если по ходу вашего рассказа я буду вставлять свои вопросы и пропускать, скажем так, в «эфир» вопросы из зала? – спросил Вейзель.

– Нет, конечно. Спрашивайте. С удовольствием отвечу, – произнёс старец Кулик, протёр очки и продолжил: – Так вот. Первый – термин «хранится».

Под ним подразумевается процесс изменения информации, обозначенный какими-либо временными параметрами. И, конечно, этот термин обозначает само наличие информации. Каждый легко вспомнит о том, как ему приходилось подыскивать подходящие для хранения информации носители. В этих поисках никогда не задаёшься вопросом конфигурации носителя. Главное – именно функция хранения.

– Это понятно? – спросил Вейзель у зала и, получив в ответ одобрительный гул, продолжил: – Понятно.

– Однако что такое время? – спросил старец Кулик. – Мы с вами уже как-то рассматривали эту категорию и пришли к выводу, что времени нет.

– А что же есть? – спросил Вейзель, делая вид, что не помнит разговоров о времени.

– Есть «временной» промежуток, – просто ответил старец Кулик. – От псевдоначала события до его псевдоконца.

– И что это значит? – послышался голос из зала.

– Такие «временные» промежутки представляют собой набор информации, соответствующих некоторой корректуре, то есть формуле.

– О чём эта формула? Что она содержит? Из чего состоит? – последовала серия вопросов из зала.

– В неё должны обязательно входить следующие информации, – спокойно принялся отвечать старец Кулик. – Первое – информация о состоянии события в начале процесса его «хранения». Второе – информация о состоянии события в конце процесса его «хранения». Третье – информация об изменении информации о состоянии события в процессе его «хранения». Четвёртое – информация об информации о «физиче-

ских составляющих события» в начале процесса его «хранения». И так далее!

– Так можно до бесконечности!

– Вы правы, этот набор информации, характеризующих процесс «хранения» определённой информации, бесконечен, – ответил старец Кулик. – Но он описывается простой корректурной формулой, которую мы только что с вами и рассмотрели.

– А тогда зачем всё это?

– Вводя в корректуру управляющие матрицы информации, мы можем легко получить описание любого процесса «хранения», – объяснил старец Кулик.

– Понятно! А как обстоит дело с понятием «носитель» информации? – перевёл разговор Вейзель с немного доставшего понятия.

– Во многом – аналогично, – ответил старец Кулик. – Рассмотрим это на другом примере.

Зал недовольно загудел. Все подумали, что сейчас старец Кулик примется объяснять понятие так же скучно и нудно, как и в прежний раз. Но вдруг Вейзель повернулся к зрительному залу и неожиданно громко скомандовал:

– Антон! Ваш выход! Продемонстрируйте нам носитель информации. У вас есть чистый лист бумаги, один карандаш, а также три минуты времени. Время пошло!

Перед тем, как уже в следующий миг оказаться на сцене, Антон успел заметить, что в зале почему-то находятся не какие-то неизвестные ему зрители, а студенты из его же группы. На Антона внимательно смотрели хорошо знакомые лица и назойливо ждали от него дальнейших действий.

Вот так внезапно у юноши появился очень даже удобный случай доказать Ноне, что он заметно отличается от той самой тротуарной плитки и отличается в лучшую для него сторону.

Антон взял два названных предмета, и в тот же момент вокруг него образовался круг огнедышащей пропасти. Зал глубоко ахнул и в диком страхе отпрянул от сцены. Юноша застыл в центре площадки и, едва взяв себя в руки, осторожно взглянул в разверзшуюся глубину. Но дна не увидел. Только ещё отчётливее ощутил густой жар, поднимающийся из далёких земных недр.

От неожиданности Антон потерял несколько драгоценных секунд. Пока он приходил в себя и смотрел вниз, пропасть вокруг него стала такого размера, что перепрыгнуть её юноша уже не мог. Антон остался стоять. На оставшемся не таком уж и большом пятачке, края которого монотонно осыпались и исчезали во всё пожирающей бездне.

С противоположной стороны пропасти на него смотрели полные ужаса глаза студентов и ледяные глаза Ноны.

Оценивая её взгляд, Антон на секунду предположил, что этого льда, возможно, хватило бы на то, чтобы сковать разгорячённую бездну.

Но Нона не станет ему помогать...

Дрожащими от страха нейронами Антон всё-таки смог сформировать понимание того, что времени у него осталось мало. Надо было торопиться. Очевидно, шанс спастись был всего один – выполнить задание Вейзеля. Юноша собрал всю волю в кулак и развернул листок. Лист оказался пустым. На нём пока ничего не было написано.

– На этом «носителе» информации «нет!» – крикнул Антон, как ему показалось, излишне алчно наблюдавшим за ним Вейзелю и старцу Кулику и добавил: – Кроме информации... о состоянии самого «носителя»: он – пуст!

Антон подождал пару секунд, надеясь, что последует какая-то реакция – как в игре. Но ничего не произошло. Монотонность наползания бездны вернула Антона к действию.

– А теперь мы берём карандаш... и придаём определённым пикселям на листе... другой цвет! – Антон почти кричал. Его голос срывался на фальцет, а слова складывались из дрожащих от ужаса звуков. Но всё же юноша посмотрел на след, оставленный карандашом на листе, снова собрался и уточнил: – То есть чёрный.

Он сделал очередную паузу, и снова ничего не произошло. Огонь из бездны лизал своими отражениями широко раскрытые глаза Вейзеля и, отскочив от них, казался Антону какими-то адскими плясками. Вейзель моргнул, и огонь, танцевавший на его зрачках, исчез.

И снова зазвенела полная тишина, нарушаемая только звуками наступающего пекла и периодическим бульканьем крови – это сердце старалось изо всех сил снабдить мозг богатой кислородом кровью, проталкивая её через височные артерии юноши.

Антон перевёл взгляд на Нону, в душе ожидая от неё хотя бы прощальной поддержки. Но девушка уже заинтересовалась разворачивающейся драмой и полностью была поглощена ожиданием финального момента. Она всем своим телом подалась вперёд, подпёрла лицо рукой и так же, как Вейзель, не мигая, уставилась в

сторону Антона. Юноша даже издалека увидел в её глазах те же самые языки адского пламени.

Такой интерес, явно садистский и кровожадный и явно направленный на ожидание зрелища гибели, возмутил Антона и разозлил его так, что юноша в очередной раз поклялся себе в разных вариантах мести относительно Ноны. И если раньше эта злость и эта месть испарялись после нескольких минут созерцания Ноны, то сейчас её жаждущие смерти глаза буквально насквозь прожгли какую-то особенно важную ячейку памяти в охваченном ужасом мозге Антона.

– Мы изменяем информацию... о состоянии «листа бумаги»... в данном конкретном пикселе, – продолжил Антон приобретающим уверенностью голосом, лишь краем глаза поглядывая на всё расширяющуюся пропасть. – Причём, мы не меняем информацию... о самом «носителе»... Наше изменение управляется... информацией о тех пикселях,... которые подлежат только лишь закрашиванию.

Крупный кусок сцены отвалился от площадки, на которой стоял Антон. Кусок упал в бездну, а оттуда вернулся ответ в виде огромного снопа ярких искр и нескольких клубов едкого дыма. Однотруппники в ужасе выдохнули, и это пронеслось по залу, как очередной злобный гул. Казалось, что все переживают не столько потому, что Антон устоял, а потому, что он не свалился в бездну вместе с тем огромным куском.

Нона переложила свою голову на другую руку, а её глаза расширились настолько, что стала видна сеть кровеносных сосудов. «Захлопни – высохнут», – злобно прокомментировал Антон, а мурашки, покрывшие от страха всю его кожу, испугались ещё больше и решились переместиться ближе к голове юноши – как бы

спасаясь от того же жара, бушевавшего уже в непосредственной близости возле его ног.

«Не дождётесь», – буркнул Антон, а вслух произнёс почти ледяным голосом, злобно разбивая на отдельные фразы длинное предложение:

– Также наше действие содержит информацию... об инструменте изменения информации... – это карандаш... О цвете его грифеля... О силе нажатия... О стиле... О гарнитуре... О размере букв... Об их количестве... Об их порядковом номере в алфавите... И так далее!

После этой «азбуки Морзе» он замолчал, ожидая от профессоров положительной оценки за очевидно правильное решение поставленной перед ним задачи. Но старцы молчали. Антону даже показалось, что они уснули. Он настолько был этим разозлён, что буквально заорал. И старцы встрепенулись:

– Продолжайте! – нейтральным голосом скомандовали они, демонстрируя полное безразличие к событиям, разворачивающимся вокруг Антона.

А земля с пяточка тем временем продолжала осыпаться. Антон опять сломался. Он снова плюнул на мечту о мести и полностью потерял самообладание.

– Сам лист выбран,... исходя из специальных параметров, – теперь уже в полном ужасе тараторил Антон. – Он соответствует определённым требованиям... и содержит информации... о материале, цвете, плотности,... мягости или ровности,... размерах, запахе и так далее. При этом,... как мы ранее выяснили,... сам материал листа... – это всего лишь информационная матрица,... а не материя!

Какой-то частичкой своего шарахающего в предсмертной панике мозга Антон удивился своему крас-

норечию. Он опять остановился – потому что земля продолжала осыпаться, а эти ненавистные старцы снова, как дохлики, уснули.

– Не спать! – диким голосом заорал так, что вылетающие из огнедышащей пропасти искры испугались и поспешили вернуться обратно в пекло.

Но старцы не испугались, они лишь проснулись и дуэтом безразлично ответили:

– Да, мы слушаем, слушаем...

Но искры не спешили вылетать наружу. Они всё ещё боялись звериного рыка Антона. Тогда Вейзель, поправляя полу своего пиджака, махнул ей так, что из пышущей пропасти вырвался новый сноп огненных искр.

– Что ещё? – уже в откровенной панике выкрикнул Антон.

Он с ужасом смотрел на пропасть, уже не в силах оторвать взгляд. Сила гипноза бездны была таковой, что юноша вёл себя как кролик, самолично влезаящий в пасть голодного удава.

Нона уже опёрлась на обе руки и даже перестала дышать. Она поняла, что осталось всего несколько последних мгновений, и её «тротуарная плитка» отправится в ад. Ничего более захватывающего в своей жизни Нона ещё не видела.

– Повтори им ещё раз! – вдруг громко прокричала Настя. – Проспали деды!

Эти слова Насти показались Антону холодным душем живой воды. Он пришёл в себя и снова перестал трястись:

– Повторяю!... У нас есть лист бумаги и карандаш.... Мы можем составить его информационную формулу, или корректуру этого носителя... В неё вхо-

диг информация об инструменте изменения информации,... в нашем случае это карандаш;... информация о цвете грифеля карандаша;... информация о силе нажатия;... информация о стиле; информация о гарнитуре;... информация о размере букв и информация об их количестве;... информация об их порядковом номере в алфавите;... информация о материале листа и информация о цвете листа;... информация об изменении информации о цвете листа в данном пикселе,... то есть закрасивание;... информация о плотности листа и информация об изменении информации о плотности листа в данном пикселе,... то есть нажатие;... информация о мягкости и ровности;... информация об изменении информации о мягкости и ровности листа в данном пикселе,... информация о размерах листа;... информация о запахе... и так далее!

Последние слова Антон уже прокричал. Он в ужасе смотрел на пяточок, на котором еле-еле умещались две его ноги, и теперь уже с нескрываемой яростью заорал:

– Что ещё?

– Расскажи им о материи, которая лежит в основе носителя, – снова попыталась подсказать ему Настя.

– Очевидно, что как таковой материи нет,... в своих рассуждениях мы обошлись без неё,... – уже в состоянии полубешенства, хотя всё ещё с неугасающей надеждой, выпалил Антон.

Но земля продолжала осыпаться, уже почти обливая кроссовки Антона.

– Понятие «образа»! – крикнула Настя.

– Аналогично дело обстоит и с понятием «образ»,... – сначала лихорадочно, а потом, успокоившись, стал объяснять Антон. Ему стало всё равно: – Рисунок – это информация об изменении информации

о цветовом состоянии определённых мест рисунка. Фотография – это информация об изменении информации о наличии химических «веществ», то есть информация об информационных матрицах, описывающих химические элементы. То же в определённых местах «фотографии». Скульптура – это информация об изменении информации о геометрическом состоянии определённых мест материала. И, наконец, вещь – это информация о наборе информации о химическом составе материала, о цвете, запахе, географическом положении, принадлежности и другом. Список можно продолжать бесконечно. Но до какого-либо конечного понятия «образ», «вещь», «вещество» мы не дойдем. Окунёмся лишь в бесконечный процесс дробления информационных матриц... информацией о входящих в них информациях и об управляющих их взаимодействием информациях...

Едва Антон успел договорить, как его нога соскользнула с резко уменьшившегося пятка, и юноша полетел в бездну.

Нона встала, а другие студенты сорвались со своих мест и подбежали к краю пропасти. Они несколько секунд отрешённо смотрели туда.

Хотя все знали, что он в итоге упадёт в эту бездну, такого финала никто не ожидал.

Молчаливое созерцание длилось очень долго.

Вдруг раздался далёкий грохот, и из глубины этой бездны стала возвращаться опустившаяся ранее земля. Уже через несколько секунд она поравнялась с поверхностью сцены. Рана, оставшаяся от недавно зиявшей бездны, сама каким-то образом затянулась. На лакированных досках сидел Антон и полуистерически стряхивал с себя пыль, которой почему-то не было...

– Я всё же успел договорить!.. – повторял он в истерике. – Два метра не долетел... Два метра... Всего два метра!.. Я уже видел раскалённую лаву... А потом какая-то сила всё это прекратила... Я успел! Я успел договорить!..

Нона разочарованно села на прежнее место и, обиженно надув губы, продолжала сидеть. Она никуда не побежала. С полуухмылкой ждала развязки, а сейчас даже несколько подалась назад.

Она чувствовала себя обманутой, но её явно заинтересовало неожиданное бессмертие ранее откровенно невезучего Антона.

– А ведь ему начинает везти, – задумчиво оценила ситуацию девушка, размышляя о причинах такого изменения.

Любовная слепота

Несколько недель тому назад Антону стало так тоскливо, что он даже не пошёл в институт. Юноша не хотел обсуждать с бабушкой свои личные проблемы. Он просто сидел на диване, насупившись и проклиная тот день, когда, по его мнению, всё так не заладилось.

– Увлекается хореографией и даже рисованием и лепкой, – сказала бабушка так, как будто читала газету.

– Ты о ком там читаешь? – на секунду вышел из транса внучок.

– Да о твоей Ноне, – ответила бабушка.

Антон оживился и сказал:

– А ещё что ты о ней знаешь?

– Но заставлять её что-либо делать бесполезно, – ответила бабушка.

– Бесплезно? – переспросил внучок.

– Ты знаешь, Антоша, Нона – девушка симпатичная. Я не скрою. У неё много положительных сторон.

– Каких? Назови! – попросил Антон, ему было интересно всё, что касается этой девушки.

– Нона очень любит животных. Она не боится больших собак. Может смело подойти к ним и покорить из рук, – ответила бабушка.

– Ну, бабуль! – возмутился Антон. – Меня не интересуют собаки. Как она к людям относится?

– Очень справедлива. Можно даже сказать, что Нона честна в отношениях, надежна и преданна. И я тебя понимаю, она внешне привлекательна, обаятельна, прекрасно сложена, – ответила бабушка.

– А с друзьями? – поинтересовался Антон.

– С друзьями по школе Нона сохраняет связи и сохранит их на всю жизнь. Это потому, что она отзывчива и готова помочь каждому, кто в этом нуждается. Никогда не откажет, – добавила бабушка.

– Ерунда! – взъерошился Антон. – Мне она никогда не помогает. И не отзывчива вовсе! Да и никому в группе она не помогает. Где-то ты ошибаешься!

– Но ведь у неё есть друзья! – парировала бабушка.

– Есть, – согласился Антон. – Но всё равно, мне она не помогает. А, может, я бы хотел, чтобы она могла.

– Понимаешь ли, Антоша, – ответила бабушка. – Я ещё раз тебе повторю, чтобы ты запомнил. Нона не допускает недостойных действий по отношению к окружающим. Она не отвечает грубостью на грубость. Она умеет снять напряжение при конфликтах и даже успокоить ссорящихся. Да, это всё, безусловно, хорошо. Может даже показаться, что Нона слишком требовательна к се-

бе. Может показаться, что она снисходительна к окружающим. Но на самом деле Нона просто не жалуется болтунов и хвастунишек. Она не прощает лжи. Обмануть её трудно. И честность – принцип её жизни.

– Ну, так, значит, всё хорошо? – обрадованно прокричал Антон.

– Что хорошо? – спросила бабушка.

– Нона – вся такая хорошая! – уточнил Антон.

– Старость Нону дома не застанет, – пояснила бабушка. – Бесшабашная она. Но это не самое главное.

– А что самое главное? – удивился Антон.

– Есть одно «но», – заговорчески произнесла бабушка. – И ты скоро об этом узнаешь.

Развязка связей

– Прекрасно, Антон! – почти невозмутимым тоном произнёс Вейзель, почти столь же невозмутимо рассматривая юношу, только что чуть не сгоревшего в жерле вулкана. – Вернитесь на своё место. А мы рассмотрим примеры информационных матриц.

Антон, всё ещё отряхиваясь от несуществующей пыли, уселся на место и крайне куцо произнёс:

– Спасибо!

Благодарность была адресована Насте за те самые очень своевременные подсказки, которые, скорее всего, и спасли ему жизнь. Антону было крайне неудобно. Он чувствовал, с одной стороны, что побывал в роли подопытного кролика, а с другой – что с честью вышел из такого жёсткого испытания и даже, может быть, стал немножко героем.

Антон посмотрел в сторону Ноны. Она смотрела на него и в ответ едва заметно улыбнулась.

Уже более довольный собой и гораздо более счастливый, Антон посмотрел на Настю. В её глазах он сумел прочитать остатки сопереживания и тревоги, а также невероятную радость.

– Давайте, – согласился старец Кулик, хлопнул в ладоши и на сцене появился преподаватель информатики.

Он, явно не понимая, что с ним происходит, стал, как робот, рассказывать следующее:

– Простейшая информационная матрица – компьютерный редактор FrontPage, с помощью которого создаются интернет-сайты. По её работе можно легко понять как с помощью матрицы отражается действительность и как действительность можно увидеть с помощью символов – в матричном виде.

– Объясните, пожалуйста! – раздался голос из зала.

– Открыв страничку в этом редакторе, – стал объяснять преподаватель информатики, – слева внизу неё мы видим кнопки «normal», «html», «preview».

– Не спешите – проверяем! – опять раздался тот же голос из зала.

– Хорошо, – ответил преподаватель, выждал некоторое время, похлопав глазами, и продолжил: – Создавать страницу можно двумя способами. Первым – нормальным, реальным способом, нажав на кнопку «normal».

– Нажали! – снова раздалось из зала.

– Вы видите слова, как слова, линии, как линии, картинки, как картинки, – ответил преподаватель информатики.

– Да! Так и есть! – раздалось из зала.

– Второй способ – матричный, нажав на кнопку «html», – продолжил преподаватель, – теперь вы видите матрицу сайта, где все элементы указаны в симво-

лическом кодовом виде. Здесь нет ни линий, ни слов, ни картинок.

– Всё точно! – опять прозвучало из зала.

– Оживает сайт при нажатой кнопке «preview», – продолжил преподаватель информатики. – Теперь вы видите картинки, как картинки. Теперь и кнопки нажимаются и ссылки работают. То есть сайт функционирует нормально. Всё понятно?

– Да! – несколько студентов хором ответили за всех.

– Теперь необходимо понять, как можно воздействовать на этот организм под названием «сайт», – продолжил преподаватель. – При нажатой кнопке «preview» изменить и повредить почти ничего нельзя. Ввести «болезнь» в сайт можно только через две первые кнопки.

– Это как? – опять спросили из зала.

– При нажатой кнопке «normal», пометив картинку, вы удаляете её и видите этот процесс непосредственно, – ответил преподаватель. – А при нажатой кнопке «html» вы ничего не удаляете. Вы просто вносите некорректность в текст оператора, описывающего появление картинки. И картинка больше не показывается. То есть, нет необходимости удалять картинку, достаточно лишить управляющую матрицу информационной связи с этой картинкой.

– Да! Получилось! – подтвердили из зала.

Старец Кулик хлопнул в ладоши, и преподаватель информатики испарился так быстро, как будто его никогда и не существовало.

– Такое же действие можно совершить и с человеком, – произнёс старец Кулик. – Можно изменить фамилию, и прежнего человека больше не будет. Можно убрать из компьютера университета данные о конкретном студенте, и этого студента больше не будет в

этом университете. А можно вместо того, чтобы, например, отрезать палец, зная через какую матрицу это сделать, внести некорректность в описание структуры пальца. И палец не станет!

На последний пример студенты не очень сильно, но рассмеялись...

Глава 3. Душа

«Вы можете в равной степени называть имплицативную область Идеалом, Духом, Сознанием. Разделение двух понятий – матери и духа – абстракция. Основа у них одна».

Дэвид Бом, физик

Башня и безбашенные

Неожиданно Вейзель и старец Кулик, казалось бы, на мгновение занявшиеся какими-то своими непонятными делами, повернулись к студентам и жёстко командовали:

– Выходите все на сцену!

Студенты сначала некоторое время переглядывались, а потом стали выходить «к доске»,... оказываясь в центре театральной сцены. Через некоторое время все собрались. Они в полном непонимании смотрели друг на друга и осторожно перешёптывались, стараясь найти хоть какое-то объяснение таким действиям.

Тем временем Вейзель и старец Кулик разошлись по противоположным сторонам.

– Ищите выход! – громко командовал Вейзель, и вокруг студентов выросла высоченная сумрачная башня – без дверей, без окон и без потолка.

Она окружила ребят каменной кладкой, а Вейзель и старец Кулик предусмотрительно предательски остались снаружи. Со спины потянуло земляным холодом, а через зияющую вверху дыру внутри башни стало поглядывать нависающее небо.

Студенты сначала немного поудивлялись. Они даже чуть-чуть подумались – появление башни было

столь же интересным, сколь и необычным. Но после событий с провалившимся полом и едва уцелевшим Антоном башня почти никак не шокировала.

Потом, уставши от ситуации заточения, некоторые из студентов присели к стене и стали пассивно ждать помощи. Или любого другого развития ситуации. Остальные принялись исследовать стены башни. Но кладка была древней и очень крепкой. Она не оставляла шансов на какое-то простое освобождение.

Антон уверенно подошёл к Ноне, помня о подаренной ему улыбке и понимая, что вот здесь, в статусе только что победившего случай героя, настал его звёздный час. Вот сейчас он спасёт эту принцессу и принцесса, конечно же, воспылет к нему страстной ответной любовью:

– Не беспокойся! Сейчас выберемся.

– Как мы найдём выход, если у нас нет ни одного инструмента? – несколько капризно ответила Нона.

– Не знаю, – ответил Антон, ощупывая камни руками. – Может здесь ключ какой есть. В фильмах о Египте всегда в подземельях бывает такой камень, который нужно повернуть, и открывается проход. Надо и здесь поискать.

– Ищи, ищи, сыскарь, – посмеялся над ним другой студент, развалившись около противоположной стены.

– Я уже отправила СМСку, – без эмоций сообщила Нона. – Он заберёт меня на вертолёте и объяснит этим профессорам как надо себя вести со студентами.

Антон снова попал под ледяной дождь ревности. Он понял, что Нона не надеется на него и даже не пытается дать ему шанс. Юноша чуть было не взревел от накрывшей его злобы, но нашёл в себе силы и не стал задирать голову, когда все остальные посмотрели на-

верх, ища вертолёт с «героем» Ноны. Там не было никакого вертолёта.

Взгляды переместились на Нону, как бы молча спрашивая её о судьбе отправленного СМС.

– Лучше б помолчала, – произнесла Настя. – Или помогла бы поискать нужный кирпич.

Нона не удостоила девушку ни ответа, ни даже взгляда.

В этот момент сверху что-то посыпалось. Все ещё раз подняли глаза, думая, что теперь-то прилетел вертолёт.

Но там, на краю башни сидели две огромные чёрные птицы и как-то странно смотрели вниз на задранных головы студентов.

– Кыш! – крикнул кто-то из ребят.

В ответ на это одна из птиц медленно слетела вниз. Она полубоком подошла к этому студенту и некоторое время посмотрела ему пристально прямо в глаза. Затем сильно клюнула в голову. У студента от удара раскололся череп, а птица схватила обмякшее тело огромными когтищами и улетела прочь.

Сначала настала тишина. Мёртвая тишина. Это была реальная смерть. И смерть товарища никак не вписывалась в рамки лекции. Даже такой, самой невероятной.

Потом началась паника. Ребята стали метаться от стены к стене, ища укрытие. Они перебегали от стены к стене и смотрели в испуге на ту птицу, которая осталась на краю башни. Она, в свою очередь, хищнически следила за студентами.

Вся эта кутерьма отчётливо напомнила суету аквариумных рыбок, которые всё понимают и мечутся по стеклянному каземату, стараясь увернуться от вылав-

ливающего их сачка. Пометавшись немного, студенты успокоились – деваться было некуда. Стало понемногу возвращаться сознание.

– Надо искать выход, – понял Антон. – Ведь он должен же быть!

– Должен, – согласился один из студентов, а потом в панике добавил: – А вдруг его нет? Может и нам отправить СМСку?

– Кому? – безнадёжно ответил Антон.

А потом его глаза оживились. Он, схватив студента за грудки, сбивчиво спросил:

– Интернет, значит, работает?

– Да-а-а-а... – медленно ответил студент. – А что?

Антон повернулся к Насте и протянул ей компьютер.

– Регистрируй домен! – скомандовал Антон.

– Готово! – нажала «энтер» Настя.

– Переведи на страничку башню и всех нас, – скомандовал Антон.

Настя сняла всех и башню на видео и загрузила на страничку только что зарегистрированного домена:

– Готово!

– Теперь вырежи дверь в башне и сделай, чтобы она открывалась по клику!

– Готово! – ответила Настя.

– Покажи! – скомандовал Антон.

Настя кликнула по компьютерной двери. Дверь на страничке сайта и дверь в стене реальной, окружавшей их башни, синхронно открылись, закрылись и снова открылись.

Увидев это, птица с края башни стала поспешно спускаться вниз.

– Бежим! – скомандовал Антон всем, и студенты ринулись в открытый проём башни.

Когда последний из них выбежал, Антон скомандовал:

– Закрывай!

Настя кликнула, и дверь закрылась перед самым клювом смертоносной птицы.

Студенты оказались вне башни. На свободе. Они брякнулись на землю и несколько секунд просто дышали чистейшим воздухом свободы. После чего кинулись обнимать друг друга.

В таких вот беспорядочных объятьях Антон впервые прижал к себе Нону.

Её не забрал вертолёт, и поэтому девушка не стала отстраняться, а напротив – посмотрела ему прямо в глаза:

– Начал шевелиться, тебе стало везти. Глядишь, так и меня удержишь.

Нона еле заметно подала губы вперёд, и Антон шпился в них, как изголодавшийся по крови вампир.

После поцелуя Антон и Нона некоторое время стояли обнявшись. Казалось, любовь так и циркулирует между ними, и вот-вот начнётся «хепиэндовское» вампирское превращение. Сознание Антона уже стало строить планы на будущее. В смысле, на ближайшее будущее. На сегодняшней вечер, ночь...

Но вдруг бесшумно подкатил тот самый «членовоз» с синим «ведёрком» на крыше. Антон, разминая кулаки, уже приготовился было выдать пару нелестных реплик в адрес своего конкурента. Но, когда тот вывалился из «членовоза», Антон не смог вовремя вернуть себе дар речи и способность к действиям.

Тем более что вторым из «членовоза» вышел очень внятный охранник. Этот «конь», ростом далеко за два метра, положил Антону на плечи свою «железную» лапу, а бок доходчиво проконтролировал стволом.

Антон стоял и смотрел на мужчинку, в свои «почти сорок» едва достигавшего 165 сантиметров. И то последние два – три сантиметра ему обеспечивали каблуки. Он был одет в костюмчик очень модного мастера. Это было понятно по куце му крою пиджака и не мужской зауженности брюк. В одной руке мужчинка держал что-то из семейства коммуникаторов, а в другой – небольшую коробочку.

Нона категорически не стала замечать своего ухаждёра. Она, почти любя, смотрела на только что спасшего её Антона и не спешила выходить из его объятий.

Но, заметив коробочку, она сделала три шага навстречу кавалеру и протянула ему левую руку.

– Дима, я чуть было не ушла от тебя к другому! – предъявила Нона своему мужчинке, следя за тем, как он одевает ей колечко на палец.

– Пришлось срочно утверждать программу финансирования обеспечения повышения темпов дополнительной толерантности, – объяснил он происхождение камня и только что подаренного кольца.

Нона благосклонно подставила щёку для поцелуя. Дима едва коснулся её губами. Они вскарабкались на заднее сидение внедорожника и умчались. За всё время мужчинка не удостоил взглядом никого, кроме Ноны.

Антон ещё долго улавливал вдалеке наглые всплески «мигалки». Он отошёл к стене башни и прислонился к ней спиной. Сердце его разрывалось. Антон окинул ненавистью башню и всадил в неё все удары, которые приготовил для Димы.

Ребята смотрели на него молча.

Настя стояла неподалёку, но подходить не хотела. Её тошнило...

Золотая пыль

– Ну почему одним всё, а другим ничего? – рассылался на вопросы Антон. – Почему у этого дохляка всё самое лучшее? Почему у него столько денег? Откуда?

– Тебя интересуют только деньги этого чиновника? – уточнил Вейзель. – Или ты хочешь понять причину поведения Ноны?

– Было бы у меня столько денег, была бы и Нона, – нервно кинул Антон.

– Слепое повиновение деньгам и золоту культивировано четвертью человечества. Так уж устроен Мир, – произнёс задумчиво Вейзель, накрывая Антона потечески заботливым вниманием. – Две тысячи лет назад родился Золотой демон и опустил на землю христианство. Утверждая, что золото надо любить, что оно приближает к власти, демон пытается нас убедить, что власть приближает к Богу. Ради золота христианство уничтожало цивилизации. Ради золота последователи демона ввели Инквизиции, которыми убивали и убивают миллионы людей. Этому потоку крови нет истощения.

– Я всё это знаю. Мне жаль и индейцев, и всех тех, кто погиб от рук инквизиторов. Но вам же отчётливо было сказано – толерантность. Они повышают темпы толерантности, – отмахнулся Антон.

– За подобные «заслуги» в человекоубийстве убийц величают христианскими «великими полководцами». Это и Александр Македонский, и Наполеон, –

ответил старец Кулик. — Были попытки представить в качестве мессии Гитлера. Некоторых убийц сделали святыми.

— А давайте спросим у убиенных ими! — предложил Вейзель, и тут же разверзся пол сцены, и оттуда вылетело огромное множество истлевших и полуистлевших трупов. Они частично расположились на сцене неожиданно потревоженной толпой. Но в виду огромного количества хвост этой «очереди» протянулся далеко к горизонту.

Старец Кулик некоторое время всматривался в эту очередь, ожидая, пока это мёртвое воинство успокоится. Казалось, что он пытается рассмотреть каждого. А потом, обращаясь к этой очереди, громко спросил:

— Так ли велики эти полководцы?

— Ничтожны! — коротко и ясно прозвучал мощный ответ «очереди», сказанный в унисон миллионами голосов.

— Что им было нужно от вашей пролитой крови?

— Убийство!

— Может, они хотели завладеть вашим золотом и вашим богатством? — продолжил спрашивать старец Кулик.

— Нет! Они — обыкновенные убийцы!

— Может, им нужны были ваши земли?

— Да! Они — обыкновенные захватчики!

— Им нужны были ваши души?

— Да! Но мы не отдадим наши души этим святым!
— мощно выкрикнули почившие.

А старец Кулик добавил:

— Не сожрать им, «святым» и «великим», награбленного! Не унести с собою в могилу ни грамма золо-

та вашего! Не насыпать золотую гору! И с её вершины не трясти Бога за бороду!

– Нет! – громко и резко выкрикнули покойники и исчезли.

Только тонкие струйки праха ещё некоторое время ползали между ног Вейзеля и старца Кулика, видимо, не сразу отыскав дорогу в потусторонний мир.

– Корысть – тяжкий грех, – в полном разочаровании наблюдая за змейками праха, произнёс Вейзель.

– Почему такое случается? – спросил его Антон.

– Вырастая в нищете, терпя унижения и питая этим грех насилия, – выдохнул Вейзель, – вчерашние павшие духом брали в руки меч и становились убийцами, надеясь на почве ненависти вырасти до безгрешного. А более греховные росли до Бога... Как им казалось. Но вырастали всё-таки в дьявола...

– Наполеон сгнил давно. Жертв его не расспросишь о «великих» «подвигах» кровопийцы. Гитлер был недавно, – поддерживая коллегу, продолжил старец Кулик, потом, немного поразмыслив, добавил: – Всегда родится очередной кровопийца.

– А как же герои? Ведь нашу Родину наши предки защищали и от Наполеона, и от Гитлера? – поинтересовался Антон.

– Герои, способные помнить каждую пролитую каплю крови, в большей степени, рождаются как раз именно из-за такого кровопийцы, – ответил старец Кулик. – Герои способны помнить каждого сгоревшего ребёнка. Расстрелянного соседа. Повешенного земляка. Зарезанного брата. Брошенного в тюрьму отца... Убийцы желали и желают весь мир.

– А зачем?! – удивился Антон.

– Корусть, – ответил Вейзель. – Корусть – это мотивация подонков. Она снимает даже золотые коронки с зубов поверженных ими врагов.

– Бог не скажет нам: угодны ли ему эти изверги? – добавил старец Кулик. – Но дьявол, вселившийся в их души, ещё при жизни прожрал в них огромные дыры.

– Дьявол – это зло! – прокомментировал Антон. – Ему не место в этом мире.

– Дьявол знает свою роль, – ответил Вейзель. – Он – слуга Бога.

– Дьявол – слуга Бога? – удивился Антон.

– Да, – ответил старец Кулик. – Как и ты. Как и всякий. И не остановили этого судью золотые панцири корыстных победителей.

– «Золото управляет Миром!» – говорят его поборники, – добавил Вейзель.

– Не золото! А правильное слово, произнесённое предназначенными для этого устами. Миром правят Уста! – поправил его старец Кулик.

– То есть, слово? – переспросил Антон. – Но одними словами сыт не будешь. А вот деньги... Чем больше, тем лучше.

– Лишняя деньга растит в тебе демона Страх – страха за сохранность твоего богатства, – стал спорить Вейзель.

– А также демона Подозрительности, – пришёл ему на помощь старец Кулик. – Видящего в каждом покушенца на твоё золото.

– А также демона Насилия, – сказал Вейзель. – Убивающего всякого, показавшегося тебе подозрительным.

– Сон твой и покой перейдут на службу жёлтому металлу, – продолжил старец Кулик. – Не Богу.

– Я знаю, что этот «парень» Ноны ведёт свою родословную от дочери Иисуса, – ответил Антон. – Она как-то хвасталась нам этим. Но ведь этого не может быть!

– Пустоты интеллекта заполняются верой, – пояснил Вейзель.

Blood

Ещё одна недавняя беседа с бабушкой вспомнилась Антону. Она продолжала наставлять внука «на путь истинный». Антон тогда спросил:

– Бабуль, вот ты у нас всё знаешь. Почему ты всё время мне сватаешь Настю, если мне больше нравится Нона? А вот если сравнить реально ту и другую – сможешь?

– Антоша, вспоминай, – ответила бабушка, – я уже сравнивала их и всё тебе рассказала.

– Я забыл уже, – улыбнулся Антон. – Повтори кратце.

– Давай я тебе немного иначе всё повторю – раз ты так быстро всё забываешь, – ответила бабушка.

– Давай!

– Во-первых, Настя – красавица! – ответила бабушка. – Волосы пшеничные, длинные, ухоженные – сразу видно, что девушка ими занимается. Лицо – точёное. Глаза – голубые. Фигурка – статная. Ангел – а не девушка!

– А может мне брюнетки нравятся, – стал спорить Антон.

– Я понимаю тебя, Антон, – ответила бабушка. – Нона тоже хорошая девушка. Но она не твоего племени. Чужая она для тебя. У неё свой народ есть. Только

выходцы из него найдут с Ноной полное взаимопонимание. Жену нужно брать из своего народа, тогда и счастье в дом придёт. Да и есть у Ноны одно «но», которое ты не сможешь преодолеть...

После того как Нона так легко поменяла Антона на колечко, юноша стал помаленьку понимать, о чём говорила ему бабушка.

Совокупность управления

– А душа? – задал новый вопрос Антон. – Ведь она должна быть у Ноны? Она же не дура! Не может же она продаться за кольцо!

– В разные времена мне пришлось ответить на многочисленные вопросы недоверчивых вопрошателей, – стал намекать старец Кулик. – Вы же знаете, что самым распространённым является вопрос о том, что опытным путём якобы установлено: когда человек умирает, его тело становится легче.

– Это что – душа? – спросил Вейзель.

– Да, это что – душа? Так все и спрашивают, – усмехнулся старец Кулик.

– Так ответьте, уважаемый! – подзадорил Вейзель.

– Ну, держите ответ, – начал старец Кулик. – Только я вам отвечу со всей серьёзностью, а не для того, чтобы просто погладить по голове и успокоить после сердечных переживаний.

– Хорошо, – согласился Антон, поняв, что намёк на сердце был сделан в его сторону.

– Каждый организм, в том числе и человеческий, устроен из информационных матриц, вложенных в одну – организмическую матрицу, – принялся объяснять старец Кулик.

– Как это? – удивился Антон.

– Поясню на примере, – терпеливо продолжил профессор. – Печень – это информационная матрица. Она является частью организмической матрицы всего человеческого организма. Печень производит различные ферменты, которые предназначены для того, чтобы человеческий организм нормально функционировал и осуществлял свою жизнедеятельность.

– Понятно, для организма человека печень – это управляющая информационная матрица, – ответил Антон.

– Точнее, одна из управляющих матриц организма, – поправил профессор.

– Однако и сама печень устроена так, что постоянно находится под неким управлением, – встрял Вейзель. – Обратите внимание на то, что клетки печени обновляются, и сама она чётко функционирует. Очевидно, печень подвластна некой программе, которую выдаёт другая информационная матрица.

– Та, которая управляет работой печени, – продемонстрировал, что понял, Антон.

– В то же время и эта управляющая матрица находится под другим управлением, – продолжил старец Кулик. – И так далее. Вот второй пример. Палец состоит из фаланг. На первой из них находится ноготь. Все прекрасно знают: если подстричь ноготь, то?..

– То он опять отрастёт! – ответил Антон.

– А если обрезать фалангу вместе с ногтем, то ноготь?.. – съязвил Вейзель.

– Уже не вырастит! – также язвительно ответил ему Антон.

– К сожалению, да, – вздохнул старец Кулик. – Это происходит вот почему. Вместе с фалангой пальца удаляется и другая информационная матрица.

– Которая управляет жизнедеятельностью ногтя? – спросил Антон.

– Да, – ответил старец Кулик. – Очевидно, эта управляющая матрица находится именно в том месте, где и сам ноготь расположен.

– Поэтому, пока идёт обрезка ногтя, это не приносит управляющей матрице невосполнимых потерь, – продолжил Антон. – А когда удалён весь ноготь, да ещё «с корнем», то восполнение даже части ногтя становится невозможно.

– Правильно, – ответил профессор. – И это потому, что разрушена и сама восполняющая ноготь матрица.

– Таким образом приходим к следующему заключению, – объявил Вейзель и вопросительно посмотрел на Антона, мол, заканчивайте фразу!

Антон это понял, подумал немного и выдал:

– Душа – это совокупность управляющих матриц организма – тех, которые не видимы обычными физическими способами.

– Молодец! – восхитился точности определения старец Кулик.

– Каждая из этих матриц находится непосредственно в том месте, – дополнил Вейзель, – где расположен управляемый ею орган.

– То есть, вы хотите сказать, что возможно наблюдение некоего фантома? – удивился Антон. – Или, как принято говорить, некоего «энергетического», «тонкого» тела человека, по форме напоминающего тело человека?

– Естественно! – ответил Вейзель. – Вы же сами понимаете, что при таком определении душа имеет вполне реальную массу.

– Тогда получается, что душа, как совокупность невидимых управляющих матриц, – это «второе» тело человека, – согласился Антон. – Управляющее работой первого – «физического».

– Правильно, юноша! – похвалил его старец Кулик. – Именно поэтому в некоторых случаях человек физически жив, поддерживаемый приборами, но активной жизнедеятельности не проявляет. Это и есть результат того, что либо разрушено «второе» тело человека, либо во взаимодействие первого и «второго» тел человека внесена какая-то некорректность.

– Если некорректность, – догадался Антон, – то возможно устранение этой некорректности, и тогда человек «возвращается к нормальной жизни».

– Это любимое умствование Азazelo⁶, – ухмыльнулся Вейзель. – Человека можно вернуть к жизни только до того момента, пока не разрушена его управляющая матрица.

Антон ещё раз всё обдумал и очень серьёзно задал вопрос:

– Это мы о душе?

– О душе! – в унисон ответили Вейзель и старец Кулик.

⁶ Мифологический персонаж – тот, кто совершает убийство.

Глава 4. Истина

«Наука разложила мир на элементарные кирпичики. Изучая организм, она опускалась до клетки. Однако мир, разбитый на кусочки, стал таким же непонятным, как разрезанный на миллионы кусочков шедевр мастера».

Резюме конференции «Научные итоги второго тысячелетия: взгляд из России»
(2000 год, Санкт-Петербург)

Девятые врата

Кандидатура Антона тщательно проверялась. Всех подробностей нам не известно, но часть разговора старца Кулика и Эйна Вейзеля по этому поводу сохранилась.

– Уважаемый коллега, – произнёс старец Кулик. – Что вы можете сказать о вашем подзащитном?

Перед Вейзелем появилась трибуна, профессор вошёл в неё, выпил полстакана воды, стоящей на подставке, и с красками адвоката принялся излагать:

– Мой подзащитный – это личность. Он относится к типу «умеющие ждать». Если учесть все стороны его характера, то нам он подходит примерно на 85 процентов. Основные черты характера: интуиция, активность, возбудимость, нравственность. Он не ввязывается в авантюры и сомнительные предприятия. Его действия обдуманы, а вопрос, которым он собирается заниматься, изучен досконально.

– Хорошо, – ответил старец Кулик. – А что с психикой у вашего подзащитного?

– Психика Антона – он интроверт, – ответил Вейзель. – Склонен замыкаться в своей «скорлупе». Он объективен, способен к самопожертвованию. Но ему не хватает смелости и уверенности в своих силах.

– Это мы уже видели в случае с башней, – согласился старец Кулик.

– Следующая характеристика, – объявил Вейзель, – воля. У моего подзащитного воля носит скрытый характер. Можно сказать, что он не принадлежит к числу людей, которые занимают высокие должности.

– Какова же причина этого? – спросил старец Кулик.

– Мой подзащитный часто сам не знает, чего он хочет, – ответил Вейзель и добавил: – Или иногда не может ясно выразить свои желания. Его попросту не понимают.

– Вы упомянули про возбудимость, – напомнил старец Кулик. – Это что такое?

– Мой подзащитный долго тянет, раздумывает, прежде чем прийти к какому-то решению, – ответил Вейзель. – И вот когда, вроде бы, всё уже для себя прояснил, внезапно вдохновляется чем-то другим – и делает всё наоборот!

– Будьте добры, ещё раз про скорость реакции, – попросил старец Кулик.

– Мой подзащитный обычно держится несколько на расстоянии, – ответил Вейзель. – Но это верный товарищ. Мы и это наблюдали в случае с башней.

Старец Кулик согласно кивнул.

– Однако мой подзащитный очень чувствителен к неудачам, – продолжил Вейзель. – Склонен к излишнему чувству. Здесь же можно сказать о восприимчивости. Мой подзащитный долго переживают разочарования. Он мечтают о таком доме, который служил бы

ему убежищем от враждебного ему мира. Сюда же можно добавить и несколько слов о нравственности моего подзащитного. Его натура не привыкла ощущать моральное давление.

– Понятно, – ответил старец Кулик. – Продолжайте.

– Ещё раз отмечу, интуиция развита хорошо, – произнёс Вейзель. – Мой подзащитный зачастую прислушивается к её голосу больше, чем нужно. В некоторых случаях полностью зависит от неё. Интеллект у моего подзащитного глубокий, способный к синтезу. Юноша обладает хорошей цепкой памятью. Правда всех возможностей он не использует, но это происходит по причине потери самообладания.

– Какова его готовность к миссии? – спросил старец Кулик.

– Здоровье нормальное. Вынослив. Не устаёт, – ответил Вейзель. – Нуждается в свежем воздухе и сне. Наряду с этим активность очень слабая. Для того чтобы мой подзащитный взялся за дело, его необходимо хорошенько «встряхнуть».

– Это мы уже сделали, – ответил старец Кулик. – Я думаю, такое унижение, когда твою девушку увозят из-под носа сразу же после поцелуя, простит не каждый.

– Это было жестоко, – согласился Вейзель. – А теперь о поле деятельности моего подзащитного. Оно может быть обширным. Философия, психология, медицина, литература, музыка, сцена, инженерия, электроника. И последнее. Знак Зодиака – Лев. Планета – Солнце. Цвет – жёлтый. Дерево – клён. Растение – чеснок. Камень – гранат.

– То есть ваш подзащитный нам подходит, – сделал заключение старец Кулик. – Не думайте ли вы,

профессор, что из этого вполне понятного ряда несколько выпадает гранат?

– Я думаю, в данном сочетании, напротив, – ответил Вейзель. – Он будет веселить моему подзащитному сердцу, придаст бодрость и оптимизм. Можно даже указать на то, что в известной степени именно из-за этого камня мой подзащитный может приобрести власть над людьми.

Конструктор

– Всякий человек или животное рано или поздно умирает, – философски стал рассуждать Антон, продолжая разговор о душе. – Его тело разлагается и превращается в прах. К чему вся эта жизнь?

– Человек питает собой новую жизнь, – ответил старец Кулик. – Ведь организм состоит исключительно из информации о взаимодействии информации. А информация не может исчезнуть. Вот, посмотри, как этот ребёнок с увлечением играет конструктором!

В тот же самый момент на большой зелёной лужайке появился огромный малыш – больше десятиэтажного дома. Он сидел на небрежно расстеленном одеяльце и безуспешно пытался соединить две несовместимые детали какого-то конструктора.

– Почему такой большой? – удивился Антон.

– А это чтобы вам было лучше видно, – улыбнулся старец Кулик.

На ум юноше сразу же пришла «Красная шапочка» вместе со всеми своими крылатыми словами и выражениями.

– Мама собрала ребёнку машинку из тех деталей конструктора, которые находились в коробке. Появил-

ся некий организм – «Машинка». Ребёнок играл-играл, потом ему надоело. Детка просто взял и разобрал машинку на составные части: «Машинка» умерла, – рассказал историю ребёнка старец Кулик и продолжил: – После этого мама из тех же частей конструктора, что раньше были «Машинкой», собрала ему «Домик».

– И что? – удивился Антон.

– Возник новый организм – «Домик», – ответил старец Кулик. – Что-нибудь пропало?

– Нет! – ответил Антон и заметил, что ребёнок на его глазах разобрал домик и быстро собрал лягушку.

Она вдруг ожила и упрыгала прочь от малыша...

Сильная возбудимость

Кандидатура Насти тоже прошла тщательную проверку.

– Уважаемый коллега, – теперь командовал Эйн Вейзель. – Что вы можете сказать о вашей подзащитной?

– Моя подзащитная выбрана среди прочих самой Царицей, – начал представление старец Кулик.

– Как, впрочем, и мой подзащитный, – прервал его Вейзель. – Он тоже был выбран среди прочих самой Царицей. Продолжайте!

– Тип личности моей подзащитной – «летающие высоко», – продолжил старец Кулик. – Её характер подходит под нашу задачу на 96 процентов! А её излучение максимально яркое – 95 процентов! Её цвет – зелёный. Основные черты – воля, возбудимость, скорость реакции.

– В общем, всё выглядит очень даже симпатично, – прокомментировал Вейзель. – Но не могли бы вы, коллега, представить свою подзащитную несколько шире.

– С удовольствием, – ответил старец Кулик. – Моя подзащитная относится к типу холериков. Она обладает быстрой реакцией. Очень подвижна. В жизни с ней нелегко. Настроение меняется быстро. Требуется постоянного внимания. Не способна на решительные действия. Но возбудимость сильная. Даже чересчур. Реагирует бурно. Действует импульсивно. Может быть ошеломляющей. Может быть и спокойной.

– Да, вот это экземпляр, – ответил Вейзель. – И как она может подходить на 96 процентов?

– Возможно из-за интуиции и интеллекта, – ответил старец Кулик. – Моя подзащитная одарена удивительной интуицией, беспокойной, подвижной и непостоянной. А своим интеллектом моя подзащитная способна синтезировать и схватывать всё практически на лету. Она всё понимает. Обладает хорошей памятью. Моя подзащитная тонко чувствует нравственные принципы. Но есть у неё и некоторый моральный оппортунизм. Он иногда приводит её к бурным похождениям.

– Всё-таки мне трудно понять выбор Царицы, – снова удивился Вейзель.

– И последнее о моей подзащитной, – сказал старец Кулик. – Знак Зодиака – Скорпион. Планета – Плутон. Цвет – тёмно-зелёный. Дерево – жасмин. Растение – орхидея. Камень – малахит.

На слове «скорпион» Вейзель поднял брови и потом утвердительно кивнул. А после всего представления подытожил:

– Скорпион – это многое объясняет...

Примеры воздействия

С видимыми матрицами многое понятно. Но как представить себе, как понять процесс воздействия на невидимую управляющую матрицу организма?

– Обратимся к очередному примеру, – прозвучал голос Вейзеля. – Печень – видимая управляющая матрица организма. Допустим, она захворала. Что-то сбилось в её работе. Один её краешек воспалился и перестал правильно функционировать. Что мы здесь видим?

– По поводу больной печени у меня возникает сразу несколько мыслей, – бодро и с улыбкой ответил Антон. – Первая – хирургический способ воздействия. Взяли и оттяпали скальпелем...

– ...Оттяпали часть матрицы-печени, – подхватил старец Кулик. – Это непосредственное вмешательство в структуру данной управляющей матрицы. То есть, мы меняем саму матрицу. Убираем поражённые болезнью участки её структуры.

– Это если хирургическое вмешательство небольшое? То есть, в пределах матрицы, управляющей восстановлением геометрии печени? – спросил Антон.

– Да, – ответил старец Кулик.

– Тогда удалённый участок печени восстановится. – уверенно ответил Антон.

– А если поражение обширное? – спросил старец Кулик.

– То половина печени не превратится в целую, – ответил Антон.

– Тогда следует применить второй способ воздействия на процесс болезни печени. Это медикаментоз-

ный способ, – продолжил Вейзель. – То есть, с помощью правильно подобранных лекарств...

– Таким способом мы воздействуем химическим соединением на матрицу возбудителя болезни и на матрицы, управляющие работой и восстановлением печени, – произнёс старец Кулик.

– Дальше понятно, – ответил Антон. – Если таблетки (информационные матрицы) подобраны правильно и сила их информационного воздействия достаточна, то матрица, отвечающая за процесс жизнедеятельности вируса, будет уничтожена, а матрица, отвечающая за процесс восстановления печени, получит дополнительный положительный импульс и обновит поражённые участки печени.

– Именно так, – согласился старец Кулик и добавил: – И в этом случае мы не вмешиваемся в структуру матрицы печени.

– Но мы вмешиваемся в процесс информационного обмена между печенью и управляющей её работой матрицей, – уточнил Антон.

– Вот именно! – ответил старец Кулик.

– И по результатам нашего воздействия эта матрица, то есть таблетки, – закончил мысль Антон, – совершает требуемые нам действия с печенью.

– Всё правильно, – похвалил юношу Вейзель. – Остаётся добавить, что вариантов воздействия на невидимую матрицу, управляющую работой печени, существует несколько. Можете ли вы их назвать, Антон?

– Да, вполне! – согласился юноша. – Можно, например, молиться...

...Кстати, это не шутка. В этом случае воздействие осуществляется, по крайней мере, на базе самовнушения. В результате него человеческий организм форми-

рует специфические информационные матрицы, которые способны оказать необходимое воздействие на матрицу, управляющую работой печени. И это воздействие сравнимое с воздействием таблеток и других медикаментов.

А можно оказать и прямое воздействие на тонкое тело человека. На тот его участок, что соответствует матрице, управляющей работой печени. Но это уже экстрасенсорика. Конечно, понятно, на этом месте многие воскликнут, что экстрасенсорика это не научно. Но никто, кроме Творца, не может определить однозначно что научно, а что не научно.

Если исходить из физики нового тысячелетия, то наше бытие, в котором мы находимся, сформировано бесконечным множеством одномерных пространств. Среди них не только хорошо нам знакомые пространство расстояний и пространство времени, но и такие пространства, как пространство массы, пространство энергии и другие физические пространства.

В этом сонме бесконечных одномерных пространств найдутся и такие, которые будут нам казаться невозможными. Но это только нам будет казаться, что они невозможны. Другие гуманоиды вполне смело могут обходиться с самыми «невозможными», на наш взгляд, пространствами. А мы будем смотреть на последствия такого обхождения и удивляться.

Это, конечно, не значит, что нужно ввязываться во всё паранормальное. Но и заведомо отсекать, возможно, самый чудесный новый росток не нужно.

А для равновесия можно выпить травяного отвара, приготовленного по традиционному рецепту. В этом случае информационные матрицы другого живого организма – растения – будут воздействовать на клетки

вашего организма. В результате получится такое же действие, как получилось бы оно и от таблеток.

– Давайте разберём ещё один пример, – встрял старец Кулик. – Допустим, вам захотелось, что бы ваш друг сделал стрижку. Какие есть пути для решения этой задачи?

– Первый, – ответил с улыбкой Антон, – взять ножницы и постричь его.

– Но он может и воспротивиться, – серьёзно ответил старец Кулик.

– Тогда – второй, – ответил Антон. – Сформировать соответствующее «общественное мнение». Это тоже матрица. Она управляет работой матрицы субъективной оценки вашим другом своего внешнего вида через реакции на него окружающих.

– То есть, сформировать моду?

– Да, – ответил Антон. – И если при этом в нужный момент ещё и найдётся «доброжелатель», который расскажет вашему другу о «правильной» причёске, то вы добьётесь своей цели – ваш друг сменит причёску.

– И, возможно, на нужную вам? – спросил старец Кулик.

– Да, на нужную мне или вам, – уверенно ответил Антон. – Матрица организма изменяется под воздействием самого организма или другого организма.

Конечно, пример со стрижкой самый простой. Но всем понятно, что по такому же сценарию осуществляются и другие, гораздо более масштабные, события. Массированная реклама управляет нашим сознанием, формируя потребительский вектор, который направляет нас на заранее определённый продукт. Политическая реклама управляет нашим «самостоятель-

ным» и «независимым» политическим выбором. И социальная реклама управляет нашими любовными предпочтениями.

Если в прежние времена брюнетки на физкультуре стояли в конце шеренги и многими воспринимались как болезненные особы, то сегодня под валом азиатской и южно-европейской пропаганды рамка считывания объектов мужского вожделения переместилась именно на конец шеренги.

– Мы не берёмся здесь судить о том, хорошо это или плохо. Мы лишь наглядно демонстрируем простое правило: матрица организма изменяется под воздействием самого организма или другого организма. И не обязательно заниматься насилием или другим физическим воздействием, достаточно подтолкнуть ваш мозг в нужном для нас направлении, и вы дальше покатитесь сами. Пока однажды, незаметно для себя, не окажетесь в том самом месте, куда вы даже и не думали приходить. Можете возвращаться на свои места! – произнёс Вейзель.

Как только эхо его голоса стало замолкать между излишне параллельными стенами зала, стало возвращаться и сознание тех двенадцати студентов, которые стояли на сцене, выстроившись в физкультурную шеренгу. Они с удивлением обнаружили себя в таком состоянии. Смущённо поулыбались, не зная, как реагировать на происходящее. И неловко стали возвращаться на свои места.

Прыгающие камешки

– Кто готов пройти тест на гипнотическую восприимчивость? – спросил Вейзель.

Студенты, развеселившиеся после только что завершённого «спортивного» опыта, тут же потянули вверх свои руки. Некоторые даже принялись трясти ими, как это обычно делают школьники. Никто и не догадался, что это школьное поведение как раз и показывает, что обещанный тест уже стартовал.

– Хорошо! – просто сказал Вейзель. – Давайте попробуем.

Студенты приготовились внимать. Они переглядывались и, улыбаясь непонимающими улыбками, поглядывали то друг на друга, то на сцену, ожидая, что вот сейчас появится некий фокусник или гипнотизёр, и ребята станут свидетелям каких-то волшебных пассов и опытов. Однако ничего такого не происходило. Вообще ничего не происходило...

...Хотя студенты снова не заметили, как всё волшебство уже состоялось.

Незаметно оказалось, что сидят они на одной большой поляне, в каком-то невероятно сказочном лесу. Каждый студент находится в возрасте ребёнка. И каждый ребёнок одет в национальный костюм того или иного народа. А собрались эти дети – из разных стран мира. Зачем собрались? А вот принялись решать: кто из них самый умный, талантливый и гениальный!

Не все в споре принимали одинаковое активное участие. Некоторые о споре том только лишь похихикивали.

Вот, сидят эти дети, камешками да прутиками играют. Говорит один, несколько более тёмный и губастенький, нежели остальные:

– Я, слышь ты, быстро могу слазить на пальму!

– Ну и что! – ответила ему тихая такая девочка, хроменькая почему-то на одну ножку и с усиками. – А я могу выучить наизусть целую энциклопедию!

– А ну вас! – отмахнулся мальчик с соломенными волосами.

– Я!... – начал хвастаться паренёк из той страны, где лошади бегают с рогами и зовутся оленями.

– А я могу и слезть с пальмы быстро! – не унимался тёмненький.

– А я дважды выучу энциклопедию! – заносчиво заметила усатая девочка.

– А ну вас! – мусоля в руке камешки, ответил соломенноволосяный.

– ...Могу!... – разгорячился паренёк из оленьей страны.

– Не, ну точно я самый быстрый в беге! – бойко заявил всё тот же тёмненький и ещё сильнее губастенький.

– А я десятьжды выучу энциклопедию и ещё две к ней! И всё наизусть! – поразила всех хроменькая милая девочка.

– А ну вас! – лукаво улыбнулся мальчик с камешками.

– ...Говорить!... – брызгал слюной тот мальчик, что раньше сказал: «...Могу!...».

– А я могу в барабаны бить! Громко! – не унимался тёмненький.

Хроменькая усатая девочка смутилась и, обращаясь к тёмненькому, пискнула:

– Я не могу сказать такого же о твоих сложных словах! У меня не получаются всякие шалости и звуки такой же силы. Но я сто энциклопедий выучить могу!

А если надо и двести! Я очень умная! – предчувствуя победу, занеслась девчушка.

И вдруг она заметила, как соломенноволосяный мальчик играет камешками, а они у него в руках прыгают, вертятся, как живые, липнут друг к другу. Конечно же, она не смогла удержаться от вопроса:

– Это что у тебя!? Как это камешки п..., ве..., скачут у тебя в ладошках! Они что – живые!

– А ну вас! Это магнитики из моторчика от игрушки, – отмахнулся тот мальчик, который не спорил до этого.

– ...Скороговорки!... – победно подытожил спор мальчик из той страны, где лошади бегают с рогами и ловятся оленями.

Вейзель хлопнул в ладоши, и студенты вмиг очнулись. Почти все из них находились на своих местах и снова, мало что понимая, криво улыбались друг другу. Только три юноши и одна девушка, очнувшись, с удивлением обнаружили себя сидящими на полу в самом центре сцены...

Платонические беседы

– После того, как выдающийся древнегреческий мыслитель и философ Платон придумал понятие «материя», исследователи устройства мира окончательно испугались, – улыбнулся старец Кулик, провожая взглядом четверых отважных спорщиков.

Они расселись по своим местам, и остальные почти тут же потеряли к ним интерес, переведя всё своё внимание на старца Кулика.

– Хотя и стали послушно материалистами, – насмешливо продолжила Настя многообещающую мысль старца Кулика.

Настя поняла, что те четверо студентов очень просто и слишком откровенно попались на гипнотическую уловку. Видимо, они не были устойчивыми к воздействию гипноза. А она, раз она не попала в те же сети, видимо, устойчива. Это вселило в Настю дополнительную уверенность и даже некоторую отвагу в общении с таким сильным гипнотизёром, как старец Кулик. Поэтому она добавила:

– Я бы хотела это обсудить с Платоном. Но, к сожалению, понимаю, что это сделать невозможно...

...Находясь во внутреннем садике дома, в котором жил древнегреческий мыслитель, Настя с интересом рассматривала ветви винограда, которые перепутались так, что получилась своеобразная крыша беседки. Через это решето проникал рассеянный солнечный свет, ослабленный из палящего до приятно согревающего. На столике стоял сосуд с разбавленным вином, и в керамической чашке чахли в тени подсохшие фрукты.

Платон поправил традиционную греческую «простынь», которой он был обмотан вместо привычной для нас одежды, и улыбнулся в ответ на слова старца Кулика и Насти. Он быстро сориентировался и стал проникаться неожиданным общением.

– По определению нашего уважаемого Платона, материя – это?.. – начал старец Кулик и жестом показал Платону, что тому надо продолжить определение.

– ...Материя – это лишённый качеств субстрат или материал, из которого могут быть образованы тела любой величины и очертаний, – помпезно закончил Платон.

Все восторженно похлопали ему. В ответ Платон театрально поклонился.

– Вот пример вашей мнимости, о которой вы чуть позже с другом будете говорить, – продолжил Платон.

– Чуть позже? – удивилась Настя.

– Да, – подтвердил Платон. – И мы с вами ещё к тому непременно вернёмся.

Настя удивилась тому, что Платон с лёгкостью оперирует образами из, естественно, ещё не случившегося будущего.

– Но если говорить о том, как на самом деле оно было, то смею вас заверить, что я ни о какой материи не рассуждал, – признался Платон. – Я существовал себе спокойно среди звёзд. А вот некоторым вашим людям зачем-то понадобилось именно меня вытащить из спокойного звёздного поля и втиснуть в беспокойное поле вымышленной истории.

Настя снова удивилась, хотя и предыдущее удивление ещё не ослабло. Если чуть раньше она была смелой и разговорчивой, то теперь Настя по большей части молчала и лишь внимательно следила за происходящим. Она понимала, что происходит что-то непонятное, но понять, что именно, никак не могла.

Настя решила почерпнуть помощи у старца Кулики, но он вообще никак не отреагировал ни на саму ситуацию, ни на странности в словах Платона.

– Но теперь-то вы среди нас! – ответил Вейцель, казалось, совершенно не вникнув в слова Платона; присоединяясь к компании и улыбаясь, он добавил: – Вам и нести теперь ответственность за «ваши» не ваши мысли.

– Это ещё почему? – искренне удивился Платон. – Я не проявлял стремления стать исторической лично-

стью. Это всё вымыслы заинтересованных писателей, которые из астрономических мифов создали ложную историю Земли.

– Лживые историки – это вопрос будущего. А ваш ответ нужен прямо сейчас. И нужен он потому, что, приняв материальность мира за единственно правильное описание устройства мира, материалисты принялись клеймить своих противников и навешивать на инакомыслящих учёных всевозможные уничижительные ярлыки, – пояснил Вейзель.

– Понятно, – с театральной горечью отозвался Платон. – Это всегда так. Как только что-то новое, так сразу же обязательно клеймить старое.

– Да, так происходит всегда, – согласились оба профессора. – Но признайтесь, и старое тоже ещё с зубами. Оно вон как мощно кусает новое, попутно стремясь сжечь его на очередном костре Инквизиции.

– К сожалению, и сами-то они, материалисты, не очень-то и задумываются над тем, что такое «лишенный качеств субстрат», – закончил свою мысль Платон.

– Они даже и не думают об этом. А, кроме этого, не задумываются и над тем, что признак, «лишенный качеств», – ответил Вейзель, – это всего лишь описание отсутствия реакции исследуемого субстрата на инструмент, которым производится исследование.

– В наше время уже понятно, – согласился старец Кулик, – что рукой воздух не попробуешь, но он есть. Клетки без микроскопа не разглядишь, но мы из них состоим. Звёзд днём не видно, но они и в это время светят.

– А действительно, что же это такое платоновское «лишенное качеств»? – обратилась с вопросом к Платону немного пришедшая в себя Настя.

– И как из него, «лишённого качеств», могут быть образованы тела? – поддержал её вопрос Вейзель. – Склеены?

– Нет! – улыбнулся Платон. – «Субстрат» по определению не липкий!

– Сварены? – спросил Вейзель.

– Нет! – снова с улыбкой ответил Платон. – «Субстрат» по определению не сваривается!

– Скованы? – спросил Вейзель.

– Нет! – ответил Платон. – «Субстрат» по определению не поддается ковке!

Все дружно рассмеялись.

– Ну, вот же, мы с вами правильно и ответили, – улыбнулся Платон. – А с другой стороны, в «моё время» люди не знали ничего более глубокого из тех высказываний, которые они приписали мне.

– Надо относиться снисходительно и учитывать исторический момент, – согласился старец Кулик.

– Конечно, конечно, – улыбнулся Вейзель. – Но надо отметить и свойства «субстрата».

– Какие? – спросил старец Кулик.

– Не реагирующий на применяемое к нему действие «субстрат» не может иметь способа, его организующего, – ответил Вейзель. – Следовательно, из такого субстрата не могут быть образованы тела.

Вейзель чуть помедлил и добавил:

– Обратное чему мы, собственно, и наблюдаем в повседневности: тела есть, а материю никак не отыщем.

– Парадокс? – посмеялся Платон.

– Нет! – ответил Вейзель. – Просто для того, чтобы тела были образованы, необходимо организующее начало.

– Как и предлагали некоторые древние мыслители, – согласился Платон.

– И кроме организующего начала требуется «наполнение», «начинка», – произнёс Вейзель.

– Очень интересный ход мыслей, – оживился Платон. – Поясните, пожалуйста.

– Все знания, как вы понимаете, накапливались по мере их поступления, – ответил Вейзель. – Известный учёный Лейбниц в этот «суп» предлагал добавить ещё и монады. Мы с ним тоже уже обсудили это его предложение. Наша встреча состоится в ближайшем будущем, но её материалы уже доступны для просмотра.

– Я с большим интересом следил в будущем за вашим общением, – отозвался Платон.

– Ну, тогда давайте освободим свой разум от материальной чепухи и начнём рассуждать нормально, – предложил Вейзель.

– Давайте попробуем, – согласился Платон и в знак согласия с ним закивал и старец Кулик.

– Чтобы организовалось тело, нужно организовать некоторое количество некоего первоначала, – стал излагать Вейзель.

– Давайте посмотрим, – отозвался Платон.

– Человек организован из клеток. Они организованы из веществ. Вещества организованы из молекул. А молекулы организованы из атомов, которые организованы из элементарных частиц, организованных из чего-то ещё, – продолжил Вейзель.

– Заметьте, ранние учёные считали уже молекулы и атомы конечными структурами материи, – уточнил Платон.

– А чуть более поздние учёные считали элементарные частицы конечными не дробящимися элементами, – в свою очередь, заметил старец Кулик.

– Но вы же понимаете, – парировал Вейзель. – Появятся новые учёные, которые опрокинут и сегодняшние утверждения. И эти учёные откроют кварки или что-то в этом роде.

– Материалисты ищут результат дробления кварков, – дополнил коллегу старец Кулик. – А информатиологи считают первоосновой всего информацию, не указывая при этом из чего состоит информация.

– И те и другие забыли, что любой результат дробления должен иметь качества, через которые он контактирует с окружением, – отозвался Платон.

– То есть мы отказываемся от «платоновского» подхода? Тем более что вам его и приписали, – обратился к Платону Вейзель.

– Именно так учёные и сделали, – вздохнул Платон. – Постепенно про Платона забыли, а «материю» разделили на неорганическую и органическую.

– «Хаос» теперь определяет степень неорганизованности процесса, материи, духа и называется «энтропией», – произнёс Вейзель.

Спорщики перевели дух. Платон налил себе вина и с видимым удовольствием осушил свой чёрнофигурный скифос⁷. Он не стал разбавлять вино, поскольку на него оно никакого влияния не оказывало.

Старец Кулик и Эйн Вейзель последовали его примеру, а Настя не очень уверенно взяла небольшую

⁷ Скифос – древнегреческая керамическая чаша для питья на низкой ножке и двумя горизонтально расположенными ручками. Скифос также называют кубком Геракла.

гроздь винограда. Она смотрела на солнечные ягоды и думала, что даже гроздь винограда состоит из более мелких частей – вот вам и пример!

– Прозрение наступило в 1970 году, – прервал случайную паузу старец Кулик.

– Когда это? – удивился Вейзель. – Что-то я пропустил этот момент.

– Когда на международной конференции футурологов в Киото выступил глава японской электронной корпорации «Омрон» Кадзума Татеиси, – ответил старец Кулик.

– Интересно? – прокомментировал Вейзель.

– Он показал, что согласно модели SINIC предсказания будущих технологий уже в те годы было понятно, что назревала новая научно-техническая революция, – продолжил старец Кулик. – В этот раз японский футуролог объявил, что к 2025-му году общество создаст новое всеобщее организованное знание.

– А есть ли имя у этого знания? – поинтересовался доселе молчавший Платон.

– Имя этого знания – Организмика, – ответил старец Кулик.

Платон закивал в ответ и стал как бы что-то припоминать. По нему было заметно, что воспоминания обширные и доставляют ему удовольствие своими связями и построениями.

– Некоторые предсказания лежат в области фантастики, – ответил Вейзель. – Точнее, иногда кажется, что они лежат в области фантастики. Но постепенно, как мы видим, многие предсказания, казавшиеся в разные времена фантастическими, со временем непременно сбываются.

– Вот и предсказания японских футурологов стали сбываться, – согласился старец Кулик. – Ведь они были построены на научной основе.

– Находясь среди звёзд, – сказал Платон, – я отслеживал зарождение и развитие этого знания.

– Мы с удовольствием послушали ваш рассказ! – удивился Вейзель.

– Да, конечно, – согласился Платон. – Помню, известный учёный Освальд Шпенглер заявил: «Я отделяю по форме, а не по материалу органическое представление о мире...». Я тогда ещё отметил, что смена материалистического воззрения на организмическое уже началась.

– Изумительно..., – почти одновременно произнесли профессоры, как бы предлагая Платону рассказать подробности.

– Шпенглера в 2001-м году поддержал украинский учёный Олег Бахтияров, – продолжил Платон. – Он написал: «Разбор всех предпосылок возникновения Организмики может составить содержание отдельной большой работы». Он обозначил, что эти предпосылки «являются частью большого организованного знания, к которому применимо название "Организмика"».

– То есть сразу же было принято и название? – теперь уже в одиночестве удивился Вейзель.

– Да. Это, конечно, уникальный случай в истории. Я не припомню такого за более чем две тысячи лет существования науки. Это удивительно, но название новой науки было придумано сразу же! – подтвердил Платон. – Меня очень удивила провидческая фраза Олега Бахтиярова. Он пророчески написал: «Помимо Организмики, которая еще только должна возникнуть...».

– Вот это да! – удивился Вейзель.

Все некоторое время молчали, находясь под впечатлением от сбывшегося пророчества. Долгое молчание нарушил Платон.

– Уважаемые учёные! – подал он голос, выводя коллег из мечтательного ступора. – Хотел бы просить, чтобы вы бы меня просветили в том, о чём так замысловато предсказывалось и предсказалось. Но вижу, что во многих моментах вы знаете не больше моего.

– Конечно, уважаемый мыслитель, – согласился Вейзель. – В общем-то, мы вместе с вами исследовали процесс создания новой фундаментальной науки Организмики. И вот теперь это событие произошло, и знаем мы примерно одинаково. То есть столько же, сколько и вы.

– Я это понял и знаю это, – ответил Платон. – Но почему наука называется «Организмика»?

– Основоположник предложил такое название, – произнёс Вейзель, пожав плечами. – Исходя из того, что позднелатинское слово «organizo» означает «устраиваю, сообщаю стройный вид».

Конечно же, всё дело было не в латинском языке. Просто принято давать науке имя именно на латинском. И имя должно отражать и суть. В данном случае суть состоит в том, что материалистическое представление об устройстве мира неминуемо устаревает и на смену ему приходит совершенно другое знание – организмическое. Это знание в большей степени представляет собой полёт мысли, нежели полёт реального камня. Но уже сегодня все привыкли к тому, что виртуальная нереальность настолько же реальна, как, допустим, тот же самый камень.

– Основоположник и сформулировал постулаты Организмики, – добавил старец Кулик. – Это произошло 23 ноября 2002 года. Это и есть день рождения науки.

– Прекрасно! – ответил Платон. – Но эту часть я как-то пропустил. Можно ли услышать эти самые постулаты?

– Три постулата. Все три – системные. Соединённые в понятийное кольцо, – принялся объяснять Вейзель. – Первый – всякий организм состоит исключительно из информации о взаимодействии информации. Второй – одна матрица определяет один организм. Третий – всякий организм является составной частью организма более высокого уровня. Вот так всё просто!

– Просто, да не совсем, – заспорил Платон. – Я отмечу, что в трёх строчках зашифрован весь возможный алгоритм, которым располагает жизнь. Это – мастерство! А кто это сделал?

– Да, – отмахнулся Вейзель, – основоположник...

– Зря вы так с лёгкостью отмахиваетесь, – посетовал Платон. – Я бы хотел встретиться с этим основоположником. Поговорить с ним.

– Нет ничего проще! – ответил Вейзель, и в ту же минуту к компании присоединился основоположник Организмики...

Перемещение во времени

В этот вечер Андрей в спокойной домашней обстановке работал над романом «Душа механизма». Описание сюжета встречи Эйна Вейзеля, старца Кулика и Насти с Платоном захватило его полностью.

Андрей почти ощущал горьковатое дыхание Средиземного моря и слегка удушливый зной скоропостижного греческого вечера. Писателю было интересно наблюдать за тем, как смоделированные литературными смыслами профессоры беседуют с известным мифологическим учёным, как они ему старательно «разжёвывают» фрагменты нового мировоззрения.

По отношению к персонажам и сложившейся с ними ситуации Андрей ощущал себя существом внешним. То есть он как бы смотрел на них в чудесный микроскоп времени, понимая, что рассматриваемые им персонажи его самого совсем не видят.

С точки зрения нового мировоззрения это означало только одно: в пространстве расстояний Андрей находился с ними в одном и том же уровне, но был разнесён с ними в этом пространстве на несколько тысяч километров. Но, главное, что и в пространстве времени ситуация была аналогичной: Андрей был разнесён на пару тысяч лет с персонажами разговора с Платоном и сам Платон.

«Им ко мне не явиться, и мне к ним не попасть», — то ли с сожалением, то ли с радостью раздумывал писатель над этой ситуацией. И эти мысли так бы и не разрешились, если бы...

В тот момент, когда Платон изъявил желание поговорить с основоположником, Андрей размышлял над очередной красноречивой строчкой и сначала просто не заметил смены обстановки. Однако, оказавшись в непосредственной близости от беседующей компании, постепенно стал понимать, что что-то произошло. Окончательно к реальности его вернул голос старца Кулика:

– Андрей! Позвольте вас поздравить с мягкой посадкой, – посмеиваясь, произнёс он. – Тут с вами уважаемый Платон хотел поговорить. Вы не против?

Основоположник стоял посреди компании на заметно дрожащих ногах, он никогда ещё с такой скоростью не перемещался ни во времени, ни в пространстве.

«О какой мягкой посадке может идти речь, если и взлёта-то никакого не было? – лихорадочно соображал основоположник. – Да и вообще, в каком мы сейчас времени находимся? И в какой реальности? Или, может, в каком-то мнимом пространстве?»

Окружающие молча следили за тем, как основоположник трудно собирается с мыслями и медленно приходит в себя, и как сложно ему даётся временная акклиматизация.

– Видимо, первый раз, – прокомментировал Вейцель с заметной долей соперничества в голосе.

Сложно было понять где он сейчас находится.

Сначала Андрей взял какой-то фрукт из вазы на столе. Он ощутил твёрдость и упругость оказавшегося в руке тела. Потом писатель откусил этот фрукт. Вкуса не понял, но фрукт был реальным.

«Мы находимся в реальности, – сделал вывод основоположник. – А как узнать время? По часам? Нет!»

– Мы где? – наконец произнёс вслух основоположник.

– Здесь, – ответил ему Вейцель, совершенно не стремясь как-то поиздеваться над писателем. Но получилось именно так.

«Мало что проясняет эта неуместная шутка, – мысленно прокомментировал Андрей. – Кажись, всё-таки Греция. Но какой век?»

– Это не важно, – ответил ему старец Кулик. – Мы здесь находимся вне времени. Оно, конечно, течёт, но на время в реальном мире это течение никак не влияет.

«Так значит я нахожусь во мнимости», – подтвердил Андрей сам себе своё предыдущее предположение.

– Да нет, – ответил Вейзель. – Здесь реальность. Просто другая реальность.

– Вы, наконец, перестанете бояться? – спросил старец Кулик. – С вами хочет поговорить Платон. Уважьте великого учёного.

– Да, конечно, – коротко согласился Андрей и постарался изо всех сил взять себя в руки.

– Расскажите, как к вам в голову пришла идея создания Организмики? – спросил Платон.

– Озарение, – односложно ответил Андрей.

А что он мог ещё сказать? Писатель сказал правду. Создание науки случилось в доли секунды. Каким-то чудом в определённый момент Андрей просто понял, что теперь он знает все основные положения Организмики. Осталось только их записать и опубликовать. Что он, не откладывая, и сделал.

– Значит, он всё-таки попал в вас! – обрадовался Платон и опасливо оглянулся. – А мы-то думали, промахнулся.

– Кто в меня попал? – удивился основоположник и посмотрел туда же, куда до этого посмотрел Платон.

В этот момент посреди собравшихся неожиданно ударила молния.

Основоположник снова очутился в своём рабочем кабинете на улице Люсиновской в Москве. Он осмотрелся вокруг – в комнате ничего не изменилось. Часы на дисплее показывали, что его не было чуть более десяти минут. Последними словами, которые были запи-

саны, оказалась фраза, оканчивающаяся на «...Перун, Зевс, Бог...».

«Это примерно то самое время, которое я и отсутствовал, – подумал основоположник. – Интересно, как вообще можно решить эту задачу: был ли я в своём кабинете и мне это привиделось или я действительно виделся с Платоном? Ощущения от увиденного очень реальные. Даже голос Платона, да и голоса всех остальных до сих пор звучат в ушах вполне естественно».

Пока он рассуждал об этом, машинально заглянул в словарь, чтобы посмотреть этимологию названия улицы. Оказалось, что слово «Люсиновская» однокоренное с латинскими словами «Закон» и «Свет»:

– ...Люстра, Люцифер, – читал вслух основоположник. – Отсюда Перун, Зевс, Бог...

Структурные мечты

Платон, старец Кулик, Эйн Вейзель и Настя приняли отряхиваться от меловой пыли, которая после удара молнии повисла над ними плотным облаком разлитого небесного молока.

– Я нехорошо поступил, – признался Платон.

– Вы сами себя лишили общения, – подтвердил Вейзель.

– Возобновить сеанс некоторое время не удастся, – констатировал старец Кулик.

– А что случилось? – поинтересовалась Настя, совершенно не понимая сути происходящего.

– Уважаемый Платон чуть было не увлёк читателей на секретные территории мироздания, – ответил Вейзель. – Этого делать нельзя.

– А Организмика не секретная? – удивилась Настя.

– Организмика уже не секретная, – пояснил Вейзель. – Но она далеко не последняя в списке знаний, которыми овладеет человечество в скором будущем и в дальнем будущем. Пока за границу Организмики человечеству заходить нельзя – сначала нужно осознать Организмику.

– Я бы с удовольствием стал преподавать Организмику в своей Академии, – продолжая отряхивать пыль, произнёс Платон.

– В своей Академии? В той, которую вы создали в древности? – удивился Вейзель, тоже стряхивая пыль со своей одежды.

– Да, в той самой, – кивнул Платон.

– Но тогда бы вся история развития планеты пошла по другому пути! – сказал Вейзель.

– Естественно! – согласился Платон. – И я понимаю это. В моё время, то есть в конце эры Овна, нельзя было преподавать знания, направленные на организацию. Они бы привели к огромным разрушениям и последующую эпоху – в эру Рыб. Да и мы с вами понимаем, что теперь уже ничего и не изменишь.

– Интересно, – сказал Вейзель. – Ну, а, допустим, у вас появилась такая возможность. Как бы вы объясняли Организмику в своей Академии?

– Например, вот так! – мечтательно ответил Платон. – Описывая простым языком устройство мира, я бы сказал так. Устройство мира заключается в том, что мир состоит исключительно из организмов. Эти организмы организованы таким образом, что из более мелких организмов состоят более крупные. И мелкие, и крупные организмы, в свою очередь, организованы в самостоятельные организмы. Все организмы построены согласно

своим организмическим матрицам. Процессы дробления и укрупнения организмов бесконечны.

– У вас прекрасно получается! – восхитился Вейзель.

А Платон продолжал:

– Следует отметить, что с позиции Организмики естественным образом объясняются и дао, и сат, и тянь, и брахман, и хаос, и материя.

– Как это? – снова удивился Вейзель.

– Например, хочешь получить сахар? – принялся объяснять Платон. – Тогда соответствующим образом организуй определённое количество углерода, кислорода, водорода.

– Это теперь знают все, – согласился Вейзель.

– Да, – продолжил Платон, – но перед этим получи углерод, кислород и водород, организовав соответствующим образом определённое количество протонов, электронов.

– А перед этим организуй кварки так, чтобы получилось нужное количество протонов, электронов, – продолжил Вейзель.

– А из чего организовать кварки, мы пока не знаем, – с сожалением добавил Платон.

– Вы знаете про кварки? – удивился Вейзель.

– Нет! – признался Платон. – Просто вас послушал.

– Но всё равно, в преподавательском искусстве им равных нет! – ещё раз похвалил его Вейзель.

Платон зардел. Стало видно, что ему нравится похвала. Как, впрочем, и любому человеку...

– Но если у нас уже есть хотя бы углерод, мы можем из него организовать получение графита, угля, алмаза, – продолжил Платон. – Процессы организации структуры, то есть управляющие матрицы, будут раз-

ными, но наполнение углеродом, то есть информацией, – одно. И состоять оно будет из разных организмов – электронов, протонов.

– Всё правильно! – опять похвалил Вейзель Платона, но уже с некоторым подозрением. – Сомневаюсь, что вы просто нас послушали и всё. Что-то уж больно хорошо знаете предмет, и всё у вас гладко так излагается.

– Ладно, – ответил Платон. – Признаюсь, не мучиться. Среди звёзд учение об Организмике уже распространилось и вошло в тамошнюю, так сказать, моду. Мы уже всё об этом знаем и понимаем.

– Тогда, раз вы уже всё знаете, расскажите нам особенно интересные места, – предложил Вейзель.

– Интересные или нет, важно не это, – ответил Платон. – Важно то, что привычным понятиям Организмика дала новые определения.

– Например?

– Например, организм – любой набор информации, ограниченный управляющей матрицей, – ответил Платон. – Это главное определение.

– А информация?

– Информация – составная часть наблюдаемого организма – мельчайший организм, матрица которого в контексте поставленной задачи рассматривается как единое целое, – процитировал Платон как заправский медалист.

– А вот ещё одно понятие, которое всё время вертится на языке, – матрица.

– Матрица организма – вид структуры определённого организма, которому должно соответствовать информационное наполнение данного организма, что-

бы быть данным организмом, – снова чётко произнёс Платон.

– Как-то вы всё очень уж точно запомнили, – подозрительно спросила Настя, листая вслед за Платоном первый том Организмики и сравнивая тексты определений.

– Так мы и разрабатывали эти определения, – улынулся Платон.

– Как?! – удивилась Настя.

– Всем, что называется, небесным «двором», – ещё раз улынулся Платон.

Настя в полном непонимании посмотрела сначала на Эйна Вейзеля, а потом на старца Кулика. Оба смотрели на неё и так же, как Платон, хитро улыбались.

– И материалистические определения пришлось переопределить заново, – произнёс Платон.

– Вещество?

– Вещество – информация, упорядоченная на атомно-молекулярном уровне, – снова, как на экзамене, ответил он.

– Материя?

– Материя – набор исходных информации, структура которых в разрезе поставленной задачи воспринимается как единое целое, – прозвучал такой же чёткий ответ.

– Энергия?

– Энергия – частный случай поддающегося контролю наблюдателя процесса рекомбинации доступных информации, – снова отчеканил Платон.

– Слушайте! – ответил на всё это Вейзель. – А ведь Настя права: возникает подозрение, не вы ли, случаем, основоположнику Организмику надиктовываете? А то мы всё его хвалим. А может надо хвалить не его, а вас?

Настя активно закивала вслед словам Вейзеля.

– Хвалите его, – ответил Платон. – Он заслужил. Ну, а наша роль – диктовать. Кстати, а кто, вы думаете, диктовал Эйнштейну теорию относительности? Кто диктовал Максвеллу его знаменитые уравнения? Неужели вы всерьёз могли предположить, что будущее рождается в умах вчерашних учёных?

– Ну,... – протянула Настя, а старец Кулик и Эйн Вейзель сделали вид, что тоже мычат.

– Нет! – ответил Платон на свой вопрос. – Будущее диктуем мы, звёзды. И я, Платон, отвечаю за конкретный поток этого самого будущего. Хотя вы меня и отправили в ссылку в прошлое, как будто я какой-то мнимый организм...

– Не вопрос! – театрально возбудился Вейзель, получив команду сыграть на Настю. – Давайте проверим!

– Что проверим? – отозвался Платон, сразу же собравшись, что нужно подыграть.

Настя впиалась глазами в эту пару и стала ждать развязки.

– Проверим, вы или не вы надиктовали основоположнику эту самую Организмику, – ответил Вейзель и, потирая руки, добавил: – да ещё и из будущего!

– Валяйте, – махнул рукой Платон.

– В процессе становления Организмики сформулированы собственные законы, – занервничал Вейзель. – Вы можете назвать их?

– Естественно! – крайне уверенно ответил Платон. – Мы же сами их со всей Вселенной собирали.

– И каковы же они? – театрально сгорая от нетерпения, торопил Платона Вейзель.

– Ну,... – Платон очень артистично сделал вид, что он сильно задумался, а потом, увидев, что Вейзель окон-

чательно разнервничался, выпалил: – Первый закон – «Информация рождает информацию». Второй – «Подчиняясь, управляю». Третий – «Структурировано всё». Четвёртый – «Существую в интервале». Пятый – «Постоянство изменяю». Шестой – «Коммуникативно всё». Седьмой – «Живу в живом». Восьмой – «Двигается всё». Девятый – «Упорядоченный хаос приобретает интеллект». Десятый – «Нарушением симметрии достигается движение». Вот они законы Организмики!

– Вы что, правда, диктовали? – наиграно гундосо ответил Вейзель, незаметно для Насти подмигивая Платону.

– Правда, – ответил Платон, подмигивая в ответ и этим демонстрируя, что его «правда» такая же правда, как иная ложь.

Настя совсем перестала понимать происходящее. Он не знала, что и думать. То ей казалось, что Платон шутит, то говорит в серьёз. Точные формулировки, которые он выдавал, конечно, о многом говорили. Но чтобы звёзды проводили вселенский диктант, к этому Настя была ещё не готова.

– Не может один человек решить столь сложную задачу, – сказала она.

– Поэтому надо транслировать её решение непосредственно в голову тому, кто занимается такой задачей, – согласно ответил Вейзель.

– И если этот человек в состоянии поймать такую трансляцию, – продолжил Платон, – то он воспримет её как диктовку и всё как следует запишет.

– Такой способ формирования нового мировоззрения наиболее результативный, – продолжил старец Кулик. – Потому что он позволяет передать новое знание без искажения и сразу в целом объёме, а не кусками.

Выходка Эйнштейна

Эйнштейн сидел за своим письменным столом и думал. Думы, как всегда, прямо распирали его сознание. С малолетства Альберт слышал в голове голоса. Сначала они его пугали. Потом он привык к ним. А после нескольких удачных подсказок Эйнштейн начал им доверять.

Опубликовав в 1905-м году в немецком журнале «Annalen der Physik» основные принципы теории относительности, Альберт Эйнштейн сделал ряд выводов, изменивших научное физическое видение окружающего мира.

Сразу после публикации он, сам того не осознавая, превратился в двух близнецов, разбегающихся в разные стороны. Один Эйнштейн олицетворял торжество научного гения. Он шёл в ту сторону, где уже маячили невдалеке похвалы, награды и премии. Другой Эйнштейн олицетворял сумму плагиата и шарлатанства. Он шёл в противоположную сторону – туда, где находилась критика, обвинения в ничтожности, оскорбления и грязные ругательства.

Это было похлеще, чем знаменитый парадокс близнецов. Но Эйнштейн вряд ли мог этого избежать. Только под лежащий камень вода не течёт. А уж если камень поднят, то...

Сейчас же исследователь по-прежнему сидел за своим письменным столом и вслушивался в собственный мозг. Надтреснутое серое вещество, хотя и страдало изрядным расщеплением, сейчас предательски молчало. Эйнштейн не знал, как его расшевелить.

Он встал, прошёлся по комнате, подошёл к зеркалу и показал зеркалу и самому себе язык.

Какой чёрт или ляд его дёрнул? Эйнштейн этого объяснить так уже никогда и не смог. И его об этом никто и не спрашивал.

Просто в тот самый момент, когда Альберт вытягивал свой язык в сторону пустого, как ему казалось, зеркального пространства, в этом самом пространстве перемещалась целая процессия во главе с Антоном. Идущие на свет, знали, что их ждёт встреча с Эйнштейном, поэтому они включили камеру заранее и держали её наготове. Она и сняла язык Эйнштейна во всей его отвратительной красоте.

– Что вы собираетесь делать с изображением моего языка? – осторожно, намёками принялся узнавать Эйнштейн.

– Ничего не собираемся, – ответил Антон, и Эйнштейн с облегчением выдохнул. Антон дал ему возможность лишить свои лёгкие набранного с запасом воздуха и продолжил: – Мы уже всё сделали!

– Что «всё»? – чувствуя подкатывающий ужас, спросил Эйнштейн.

– Ваша фотография с высунутым языком в нашем времени является очень популярной, – ответил, смеясь, Антон. – Она во всех учебниках, во всех компьютергах.

Не сразу стало понятно, от чего Эйнштейн расстроился больше. Или оттого, что у него появились гости из будущего, или из-за того, что его язык рассматривают все, кому не лень, в том числе и в том самом будущем.

Наконец Эйнштейн выбрал для себя более важный вариант.

– Вы из будущего? – повторил он вопрос, который шутил у него в голове вот уже целых две минуты по-

сле того, как прямо из зеркала к нему вышли странно одетые люди.

– Да, – коротко ответил Антон.

Эйнштейн опять машинальными движениями стал показывать свой язык.

– Извините, это от неожиданности, – прокомментировал он свой поступок и добавил: – Можно узнать цель вашего визита?

– Да вот 99 лет тому назад вы сделали такое утверждение. Из-за невозможности измерения присутствия движения ввиду отсутствия привязки исследуемого объекта к какой-либо системе отсчёта вы сделали вывод об отсутствии абсолютного движения и о наличии лишь относительного движения.

– Было такое, – согласился Эйнштейн после не очень долгих раздумий. – И что вас смущает в этих словах?

– Не смущает, – ответил деловито Антон. – Просто по прошествии 99 лет со дня публикации мы можем твёрдо сказать, что этот вывод не полностью корректен. Например, электрон может вращаться вокруг ядра миллиарды лет, и состояние его относительного покоя можно зафиксировать, только используя ту систему отсчёта, которая совпадает с самим этим электроном. Но влияет ли эта или любая другая система отсчёта на движение электрона? Нет!

– Юноша, – уже совсем взял себя в руки Эйнштейн, – кто и вокруг чего вращается? Говорите, пожалуйста, понятным языком. Положим, о том, что такое «электрон», я догадываюсь. Но что такое «ядро»? И, кстати, что такое «компьютер»?

– Электрон – это элементарная частица, – ответил Антон, ощущая себя более умным, чем сам Эйнштейн.

– Из неё состоят атомы. А ядро – это центральная часть атома, вокруг которой вращается электрон. Вся конструкция атома напоминает Солнечную систему с центральным Солнцем и вращающимися вокруг него планетами.

– У вас талант преподавателя, – ответил Эйнштейн, не желая больше продолжать обсуждение этой темы с явным дилетантом. – Я всё понял. Только не понял ваших претензий к моим выводам.

– Всё очень просто, – ответил Антон. – Мы сформулировали такую теорему: любая система отсчёта влияет лишь на параметры оценки наблюдателя и никоим образом не влияет на сам исследуемый объект. И из этой теоремы можно сделать вывод, обратный вашему выводу, уважаемый Альберт Эйнштейн: движение тел абсолютно, относительность его устанавливает наблюдатель.

– Нет! И ещё раз нет! – яростно начал было атаку Эйнштейн, но потом неожиданно замолчал. Он некоторое время походил по комнате и потом добавил: – Ну, что ж, я согласен. «Любая система отсчёта влияет лишь на параметры оценки наблюдателя и никоим образом не влияет на сам исследуемый объект». Ну, что ж, я согласен. Мне пришлось много размышлять над системами отсчёта, и ваш вывод для меня приемлем. Хотя всего он не объясняет.

– Как не объясняет? – удивился Антон. – Увеличивая размеры рассматриваемого организма, а также принимая предмет изучения и измерения за единственный атом, мы вообще можем движение электрона в атоме не принимать в расчёт!

– Опять вы ребусами изъясняетесь! – накатил Эйнштейн.

– Электрон скоро откроют, и вы всё узнаете сами.
– объяснил Антон. – А атом вы и так знаете.

Эйнштейн промолчал.

– Так вот, если мы сделаем то, что я сказал, то появится другое движение – тепловое, броуновское,
продолжил Антон.

– Если мы сделаем вид, что нас не интересует внутреннее строение частиц, а интересует только их поведение как целых объектов? Я правильно вас понял? – уточнил Эйнштейн.

– Правильно! – кивнул Антон и продолжил: – И, опять же, та система отсчёта, которая будет совпадать с этим самым атомом, даст нулевые показания его движения.

– А та система отсчёта, которая совпадает с электроном? – спросил Эйнштейн.

– Даст нам измеренное вращение ядра этого атома по отношению к электрону, – ответил Антон.

– Всё понятно. У вас воистину талант, дорогой юноша! – сказал Эйнштейн и предложил: – Давайте же расширим нашу абстракцию до бесконечности в сторону минимума и в сторону максимума.

– Я слушаю, – заинтересованно произнёс Антон.

– Мы получим интересный результат, – продолжил Эйнштейн. – Первое – состояние покоя вообще недостижимо. Второе – заявление об измеренном состоянии покоя является определением координат места, где находится наблюдатель.

– Уважаемый Эйнштейн, признайтесь, то, что вы сейчас сказали, вы подсмотрели в Организмике, – сузил глаза Антон. – Вы всё повторили слово в слово.

– Да, да... Списал... А как же 99 лет? – улыбнувшись, спросил учёный. – Просто язык математики на

столько универсален, что на нём можно читать тексты любой древности. И на этом языке можно говорить с людьми любых эпох.

– Здесь я с вами, конечно же, согласен, – ответил Антон.

– Сделаю ещё одно уточнение, – продолжил Эйнштейн. – Стоит отметить, что переход из одной системы координат в другую сводится прежде всего к решению вопроса об учёте совместного движения либо об учёте некоторых из них.

– Поясните!

– Чем большее количество совместного движения, то есть разных систем отсчёта, будет учтено при решении данной конкретной задачи, – ответил Эйнштейн, – тем точнее будет результат.

– Вы замечательный учёный! – признался Антон и добавил: – Я, идя к вам, был настроен скептически. Всякое говорят и всякое пишут... Но теперь, пообщавшись с вами, я понял, что вы действительно заслуживаете славы в веках. Ведь уже прошло 99 лет...

Пока Антон это говорил, Эйнштейн судорожно воображал как прекратить эту галлюцинацию. И ничего лучшего, чем снова показать пришельцам свой язык, он не придумал. В конце концов, клин клином вышибают.

Эйнштейн вздохнул, глядя на всё ещё говорящего Антона, и показал ему язык. Антон запнулся и кашлянул.

– Вы думаете нам пора? – спросил он. – Ну, тогда пока.

Визитёры развернулись, сделали шаг в зеркало и исчезли.

Эйнштейн постоял ещё минут десять с высунутым языком у зеркала, а потом, когда язык окончательно засох, учёный руками осторожно затолкал его себе в рот и поверх плеснул немного воды.

Эйнштейн представил как выглядит его выходка в будущем и самокритично произнёс:

– Бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая, при этом относительно бесконечности первой из них у меня имеются сомнения, – потом подумал, как это всё-таки смешно выглядит, и добавил с улыбкой: – Единственный разумный способ обучать людей – это подавать им пример.

Новое мировоззрение

– Каждому ещё со школы знакомы основные вопросы бытия, – начал старец Кулик. – К ним относятся следующие. Что такое материя? Что такое дух? Что такое или кто такой Бог? Зачем нужна вера? Откуда взялся человек? Как формируется сознание? Кто создал космос? Издревле многих волнуют и такие вопросы. Как устроен мир? Как соотносены в нём материальное и духовное начала? Хаотичен мир или упорядочен? Какое место занимают в нём закономерность и случай, устойчивость и изменение? Что такое покой и движение, развитие, прогресс и критерии прогресса? Что такое истина и как отличить её от заблуждений или преднамеренных искажений, лжи? Что такое совесть, честь, долг, ответственность, справедливость, добро, зло, красота? Что такое человеческая личность и каковы ее место и роль в общественной жизни, истории? И, наконец, в чём смысл человеческой жизни? Есть и другие, не менее важные вопросы. И, пытаюсь

на них найти ответ, человек подчас проходит мимо этих самых ответов.

– Припоминаю слова, которыми сформирован наш мир, – ответил Вейзель. – Организация, организм, организовали... А давайте рассмотрим пример, в котором некая организация организовала, допустим, праздник!

Старец Кулик хотел было пошутить, но потом по какой-то причине передумал и просто намекнул Вейзелю, что затея с праздником не очень. На что профессор пожал плечами и сразу же переключился на другое.

– Орган и органист, органично и органический, орган человека, орган управления, орган власти, коммерческая организация, – продолжил Вейзель. – Эти слова известны всем. Но пока мы были слепы к тому, что повторяется так часто и повторяется везде.

– А давайте разберём несколько понятий, – раздался голос кого-то из студентов. – Например, что означает то, что мы обозначаем словом «устроено»?

– ...Можно так объяснить, – снова с ходу перестроился Вейзель. – Каким образом части организованы между собой, чтобы их взаимодействие и взаиморасположение были соответствующими термину «устроение».

– А понятие «мир»?

– Понятие «мир» вполне возможно рассмотреть с точки зрения некой организации, в которую входят вещи, тела, человек, организмы и взаимодействуют между собой, – ответил Вейзель.

– Соотношение?

– Понятие «соотношения» сводится к тому, – ответил Вейзель, – что необходимо описать нахождение данной части организма по отношению к целому организму.

– То есть, просто относится к организму и всё? – спросил студент.

– Необходимо описать организованность частей, размеров, взаимодействий в составе организма или вне него, – пояснил Вейзель.

Инициативу перехватил старец Кулик.

– Далее, – сказал он, – понятие «материи» уже давно разделено наукой на неорганическую и органическую, ту субстанцию, что составляет наши организмы и другие организмы.

– Материя это не то, а вот духовность? – спросил студент.

– Понятие «духовность» сложнее, – ответил старец Кулик. – Оно определяет течение мыслительных и чувствительных процессов внутри органа мышления разумного организма.

– Человека?

– Не обязательно только человека. Но таким организмом может являться и человек разумный, – уточнил старец Кулик.

– А вот у древних всё строилось на хаосе, – произнёс студент.

– Необходимо добавить, что понятие «хаоса» определяет неорганизованность некоего процесса, неорганизованность материи и духа, – ответил старец Кулик.

– А порядок?

– А понятие «упорядочение» напрямую говорит о принятии неким сообществом организованного устройства, построения, – теперь уже ответил Вейзель.

– Ясно!

– А сейчас вернёмся к первым трём вопросам, – сказал Вейзель. – Напомню их. Первый: как устроен мир? Второй: как соотносены в нём материальное и

духовное? И третий: хаотичен он или упорядочен? Для начала мы просто перефразируем эти вопросы, не меняя их содержания и подставив полученные нами выше расшифровки. Что в итоге получится? Кто озвучит вариант?

Студенты зашущукались. Собственно, мыслей по этому поводу в голову как-то не приходило. А если и залетала одна, то она быстро, сообразив, что здесь всё не так уж и просто, вильнув «хвостом», тут же покинула мозг. По мере обсуждения студенты превратились в жужжащий рой. Они всё громче и громче обсуждали поставленный вопрос, стремясь найти ответ хотя бы из чувства соперничества.

– Получим следующее, – вдруг раздался голос одного из студентов, срезав сразу макушку шума. – Вопросы будут звучать так. Первый: как организована организация, состоящая из всяких организмов? Второй: как организовано взаимодействие неорганических и органических составляющих всяких организмов и составляющих, находящихся вне организмов, с процессами внутри органа мышления разумного организма – человека разумного? И, наконец, третий: не организована организация, состоящая из организмов (мир), или организована неким способом?

Аудитория молчала, рассматривая выдающегося мыслителя и кивая в такт его высказываниям. Все одобряли такой «перевод» и удивлялись: как это они сами не догадались до такой простоты?

– Ну, что ж, – согласился Вейзель, внимательно наблюдая за отличившимся и за реакцией зала на этот подвиг. – Попытка засчитана! У вас получилось! А теперь давайте проанализируем озвученный вариант. Кто готов?

Теперь уже многие были готовы – ведь главное начало, а там уж мысль польётся рекой.

– Он использовал пятнадцать раз слова с корнем «орган»! – произнёс другой студент. – Даже на этой статистике мы можем сделать интересные выводы. И главный из них – об устройстве мира. Он может звучать приблизительно так: мир – это некая субстанция, организованная в различные организмы.

– А я бы сказал иначе, – возразил ему третий студент. – Мир – это субстанция, структурированная множеством организмов.

Вроде бы разница не велика. Однако она есть. Если в первом случае посыл «мир – это субстанция, организованная в различные организмы» говорит о том, что в мире присутствует процесс организации, который привычно подразумевает наличие активного организационного начала, то во втором случае под понятием структурирования подразумевается прежде всего неактивное начало.

А между активным и неактивным началами подразумевается разница в том, что первое имеет интеллект, а второе – нет.

– Что же это за субстанция, организация или структуризация которой является мерилем «нежизни», жизни, тела, духа, человека, природы – всего? – спросил старец Кулик, оставляя за скобками спор о процессе и выводя на первый план идею чего-то первоначального.

– Может быть материя?

– Время?

– Информация?

– Мера?

– Энергия?

Старец Кулик спокойно дождался, когда все варианты были исчерпаны, и предложил:

– Давайте разберёмся. Начнём с того, что предположим: термин «место» определяет положение чего-либо в конкретном месте организма или организации. То есть он определяет организационную подчинённость некой части вполне конкретным организационным требованиям организации. То есть что-то, пока не понятное, занимает это место. Что скажете о термине «занимают»?

Теперь студентам было проще. Ключик к пониманию найден – дальше дело за техникой.

– Термин «занимают» определяет нахождение или не нахождение некого организма в отведённом ему месте в некой организованной структуре, – ответил студент.

– Хорошо. Теперь у нас есть два термина, объединённых в логическую пару – «занимают место». Следующий термин – «закономерность»? – спросил старец Кулик.

– Этот термин определяет соответствие реальной структуры организации какому-то плану-закону. Этот закон может быть установлен человеком, текстом, силами природы или ещё чем-либо. А в общем случае закономерность устанавливается соответствующей матрицей, по которой создаётся данная организация, – очень умно ответил очередной студент.

Он тоже «срубил» одобрительные взгляды сокурсников и немного возгордился этим. Юноша сел на своё место, а вброс в кровь специфической дозы химического гормона немного парализовал его способности к дальнейшему мышлению.

– Теперь термин «случай»? – пришёл коллеге на помощь Вейзель.

– Он определяет изменение реальной структуры организации по сравнению с исходной матрицей – матрицей создания такой организации, – пришла очередь Насте отвечать. – Причём случайные изменения были вызваны внешними факторами, наступление которых в матрице организации не запланировано, а следовательно, не отражено и, естественно, не допускалось.

– Но оно наступило? – сказал старец Кулик, утвердительно и одобрительно кивнув девушке в ответ.

– Да, оно наступило, – согласилась Настя. – Но они и должны были наступить независимо от личной матрицы-программы организма. Ведь эти изменения были продуцированы другой организацией, а не самим организмом. Вот этот самый «чужой» результат воздействия, результат воздействия продукта другого организма и вызвал незапланированные изменения в организации структуры первого организма.

«О, как мудрёно», – снова зауважал Настю Антон.

– Термин «устойчивость»? – не унимался старец Кулик.

Но ему и не нужно было униматься. Кое-кто уже сидел и ждал его паса, имея наготове любой ответ практически на любой такой вопрос.

– Он определяет неизменность, постоянство структуры, то есть матрицы организации. Эта устойчивость проявляется под воздействием неких внешних факторов, – коротко и чётко ответила Нона.

Антон широко улыбнулся Ноне, подавая тем самым ей знак, что он бдит за её успехами и очень даже их приветствует. Нона, получив послание Антона, ответила ему гораздо более сдержанной улыбкой. Но это

была, возможно, первая улыбка Ноны, которой она удостоилась влюблённого юношу.

Антон был счастлив! И дальнейший разбор научных терминов его уже не интересовал. Сознание юноши рисовало чудесные картины, в которых его и Нону соединяли такие мощные объятия и поцелуи, что Антон даже «поплыл».

Он решил собраться и показать Ноне, что и он не лыком шит. Оставалось только получить пас от профессора, а там уж Антон, безусловно, выдаст свою прекрасную и очень умную трактовку очередного неуклюжего слова.

– Термин «изменение»? – прозвучало в аудитории.

– Этот термин является результатом того, что реальная структура организации стала не соответствовать той закономерности, которая устанавливала для этой структуры вполне определённый вид, который эта организация и приняла вначале, – несколько путано ответил Антон.

Нона улыбнулась, и Антону показалось, что в этой её улыбке уже не было той влюблённости, которую он заметил в прежней улыбке. Точно юноша понять это не мог. Но ему определённо так показалось. Антон оставил мозгу возможность сомневаться и надеяться. А что ему ещё оставалось?

Тем не менее, старец Кулик похвалил группу и улыбнулся Антону:

– Ну, что же, молодцы! Теперь вернёмся к четвертому вопросу. Он – такой: какое место в мире занимают закономерность и случай, устойчивость и изменение?

– Теперь, расшифровав понятия, можно перефразировать этот вопрос, не меняя содержания, но изменив слова-термины, – ответила Настя.

Она заметила эти переглядки, которыми обменялись Антон и Нона, и ей была такая связь не приятна. Настя сделала паузу и посмотрела на Нону. Она постаралась сохранить свой взгляд нейтральным, но вложить в него всю свою женскую ненависть. Нона это поняла и злобно улыбнулась в ответ.

– Получим вот что, – продолжила Настя. – Вопрос будет длинным, поэтому я его озвучу по частям. Какова организационная подчинённость и нахождение либо не нахождение организма в составе организации? Соответствует ли реальная подчинённость организма той, что установлена матрицей организации? Или реальная подчинённость организма отлична от требований матрицы организации, и эти отличия явились результатом воздействия другого организма? Осталась ли неизменной структура матрицы организма и организации от воздействия на неё внешнего организма? Или испытывавшая воздействие внешнего организма структура организации стала не соответствовать начальной? Это один вопрос. Просто он стал более детальным.

– Вы сегодня в ударе! – искренне похвалил Вейзель Настю.

Девушка снова пристально посмотрела на Нону. Но та теперь едва дёрнула улыбкой и демонстративно отвернулась. Победив свою соперницу, Настя посмотрела на Антона. Он сидел ошеломлённый и, не снимая выражения удивления со своего лица, кивнул ей несколько раз в знак согласия и одобрения.

Но потом, вспомнив о Ноне и не удержавшись, привычно пустил косяка в сторону своей любимой.

Настя опять расстроилась. Ей надоела эта автоматичность в поведении Антона. Её бесила ослиная при-

вязанность своего избранника. Настю злило то, что Антон предпочёл ей какую-то Нону...

– Подведём итог вашим, Настя, упражнениям и всем нашим упражнениям тоже, – произнёс Вейзель. – Что мы получили? Мы использовали слова с корнем «орган» тринадцать раз! И теперь мы можем сделать некоторые выводы об устройстве мира. Может, кто-то хочет озвучить этот вывод?

– Я сама и озвучу, – немного глуховато, но очень уверенно произнесла Настя. – Вывод такой: нахождение организма в структуре другого организма устанавливается матрицей большего организма; матрица организма может измениться под воздействием другого организма.

Каждое своё слово девушка отчеканила предельно ясно, и после этого Настя снова воинственно взглянула на Нону. Но та вызова не приняла и совсем никак не прореагировала на сказанное Настей.

Что там было на уме у Ноны, не известно, но старец Кулик и Эйн Вейзель тоже заметили полную отчуждённость Ноны и решили её на этом подловить.

– Уже ответив только лишь на четыре «важных» вопроса философии, мы можем установить нечто важное, – сказал Вейзель. – Нона, озвучьте нам наши выводы!

После этих слов Вейзель заговорчески посмотрел на Настю. Он как бы демонстрировал девушке, что этот пас он сделал ей в подарок.

Но Нона не смутилась. Она спокойно выдержала паузу. Затем, не спеша, встала и уверенно произнесла:

– Некая субстанция структурирована множеством организмов так, что меньшие организмы составляют

большой организм, и эта структуризация подвластна другому организму.

Удовлетворённый Антон снова «поплыл» и, чтобы этого никто не заметил, откинулся на спинку стула, демонстрируя, что он якобы находится в раздумьях.

Настя что-то прошептала, едва шевеля губами.

А Вейзель, обломавшись, смиренно опустил глаза.

В конце всего эпизода Нона так же невозмутимо села на своё место.

Волшебное кольцо

– Итак, значит... Уважаемые студенты! Нам осталось лишь замкнуть кольцо постулатов Организмики, – произнёс старец Кулик. – Я бы хотел, чтобы мы сделали это вместе. Кто первый?

Настя уже разъярилась. Её взбесило презрительно-ледяное спокойствие Ноны. Но ещё больше взбесило то, что Антон реагирует на Нону, как щенок на косточку.

– У нас есть два постулата, – сказала она. – Для кольца нам нужен третий постулат.

– Есть предложения?

– Я предлагаю такой, – ответила Настя. – Одна матрица определяет один организм.

– Что ж, давайте посмотрим, насколько замыкается в таком случае кольцо постулатов, – согласился Вейзель. – Что нам говорит первый постулат?

– Первый постулат определяет, что всякий организм состоит исключительно из информации о взаимодействии информации, – ответила Настя.

– Второй?

– Второй постулат выявляет механизм выделения одного единственного организма из множества информации, – снова чётко ответила девушка. – Вторым я предлагаю поставить только что озвученный мной «третий» постулат: одна матрица определяет один организм.

– И тогда третий?

– И, наконец, третий постулат устанавливает связь любого одного-единственного организма с другими организмами, – ответила Настя. – Всякий организм является составной частью организма более высокого уровня.

– И где же здесь кольцо?

– А связь с организмами более низкого уровня устанавливает первый постулат, – ответила девушка. – Как видим, кольцо действительно есть, и оно замкнутое.

– Да, вы правы, – согласился старец Кулик. – Кольцо есть, и оно прекрасно связано!

Настя, довольная собой, села на своё прежнее место и снова произвела рекогносцировку. Нона продолжала сидеть спокойно. Антон кивал в знак согласия, и в его глазах была отчётливо видна искорка восхищения.

Искорка восхищения ею, Настей!

– И, более того, – продолжил старец Кулик, – оно ещё и вращается, то есть последовательность логических сцепок можно рассматривать начиная с любой точки этого кольца. Давайте рассмотрим примеры. Нона?

– Например, возьмём в качестве отправного постулата второй – одна матрица определяет один организм, – сходу ответила девушка, как будто специально

к этому готовилась. — Этот постулат определяет любой единичный организм, выделяя его как единое целое и не вдаваясь в подробности его связей. А вот два других постулата устанавливают эти связи.

— Как именно выглядят эти связи?

— Первый постулат — всякий организм состоит исключительно из информации о взаимодействии информации — устанавливает связи данного организма по отношению к информации, входящей в его состав. То есть к более низкоуровневой. Второй постулат — всякий организм является составной частью организма более высокого уровня — устанавливает внешние связи данного организма. То есть связи организма с организмами более высокого уровня. Система из трёх приведённых постулатов и при таком повороте оказывается исключительно жизнеспособной.

— Изумительно! — не удержался и похвалил старец Кулик девушку. — Есть ли ещё примеры?

— Есть третий вариант работы кольца постулатов, — снова выступила Настя, которую спокойное выступление Ноны ещё больше взбесило. — Если мы начинаем с третьего — всякий организм является составной частью организма более высокого уровня, — то мы как бы спускаемся по организмической цепи вниз. То есть нам нужно найти такой организм, который является «всяким» и который является «составной частью» организма более высокого уровня.

— Как определить такой организм? — поинтересовался старец Кулик.

— Очень просто! — ответила Настя. — Мы должны взять множество низкоуровневых информации и, учитывая, что всякий организм состоит исключительно из информации о взаимодействии информации, выделить

из этого множества искомый организм. Причём, с учётом того, что одна матрица определяет один организм.

– Всё правильно! – ответил старец Кулик и, обращаясь ко всей группе, добавил: – Сегодня наши красавицы в ударе!

Третьи трансформации

– Вот вам весы! – громко и неожиданно произнёс Вейзель, обращаясь к аудитории и водружая в центре сцены какую-то феерическую конструкцию.

Она состояла из трёх симметрично расположенных чашек для взвешивания и одной вертикальной стрелки. Стрелка указывала на центр, демонстрируя уравновешенность весов.

– Идите сюда, господа студенты! И разделитесь на три группы, – продолжил Вейзель.

Пока студенты суетливо топтались и деловито кучковались, подразделяясь на три затребованные группы, Вейзель оповестил:

– Задача для всех трёх групп одна. Надо правильно назвать три главных параметра, по которым делятся все организмы в мире. А ещё надо правильно назвать три параметра, которые противоположны трём первым. То есть с вас – всего шесть параметров. Понятно?

– Да! – последовал ответ.

– Вот вам три гири, – продолжил Вейзель. – Каждая гиря соответствует одному параметру. Называете параметр и кладёте гирю в чашку. Всё просто!

Теперь уже не все ответили «да!».

– Ерунда какая-то! – стал задираться Антон и, получив одобрение большинства, добавил: – А если не назовём? Двойку поставите?

Антон рассмеялся, а Вейзель отреагировал спокойно и даже как-то по-киллерски холодно:

– Эти весы управляют сценой, на которой вы стоите. То есть сцена будет наклоняться так же, как наклонятся эти весы. Если наклон будет сильным, то вы можете сорваться со сцены. А там, под сценой, жерло вулкана, в котором кипит лава. Обернитесь и посмотрите!

Студенты обернулись, посмотрели и ужаснулись. Действительно, за пределами сцены зияла пропасть, а в ней кипела какая-то оранжевая тягучая масса. Девчонки закономерно принялись пищать.

– Итак, три, два, один – начали! – скомандовал Вейзель.

Сцена стала медленно крениться в одну из сторон, и студенты вдруг всем своим существом ощутили глубокий смысл того, что было заключено в этой «игре». Игра за жизнь!

Как-то со всей очевидностью вдруг стало ясно, что надо прекращать истерику. Юноши очухались первыми. Автоматизм сработал уже на первых секундах ситуации, угрожающей жизни. Студенты принялись учинять серьёзный мозговой штурм.

– Кто читал Организмику? – крикнул Антон. – Там есть структура разделения организмов по трём главным течениям?

– Кто-кто, – съехидничали ему в ответ соседи, – профессор Вейзель читал. Он всё читал и поэтому нам эту бяку и устроил!

– Понятно! – разочаровано промямлил Антон и уже совсем себе под нос буркнул: – Придётся самим думать...

– А я думаю, что дело здесь не в том, что и кто читал. Везде, и в том числе и в Организмике тоже, организмы разделяются, по крайней мере, на два течения. Это деление идёт по признаку наличия жизни. То есть живой данный организм или он неживой, – наконец договорил другой студент.

Он стал трудно и нудно объяснять свою мысль:

– Это выражается в наличии или отсутствии в структуре организма инструментов, способных поддерживать матрицу этого организма в неизменном виде. То есть в виде, постоянном в течение некоторого, достаточно долгого времени. Даже лучше сказать, в течение всей жизни организма.

Студент замолчал, сосредоточенно почесал переносицу и решительно произнёс:

– Я думаю, что это первая пара критериев, так сказать.

– Хорошо, – ответил Антон, неотрывно смотря на опускающийся край сцены.

Сцена продолжала опускаться, и юноша понял, что ничего не произошло. Либо версия неправильная, либо они пока что-то не так делают. Антон, обращаясь к остальным, громко спросил:

– Все согласны?

Остальные студенты настолько широко раскрыли от ужаса глаза, что когда в согласии принялись кивать, белки чуть не повываливались из орбит. Ребятам буквально пришлось держать глаза руками.

Антон, заручившись единогласной поддержкой такого вот лупоглазого большинства, положил первую гирию на ту чашку, напротив которой сторона боль всего просела в пропасть. Ребята напряглись в ожидании.

Они молча смотрели на чашку весов, гирию и сами весы. Но несколько секунд ничего не менялось.

«Не угадали», – подумали студенты.

Но вот опускание того края, на чашку против которого положили гирию, прекратилось. И ещё через несколько секунд этот край начал выравниваться, одновременно заваливаясь в другую сторону – в сторону одной из оставшихся двух пустых чашек. Ребята опять впали в смятение. Девчонки снова принялись пиццать.

– Давайте, давайте! – сквозь писк прокричал Антон. – Не паниковать! Кто-нибудь предложит вторую пару критериев! Думайте! Живей! А то свалимся, нафиг!

– Разумный и неразумный, – крикнула Нона.

– Что? – переспросил Антон.

– Организмы разделяются ещё на два течения. По признаку наличия или отсутствия разума! – повторила Нона громче. – Разумный или неразумный – вот вторая пара критериев! Этот признак выражается в наличии или отсутствии в организме систем, способных на основе восприятия и переработки внешних воздействий на организм изменять структуру самого организма.

– Что? – опять переспросил Антон.

– Да не важно! – ответила, психанув, Нона. – Услышьте хотя бы сами критерии: разумный и неразумный. Понял? Все согласны?

Все закивали в согласии. Нона отняла у Антона гирию и сама положила во вторую чашку, расположенную напротив наиболее опустившейся стороны. Ситуация повторилась – и вторая сторона сцены выровнялась. Осталась третья.

И надо же такому случиться... Ну прямо как в дешёвом кино... Одна девочка так пицала, что оступись и чуть было не свалилась в кипящую лаву. Юноши схватили её поймать, едва уцепив за запястье. Девочку втащили на сцену, но удерживаться на этой стороне становилось всё труднее.

– Давайте третий критерий! – крикнул уже более бодро Антон.

Две первых пары критериев возникли очень быстро и очень легко. По крайней мере так всем показалось. Студенты стали автоматически ждать повторения такой удачи. И поэтому все молчали, надеясь на соседа.

В такой ситуации кругового спихивания надежды просто не могло родиться никаких пригодных мыслей. Ребята дружно морщили лбы и ощущали, как третий край сцены опускается всё ниже.

Момент тянулся вечно, некоторые даже успели смириться с ситуацией и принялись причитать.

– Зачем меня мама рожала? – вдруг сказала та девочка, которую только что спасли.

Сначала все посмотрели на неё, как на обречённую, и измерили снисходительным взглядом. Мол, что? Сдалась? Но через секунду глаза почти всех буквально впились в неё и стали расширяться.

– Что ты сказала? – хрипло прокричал Антон.

– Зачем мама меня рожала? – изумлённо ответила девушка.

– Нет! Что ты сказала? – повторил Антон уже более настойчиво.

– Зачем мама меня ро...

– Рожать! – хором закричали студенты.

– Способность рожать – вот что отличает одни организмы от других! – радостно прокричал Антон и обратился к остальным: – Все согласны?

– Да! Да! – радостно закричали ребята, а Антон тем временем уверенно водрузил третью гирию в оставшуюся чашу, и все принялись с видом успешно законченного дела ждать положительной развязки.

Но край сцены продолжил опускаться.

Антон повертел гирию в чашке, потряс её, побил по ней. Всё оказалось бесполезным.

– Неправильно, – удручённо констатировал он. – Надо искать другой ответ. Хотя странно. Ведь это наверняка так. Как-то ведь организмы должны воспроизводиться!

– Некоторые сами, а некоторые кто-то другой производит, – стала философствовать Настя, задумчиво наблюдая за языками пламени, уже облизывающими опустившийся край сцены. – Например, телёнка корова произвела на свет, а трактор произведён вовсе не таким же мамой-трактором, а совершенно другим организмом – человеком.

– Так, так, так, – включил внимательность Антон.

– Ребята! Живей! Мы же падаем! А вы о тракторах и телятах! Делать вам больше нечего! – истерически закричала на них какая-то девушка.

– То есть, ты хочешь сказать, что один организм может произвести себе подобный, а другой – нет? – спросил Антон Настю, не обращая на девичью истерику никакого внимания.

– Примерно так, – почти равнодушно согласилась Настя.

– Так, может, вот это и есть критерий? – закричал обрадовано Антон.

Своим воплем он изрядно напугал тех, кто перед лицом неминуемой опасности уже приступил к приятным воспоминаниям всех картин своей жизни. Ну, знаете, как это описывают: перед ним пролетела вся его жизнь...

– По признаку наличия системы воспроизведения организмы разделяются на два течения – это самовоспроизводящийся и внешневоспроизводимый! Это выражается в наличии или отсутствии в организме систем, способных участвовать в создании копий своего организма. Все согласны?

В ответ прозвучала единогласная тишина. Антон обвёл всех взглядом и положил третью гирию в третью чашку со словами «третья пара критериев, или третье течение – это самовоспроизводящийся организм или внешневоспроизводимый».

Ребята так заморожено смотрели на то, как Антон клал гирию в чашку, что отвлеклись от самого важного. От того, что нужно держаться. Они разжали руки и стали падать в пропасть. Девчонки принялись пищать. Но в ту же секунду, когда Антон закончил произносить слова, сцена выровнялась, а вулкан под ней исчез. Вместе со странными весами.

Падать стало некуда. Студенты лежали на полу и держались за что-то невидимое. Прошло несколько минут, пока самые отважные из них начали отпускать невидимый поручень.

А потом все встали с пола и стали отряхивать друг друга. Кто-то даже не очень громко засмеялся. А кто-то весьма фактурно ругался. Стали искать профессора.

Но Вейзель предусмотрительно исчез.

Странный выход

Первые моменты злости и ярости быстро прошли, и все помаленьку стали приходить в себя, воспринимая случившееся как захватывающее приключение. Студентам потребовалось довольно много времени, чтобы обсудить по горячим следам свои приключения.

Когда первые сливки свежих воспоминаний были уже полностью сняты, студенты вспомнили о виновнике их переживаний. А он как-то очень незаметно появился и возобновил свою лекцию.

– Новая фундаментальная наука Организмика утверждает, что «всякий организм состоит из информации о взаимодействии информации», – после успокоительной паузы несколько гундосо промямлил профессор Вейзель. – Так ведь гласит первый постулат?

Студенты всё ещё рассаживались на свои места. Они вспоминали подробности и продолжали делиться своими впечатлениями, и вопрос Вейзеля никого не заинтересовал.

– Так, – ответил старец Кулик. – И вот вам пример!

Произнося последние слова, старец Кулик стал превращаться в огромную рыбу. Он увеличивался до тех пор, пока не стал размером с трёхэтажный дом.

От неожиданности студенты разом забыли свои прежние переживания и теперь стояли в плотном ступоре. Их глаза сохли – отказываясь моргать. Они боялись что-либо пропустить.

Тем временем из-под рыбы появилась вода. Много воды! Она стремительно и мощно заполнила всю сцену и дала возможность рыбе перемещаться. А чуть по-

года это чудовище уже принялось гоняться за ищущими спасения студентами.

Но прятаться было негде. Огромная рыба, вильнув пару раз своим необъятным хвостом, враз настигла сбившихся в кучу студентов и открыла рот. Мощная сила втянула ребят в пасть молчаливого чудовища.

– Ну, всё, – запричитал Антон. – Она нас сожрала, как щепотку червей.

Студенты подчинились обстоятельствам и обречённо стали ждать.

– Когда червяк попадает в желудок рыбы, он начинает «перевариваться», – откуда-то извне раздался полный дидактизма голос Вейзеля.

Сейчас сказанное им воспринималось как приговор, поэтому студенты совсем потеряли самообладание и утратили остатки воли. Девчонки в страхе прижались к парням и тихо хныкали.

– Потом «переваренные» частички червяка проникнут через стенки желудка в кровь рыбы. Затем кровь разнесёт эти частицы ко всем частям рыбьего организма, питая его «переваренным» червяком. За счёт этого рыба восстанавливает утраченную «энергию» и получает строительный материал для роста своего организма. А «не переваренные» кусочки червяка выводятся организмом рыбы за её пределы, – очень прозрачно разъяснил Вейзель ближайшие перспективы проглоченных студентов.

– Нас такая перспектива не радует! – в сумрачном отчаянии заявил в ответ Антон.

Несмотря на то, что Вейзель был снаружи рыбы и их разделял толстый слой рыбьей плоти, он услышал. Профессор как-то хитро улыбнулся, несколько раз кашлянул и громко скомандовал:

– Не радуется? Так, выходите из этой рыбы!

Ребята посмотрели в сторону пасти чудища – она была по-прежнему закрыта. То есть тем же путём, каким они сюда попали, выйти не придётся.

– Как же мы выйдем? – почти злобно крикнул Вейзелю в ответ Антон. – Мы ещё не научились проникать сквозь стены! Даже если эти стены сделаны «всего лишь» из рыбы!

– Будете ждать, когда рыба вас переварит? – с откровенной издёвкой поинтересовался Вейзель.

– Вот бы вас эта рыба переварила, посмотрели бы мы, как вы тогда стали бы шутить и издеваться, – ответил один из студентов.

– Выходите из рыбы! – ещё раз скомандовал Вейзель.

– Как! – почти истерически закричал Антон.

– Сначала научитесь видеть любой объект не так, как вы привыкли видеть материальное тело. Вспомните: материи – не существует, – успокаивающим тоном ответил Вейзель. – Научитесь видеть и рыбу и себя как две отдельные информационные организмические матрицы.

– Как? – не понял Антон.

– Представьте, что перед вами не сплошные рыбы бока, а решётчатые, дискретные структуры, – терпеливо продолжил объяснять Вейзель. – Ячейками их решёток служат более мелкие, но такие же дискретные и решётчатые информационные матрицы. Представили?

Студенты стали пытаться. Они встали, делали какие-то пассы руками, выпучивали глаза, задерживали дыхание. Видимо, результат должен получиться примерно таким же, как и тогда, когда просматриваешь плоские картины, добываясь того, чтобы увидеть в них

стереоскопическое изображение. Студенты старались. Но пока ничего не получалось.

– Никак! – опустил руки Антон. – Никак не получается представить.

– Попробуйте – получится, – настаивал Вейзель. – А пока продолжим. Как вы думаете: что толкает рыбу плотать червяка?

– Голод! – произнёс студент.

– А что такое «голод»? – продолжил доставать Вейзель.

– Голод – это когда хочется жрать, – грубо отрезал студент.

– Я же вам сказал: хотите оттуда выйти – учитесь видеть всё в ином свете.

– Учимся! – психанул студент. – Но ничего не получается.

– Учитесь ещё! – жёстко отрезал Вейзель. – Учитесь понимать, что голод – это не «когда хочется жрать». Голод – это «желание» организма восстановить повреждения своей информационной организмической матрицы. Эти повреждения являются следствием деятельности других организмов – например, паразитов. Тогда такие повреждения вызывают болезни. Но есть и другие повреждения матрицы организма – потери тепла и всякое другое... Понятно?

– Это всё понятно, – ответил студент. – Но представить это никак не получается.

– Попробуйте ещё! – скомандовал Вейзель. – Кто мне ответит как поступает рыба?

– Сжирает, – мрачно ответил тот же студент.

– Это понятно, – терпеливо продолжил Вейзель. – Но можно же выразиться нормальными словами. Например, так. Подчиняясь голоду, организм «Рыба»

поступает так. Она начинает взаимодействовать с другими организмами – то есть с организмом червяка. Рыба это делает исходя из соображений собственной безопасности. Ведь рыбе «хочется» жить, а голод несёт опасность для жизни. То есть после некоторой потери информации рыбе необходимо привести информационную матрицу собственного организма в исходное стабильное состояние. Помните второй постулат Организмики?

– Сейчас не время заниматься повторами и воспоминаниями, – возразил Антон, пристально всматриваясь рыбе в бок.

Юноше вдруг вроде бы показалось, что на мгновение бок этого чудища стал прозрачным. Антон готов был поклясться, что через рыбий бок, словно через какую-то решётку, на мгновение был виден ухмыляющийся Вейзель.

– Я хочу услышать как звучит этот постулат, – настойчиво потребовал Вейзель.

Конечно, было понятно, что профессор просто так не отвяжется. Но все были заняты всматриванием в бок рыбы – им очень не хотелось отвлекаться на дурацкие расспросы и вопросы Вейзеля.

– Одна матрица определяет один организм, – всё-таки не выдержал один студент.

– Правильно, – снисходительно похвалил его Вейзель. – Давайте теперь рассмотрим что будет с червяком, который попал внутрь рыбы.

Предчувствуя далеко не радужные перспективы противных рассказов о внутренностях и процессе пищеварения разнообразных чудищ, студентки запротестовали.

– Хватит заниматься ерундой! Прекратите ваши непотребные рассказы! – почти расплакалась одна из девочек. – И выпустите, наконец, нас отсюда!

– Я же сказал: выходите из рыбы, – если до этого профессор говорил почти как робот, то сейчас он как-то искренне удивился. – Чего же вы там сидите?

– Да, «ерунда» – мы просто «почему-то» не умеем проходить через стены! – нервно и с откровенными потками издёвки пояснила Настя.

Удивительно, но она уже видела Вейзеля – он расшвыбчато улыбался через почти прозрачный теперь бок этой рыбы. Но пройти сквозь бок чудища у девушки всё равно пока не получалось. И Настя начала думать, что Вейзель их обманул.

– Тогда учитесь ещё! – бесстрастно ответил Вейзель и, немного помедлив, добавил: – С вами ничего не происходит только потому, что ещё не решён ваш статус внутри этой рыбы.

– Какой статус? – удивились ребята.

Они ничего не поняли, но ощутили как спины их похолодели.

– Какой? – переспросил Вейзель и начал опять умятствовать: – Такой! Червяк, попав внутрь рыбы, имеет всего несколько путей своего дальнейшего существования. Первый путь – червяк может быть переваренным и усвоенным рыбой. Это, как вы теперь понимаете, приведение двух разных матриц – «пищи» и рыбы – в одну, то есть в рыбу. Второй путь – червяк может стать паразитом в организме рыбы. Это уже исключает смешивание двух матриц. Третий путь – червяк может стать частью симбиоза с рыбой. Это так же не приведёт к смешиванию. И, наконец, четвертый путь –

червяк может, не переварившись, выйти из организма рыбы...

Вейзель снова сделал многозначительную паузу и после неё громко спросил:

– Вы хотите, чтобы вашим случаем стал первый?

Антон густо представил себя в роли того самого червяка. Его съела та самая рыба, и теперь червяк Антон начинает усваиваться организмом рыбы. Сначала под действием определённых обстоятельств для червяка наступает смерть. Для червяка это «переход матрицы организма на более низкий уровень с разделением её на несколько матриц организмов и экосистем более низкого уровня», – автоматически прокомментировал Антон очень яркую смерть червяка, случившуюся только что в его сознании.

Юноша во всей красе увидел чем занимается желудочный сок и ферменты. Матрица организма червяка начинает, как конструктор, разбираться по частям. Ферменты, словно маленькие человечки, не покладая рук, отделяют нужные организму рыбы части организма червяка. Это «питательные вещества», «белки», «углеводы» и другое. Потом под воздействием определённых информационно-транспортных матриц организма рыбы, то есть крови и сосудов, эти части доставляются в разные места рыбьего организма.

Там за счёт частей разобранного организма червяка производится «ремонт» матрицы рыбы. Заделываются повреждения тканей, осуществляется их рост и всякое другое. Помимо этого осуществляется и «настройка». Она отвечает за рост организма рыбы. Часть матрицы организма червяка в виде энергии направляется на увеличение скорости колебаний атомов орга-

низма рыбы. «Это то, что все называют "температура"», – подумал Антон.

Юноша также увидел, как организм червяка становится всё меньше и меньше. Процесс разложения его матрицы идёт до тех пор, пока из неё не будут взяты все полезные участки и пока они не будут вставлены в матрицу рыбьего организма. После чего остатки матрицы червя в виде кала выводятся за пределы рыбьего организма.

– Мы идём по четвёртому варианту! – закричал Антон и уверенно скомандовал: – За мной!

Студенты увидели в глубине желудка что-то тёмное и бегом стремительно направились туда.

– Вперёд! – скомандовал Антон. – Прыгай!

Все прыгнули...

...И оказались... снаружи рыбы. За пределами её организма.

– Приветствую вас! – поздоровался Вейзель и, воспользовавшись ситуацией, стал издеваться:

– От вас почему-то дурно пахнет!

– Конечно, – ответил Антон. – Мы только что вылезли из рыбьей жо...

Недоговорив, Антон обернулся, чтобы ещё раз посмотреть на огромную рыбу, в животе которой они только что помещались все. Но на полу сцены стояла только пол-литровая банка с водой. Антон взял её и поднёс к лицу.

Маленькая рыбка подплыла к нему и стала что-то рассказывать неслышимым голосом...

Троичный код

И снова от профессора не последовало никаких извинений. Хотя, впрочем, вряд ли извинения могли последовать – Вейзель вёл себя так, как будто они только что в машинки играли. И ничего более опасного не случилось.

– Уважаемые студенты! – как ни в чём не бывало, обратился к ним старец Кулик. – Занимайте свои места. Продолжим занятия.

Ребята зло всматривались в этого человека – но ни одной, даже самой маленькой рыбьей чешуи на нём так и не осталось. А без доказательств разве кто поверит в то, что профессор этот только что в рыбу превращался?.. Хотя и с доказательствами никто бы не поверил...

Студенты посмотрели друг на друга. Они рефлексивно искали поддержку и тут же в ответ подбадривали друг друга. А затем расселись по своим местам.

– Как было показано ранее, организмы делятся на три главных течения. Первое – живой или неживой организм. Второе – самовоспроизводящийся или внешневоспроизводимый организм. Третье – разумный или неразумный этот организм. У кого есть какие-либо мысли по этому поводу?

– Мысли? – пробурчал Антон. – Мысли есть: поймай бы этого Вейзеля...

– Антон! – невероятно, но старец Кулик каким-то образом услышал то, что юноша пробурчал себе буквально под нос. – Не надо быть таким злопамятным. Ведь никто же не пострадал.

– Ага, никто не пострадал, – машинально снова буркнул себе под нос Антон. – Может, вас познакомить с моими новыми волосами – седыми?

– Нет у вас седых волос! – опять услышал старец Кулик и добавил: – Я отсюда вижу.

Антон замолчал – дальше вести такой диалог было бессмысленно.

– Так кто мне скажет что в предложенной структуре можно выделить прежде всего? – продолжил старец Кулик.

Все, насупившись, заговорчески молчали. Никакие мысли пока в голову не лезли. Весь объём памяти по-прежнему занимал образ огромной рыбы.

– Деление внутри каждого такого течения осуществляется по принципу двоичного кода, – наконец, не выдержал один из студентов. – Или «1», или «0». А по-другому – или «Да», или «Нет».

– То есть? – вскинул брови старец Кулик.

– Какой-либо целый организм или отдельный его признак или «присутствует», или «отсутствует», – пояснил студент. – То есть или «информация о чём-либо есть» или её нет.

– Обычный двоичный код, – отозвался другой студент. – Как в любом компьютере.

– Продолжайте, – предложил старец Кулик.

– Ну, – лениво стал раскачиваться студент, – «живой» или «неживой» – это понятно. У живых организмов в структуре имеется матрица, способная поддерживать структуру организма в постоянном виде. Мы же так недавно установили?

– А у неживых? – продолжил старец Кулик, игнорируя вопрос.

– А у неживых организмов такой матрицы нет, – ответил студент.

– Хорошо! А теперь приведите примеры.

– Вот такой пример, например. Пока к компьютеру подходит электрическое питание от сети, то его можно считать условно «живым» организмом, – продолжил студент. – Включённый компьютер работает, он осуществляет разнообразные операции. В нём работают программы, и выполняются вполне определённые действия. А как только питание закончилось, то он в любом случае «неживой».

– А причём здесь электричество?

– Электричество в некотором приближении можно назвать той самой управляющей матрицей, которая «оживляет» организм компьютера, – пояснил находчивый студент.

– А человека твоё электричество убьёт! – заметил другой студент.

– Почему же, – встрял третий, – может и оживить. Например, при реанимации.

– А электрическим угрям и скатам вообще по барабану ваше электричество, – ответил четвёртый.

– Что ж вы хотели? – вмешался в спор старец Кулик. – Всякое явление в разных обстоятельствах проявляется по-разному. Пойдём дальше. Что вы можете сказать по поводу критерия «разумный-неразумный»?

– Здесь всё проще. У разумных организмов в структуре тоже имеется специальная матрица, – ответил второй студент. – Она способна изменять структуру своего организма в зависимости от внешних на него воздействий.

– Например?

– Например, самое простое – взять и убежать в случае опасности, – ответил тот же юноша.

– А если ситуация сложнее, то сначала её надо как-то оценить, а уже потом действовать в соответствии с выработанной оценкой, – ответил другой студент.

– Даже улицу на светофор перейти без разума не получится, – усмехнулся Антон.

– Поясните свою мысль!

Антон заёрзал на стуле. Ему пока не хотелось участвовать в дискуссиях, и юноша хотел отсидеться молча. Но тема всё-таки задела его и пришлось выпендриться с этой фразой о светофоре.

– Прежде всего нужно понимать, что светофор управляет вашим движением. То есть именно его сигнал говорит вам когда стоять, а когда идти. Потом нужно понимать как он это делает. То есть нужно знать последовательность команд, зашифрованную в цветах светофора. Допустим, красный – «Стой!», зелёный – «Иди!». Но первое надо знать – куда смотреть. Точнее, надо понимать куда смотреть – а именно, туда, где располагается светофор, и туда, где располагаются сигнальные цвета этого светофора, – очень подробно разжевал Антон.

Действительно, получается интересная картина. Самые простейшие наши действия, к которым мы настолько привыкли, что не замечаем, как мы их выполняем, на самом деле, требуют сложнейших алгоритмов, за которым проявляется мощное сознание. А если бы та же ситуация со светофором была не такой сложной по своему исполнению, а являлась простой, какой она нам кажется, то все животные давно бы уже пользовались светофорами.

С другой стороны, это отнюдь не говорит, что только люди умеют пользоваться световыми сигналами и знают когда и куда смотреть, чтобы увидеть

нужный свет или цвет. Давайте вспомним собак, которые умеют переходить дорогу на соответствующий сигнал светофора. Давайте, наконец, вспомним растения, которые умеют поворачивать свои листья и цветы к солнцу, а когда наступает ночь, они умеют это понимать и умеют закрывать свои цветы.

– Ну, что ж, вы правы, – похвалил его профессор. – И это всё проявления разума. Да, конечно, уровень такого проявления у разных организмов разный, но разум не уникальное свойство, и он не является только лишь прерогативой человека. Хорошо. Идём дальше!

– Самовоспроизводящийся и внешневоспроизводимый – эти критерии описывают противоположные организмы, – ответил третий студент.

– В чём состоят их различия?

– У самовоспроизводящихся организмов в структуре имеется матрица, способная производить копию этого организма за его же счёт, – ответил студент.

– Пример?

– Здесь наиболее яркий пример – это ДНК. Она сама себя копирует и сама себя воспроизводит. А уже построение всего организма на основании скопированной и воспроизведённой ДНК – это дело техники.

– А внешневоспроизводимые организмы?

– У внешневоспроизводимого организма такой матрицы нет, – ответил студент. – Этот организм отслужит свой срок или отживёт свою жизнь – и всё.

– Никаких сыновей или дочек, – хихикнула какая-то студентка.

– А клонирование? – спросил Вейзель.

– Ну, это возможно, – ответил студент. – Но это всё равно будет внешней операцией по отношению к нашему организму.

– Итак, вы сказали, что эта система основана на двоичном коде. Так? – спросил старец Кулик.

– Давайте проверим! – попросил какой-то студент.

– Давайте! – согласился старец Кулик. – Итак, из полученного деления организмов следует, что организмы могут быть такими. Помогайте, называйте!

– Первый – неживой-неразумный-внешне-воспроизводимый, – сказал один студент.

– Обозначим признак «неживой» нулём, признак «неразумный» тоже нулём и признак «внешневоспроизводимый» тоже нулём, – продолжил старец Кулик. – А признаки «живой», «разумный» и «самовоспроизводящийся» обозначим соответственно единицами. Тогда для первого варианта получим такой код: [0-0-0]. Кто продолжит?

– Если в третьем кластере получившегося кода [0-0-0] поменять нуль на единицу, то получим другой организм. С кодом [0-0-1], – произнёс другой студент.

– Что это значит?

– Это значит, что этот организм, как и первый, неживой и неразумный, но в отличие от первого второй организм является самовоспроизводящимся, – ответил студент.

– Как-то странно получается: организм одновременно неживой и неразумный, но самовоспроизводящийся. Разве такое может быть? – поинтересовалась девушка с первого ряда.

– Кто знает, – уклончиво ответил старец Кулик. – Мы же не знаем заранее всех тонкостей, по которым построен мир. Может, такие варианты и встречаются в природе. Если кто сможет придумать такой пример, поделитесь своими фантазиями со всеми.

Студенты зашушукались, обсуждая возможные варианты.

– Я не знаю, насколько этот пример подходит, – сказала девушка. – Но допустим, кристаллическая структура. Она не живая и не разумная – это уж точно. Но ведь все кристаллы самовоспроизводятся! И это тоже точно!

– Молодец! – похвалил студентку старец Кулик. – Прекрасный пример! Надо изрядно постараться, чтобы его опровергнуть. Хотя я думаю, что вы попали в точку. Ну, ладно, потом займёмся опровергательством, а сейчас пока продолжим разбирать код.

– Если нуль заменить единицей во втором кластере, – произнёс студент, – то получится организм с кодом [0-1-0]. Это неживой, но разумный организм, хотя и внешневоспроизводимый. У меня даже есть пример – это компьютер!

– А вы уверены, что компьютер разумный? – спросил старец Кулик.

– Уверен! Ведь не так давно были проведены тесты на интеллект компьютера!

– Тесты?

– Да! И они показали, что компьютерный интеллект почти не отличается от человеческого, – ответил студент. – Эксперты посчитали, что с ними общается человек, хотя на самом деле это был компьютер.

– То есть компьютер можно считать разумным?

– Точнее, я бы всё-таки сказал в некотором приближении разумным, – ответил студент. – А то, что он не живой, и так понятно. И внешневоспроизводимость компьютера известна широко – мы, люди, его и воспроизводим.

– Прекрасно! – похвалил старец Кулик. – Идём дальше.

– Замена нуля единицей в первом кластере даст организм с кодом [1-0-0]. Он будет живым! Но неразумным и внешневоспроизводимым.

– Ишак! – пошутил Антон.

– Нет, – ответил студент, – к этому типу организмов можно отнести, например, искусственно выращенную кожу. Она живая, но неразумная и не самовоспроизводящаяся.

– Дальше можно менять только два нуля на две единицы, – сказал студент.

– Что ж, давайте поменяем, – согласился Вейзель.

– Если сменить правый и средний нули на единицы, то получим организм с кодом [0-1-1], – ответил студент.

– И что?

– Это будет неживой организм, но разумный и самовоспроизводящийся, – пояснил студент.

– Интересно. А на этот случай есть ли у кого пример?

– Пример вот так с ходу придумать не могу, – спёкся студент. – Но в будущем таким организмом может стать компьютер.

– Как же он станет самовоспроизводящимся?

– Если научится делать подобные себе компьютеры из заранее подготовленных ему или даже им самим деталей, – ответил студент, – он станет самовоспроизводящимся и разумным, но всё равно останется неживым.

– Главное, чтобы компьютеров с разъёмами «мама» и компьютеров с разъёмами «папа» было поровну, – пошутил Антон.

– А у тебя, видимо, всё ещё играет разъём «ребёнок»! – подцепила парня Нона.

Антон смутился. Совсем некстати он вылез со своим замечанием и дал повод Ноне прицепиться. А она как будто этого только и ждала.

– Если крайние нули заменить единицами, то получим организм с кодом [1-0-1], – сказал следующий студент.

– Каковы же его характеристики?

– Это живой организм, но неразумный, – ответил студент. – Зато самовоспроизводящийся.

– Пример?

– По современным представлениям, к такому типу организмов можно отнести всех животных и растения. Хотя я не согласен. Я считаю, что и растения, и животные имеют разум. Но...

– Позови нас, когда будешь с огурцом дискутировать, – пошутила студентка и хихикнула.

Студенты засмеялись.

– Может, он тебя уговорит не есть его! – поддержал её ещё один студент.

Опять все засмеялись. Хотя смех этот был напрасным. Насчёт разума растений поставлено множество опытов, которые показывают, что растения общаются между собой и, более того, могут понимать намерения человека. Так если одно растение «видело», как человек срезает другое растение, то всякий раз, когда этот же самый человек проходил мимо первого растения, оно генерировало соответствующий электрический импульс. То есть пугалось, боялось.

– Если первый и второй нули заменить единицами, то получим организм с кодом [1-1-0]. Это живой и разумный организм. Но внешневоспроизводимый.

– Примеры?

– Здесь с примерами проще. Сюда относятся все организмы, которые созданы в пробирках, то есть выращенные лабораторным путём. Живые и разумные, но сами они не являются чьим-либо природным потомством. Да и сами они давать потомство не могут.

– И, наконец, последний вариант! Все нули меняем на все единицы! – сказал Антон. – Получаем организм с кодом [1-1-1]. Здесь и за примерами далеко ходить не надо. Таким организмами являемся все мы! Живые! Разумные! И самовоспроизводящиеся!

– Молодцы! – зааплодировал студентам старец Кулик. – Молодцы! Только вот теперь кто мне ответит на такой простой вопрос. Какой код мы получили в наших построениях?

– Троичный! – весело автоматически выпалил студент, и все удивлённо замерли.

– Вот именно, троичный, – подтвердил старец Кулик. – Был двоичным, а стал троичным. Как же это так получилось?

Наступило недолгое молчание.

– А очень просто, – почти сразу же ответил Антон. – У нас получились три оси. Это те же самые оси, которые в том зверском опыте чашками весов служили. Мы на них ещё гири клали...

Студенты зашумели и закивали в знак солидарности с Антоном.

– О каком зверском опыте вы говорите? – искренне удивился старец Кулик.

– Да вот о том, когда профессор Эйн Вейзель нам здесь под сценой вулкан устроил и мы чуть было в него не сорвались,... – начал было объяснять Антон, но, взглянув в непонимающие глаза старца Кулика, понял,

что профессор может посчитать его сумасшедшим, если он будет продолжать нести эту чушь. — Это я образно выразился... Так вот у нас получились три оси. Каждая ось — это одна пара критериев. Каждая пара имеет противоположные значения — это два разных направления одной и той же оси. Всё вместе даёт такую же систему координат, как трёхмерная система нашего пространства. В ней три оси и шесть степеней свободы. Вот!

— Обалдеть! — в наступившей тишине сказала на смешливо Нона. — Если ты сможешь всё это повторить, то я за тебя всю лабораторную сделаю!

— Повторить? — растерялся и неуверенно переспросил Антон, а потом сообразил: — Легко! С какого места начать?

Это был вопрос на засыпку. И это была первая победа Антона в таком вот любовном противостоянии. А главная победа ждала его впереди.

В поисках жизни

— Вообще, определить, что какой-то организм живой или не живой, сложно, — сказал Вейзель. — Одного взгляда бывает не достаточно. Но можно взглянуть и необычным способом.

Вейзель сказал это, и в тот же миг студенты оказались на берегу плюющейся грязью горячей лужи. Вокруг было пасмурно и туманно, но, самое главное, вокруг царило зловоние.

— Мы с вами переместились на три миллиарда лет назад, — голосом заправского экскурсовода объявил Вейзель. — Сейчас наша Земля переживает одну из первых фаз рождения жизни. Толком никто ещё не

знает что такое жизнь в эту эпоху. Будем ловить её и изучать.

Студенты начали уже привыкать к таким вот трансформационным прыжкам. Уже никого не удивляло не только самое перемещение, но и то, что оно происходило во времени. Цепкие мозги молодых людей быстро вникали в стандартную изменчивость ситуации и уже при втором или третьем её повторении умело ориентировались в новых условиях.

Вот и сейчас вместо того, чтобы основательно испугаться и хотя бы задаться вопросом, мол, «как мы сюда попали?» или «как мы отсюда будем возвращаться?», студенты деловито осмотрелись по сторонам и задали самый важный вопрос:

– Кого будем ловить?

– Жизнь! – ответил Вейзель. – Смотрите себе под ноги. Не наступите. Она может быть одной единственной на всей планете. Я жду от вас соображений по этому поводу.

Ребята разошлись по сторонам. Кто-то прогуливался по берегу лужи, а кто-то принялся, бездельничая, пинать ногами береговые камни.

– Вот камень, – ударил Антон по очередному валуну. – Но как мы поймём, живой он или нет?

– Ищите ответ! – скомандовал Вейзель.

Ему нравилось наблюдать за студентами. Они, как некий совокупный механизм, расползались по округе и вгрызались в ситуацию своими подвижными интеллектами. Один «грыз гранит» ситуации тут, другой – там, а вместе постепенно складывалась полноценная картина.

Так повторялось при каждом эксперименте, в который уже успел погрузить ребят хитромудрый профессор. Так должно было произойти и сейчас.

– Ну, не знаю... Допустим, для начала возьмём следующее. Из определения понятий «живой» и «неживой» можно увидеть, что у живого организма в структуре имеется матрица, способная поддерживать структуру организма в постоянном, то есть неизменном виде, – предположил Антон. – И, соответственно, если такая матрица жизни у организма имеется, то такой организм именуется «живой».

Вейзель промолчал. Он внимательно смотрел за студентами, чтобы они не разбежались, как муравьи, чтобы их можно было в конце эксперимента собрать.

– Всё очень просто, – сыронизировал на это другой студент. – Найдём организм, отыщем у него матрицу, проследим её способность поддерживать то-то и то-то, и всё! Ура! Победа! Перед нами живой организм! Или неживой... В зависимости от результата.

– А что предлагаешь ты? – вступилась за Антона Настя. – Если проблемы в определении этой матрицы, то ведь и над этим можно подумать.

– Например?

– Да а что «например»? Вот он пример. Через указанные в этой матрице компоненты организм распознаёт произошедшие в его структуре изменения. Это понятно? Понятно! Организм сравнивает эти изменения с эталоном своей структуры. Тоже понятно. Дальше – если изменение оказалось таким, что стало необходимо структуру организма приводить в первоначальный вид, то организм делает это. А для определения того необходимо это или сойдёт и так организм

просчитывает состоявшееся отклонение своей структуры от эталонного вида.

– То есть мы должны в организме найти такой механизм, который может повлиять на этот организм?

– Да!

– Но как?

– Так. Отыскать какую-то фигню, которая может привести организм к некоему эталонному виду. Как, например, в случае с мячиком. Ты пнул его, он деформировался, а потом этот самый мяч внутренняя матрица привела в исходное состояние.

– И ты всерьёз думаешь, что мы отсюда поняли, что в мяче есть такая матрица?

– Ну, типа, поняли. Чего тут непонятного?

– То есть, по-твоему, получается, что он живой?

– Живой – не живой, в этом надо ещё разбираться. А сама матрица уже есть! – ответила Настя.

– Ну, и что, что матрица есть? – спросил студент. – Мы же не знаем её предназначения.

– Понятно, что, раз матрица жизни обеспечивает возврат структуры организма к эталонному виду, – пояснил Антон, – то имеются отклонения структуры организма как в меньшую по составу входящих в организм информаций, так и в большую сторону.

– То есть жизнедеятельность организма заключена в каком-то определённом интервале?

– Да. В интервале жизни.

– Это что такое?

– Интервал жизни – это интервал жизни. Это область жизнедеятельности организма. Только в её пределах матрица жизни конкретного организма способна изменять структуру организма, приближая её к эталонной, – разъяснил Антон.

При переходе на такое вот матричное мышление ситуация, конечно, становилась гораздо более понятной. Очень много для этого студенты почерпнули из фильма «Матрица», который не только дал возможность посмотреть качественную фантастику, но и сделал привычным такое матричное видение и соответствующее матричное мышление.

Конечно, не до такого уровня, чтобы, глядя на матрицу, любой без труда по её значениям мог восстановить внешний облик реального тела или протекание какого-то процесса. Но в целом стало понятно, что под каждым видимым событием или объектом «лежит» другой информационный слой, который и создаёт этот объект или это событие.

Поэтому и разговор студентов зашёл не на каких-то абстрактных понятиях с непонятными формулировками, а на вполне понятном языке представления мира как структуры, состоящей из разнообразных взаимодействующих матриц.

– Что нам это даёт? В смысле познания жизни...

– Из такого подхода мы можем понять, что необходимым условием поддержания жизни в организме является исключение ситуаций, когда организм допускает изменение своей структуры больше, чем на величину, которая является для этого организма предельной, – ответил Антон.

Это вполне понятно. Даже на примере того же мячика видно, что мяч остаётся мячом, если, надувая его, не будет преодолён порог прочности, то есть мяч не взорвётся. А если мяч станет спускаться, то он будет оставаться мячом до тех пор, пока сохраняются его свойства упругости и поддержания круглой формы.

– А если всё-таки организм достигнет таких пределов?

– При достижении крайних состояний структуре матрицы организма необходимо вернуться в эталонное состояние, – продолжил Антон. – А сами крайние состояния называются «точками возврата». Это как на самолёте. Горючего в баки заливают определённое количество. Пилот всегда контролирует ситуацию, чтобы горючего хватило на обратный полёт. Вот та точка, после которой обратный полёт по горючему становится невозможным и называется «точкой невозврата».

Щупая сердце

Не обращая никакого внимания на заумные переговоры Насти, Антона и двух других студентов, остальные «исследователи» продолжали бродить по побережью плюющегося грязевого озера. Кто-то просто так прогуливался, разговаривая ни о чём. А кто-то действительно исследовал какой-то аспект вынужденных поисков.

Настя и Антон, а также ещё пара студентов, продолжая обсуждать матричные вещи, по-прежнему внимательно всматривались в окружающую грязь и беспорядочно валявшиеся камни. Но за всё то время, как они оказались в столь далёком прошлом Земли, никто из них ничего существенного в смысле жизни здесь так и не нашёл.

Разговоры разговорами, а ведь не удалось найти ничего! Даже какого-нибудь червяка! Или, как их там в древности называли, простейших.

Ситуация начинала одновременно несколько настаивать и серьёзно бесить.

– Куда все подевались? – задумчиво произнесла Настя.

– Кто «все»? – переспросил студент. – Похоже, что здесь совсем никого нет. Посуди сама, спрятаться негде, есть нечего. Даже травы никакой нет. Как тут можно жить? Я, конечно, не отвергаю микробов... Но их нам не увидеть.

– Да, я понимаю сама, – согласилась Настя. – Но зачем-то нас профессор Вейзель сюда притащил.

– Притащил, – согласился студент.

Ребята шли, разговаривали и в итоге удалились от основной группы. Здесь, недалеко от озера, обстановка была несколько иной. Было чуть суше и, вроде бы, чуть более пригодно для жизни. Хотя вокруг по-прежнему никого не было видно.

Чуть впереди студенты разглядели большую нору, или небольшую пещеру. Её происхождение было непонятным. Но поскольку вокруг никого не было, то бояться, что в этой пещере кто-то есть, не было никаких оснований.

Студенты смело, но осторожно вошли внутрь.

– Смотри, по-моему, это сталактиты, – сказал студент, поглаживая два огромных выроста, расположенные прямо у самого входа в пещеру.

– Ага! – тоже погладила их Настя.

Пещера оказалась сформирована из какого-то минерала так, что её стены были полупрозрачными. Сквозь них немного проходил свет, и в пещере было относительно светло. На одной из стен сидела какая-то мокрица и едва-едва шевелилась.

– Ну, вот, нашли! – обрадовалась Настя.

Студенты стали разглядывать мокрицу, считать её ноги и всякие другие выросты.

– Вряд ли найдется организм, внутри которого никто бы не жил, – как бы подводя некую базу под увиденное, продолжила Настя. – Это на сегодняшний день науке понятно. Помните третий постулат Организмики? «Всякий организм является составной частью организма более высокого уровня»!

– Мы всё помним. На память не жалуемся. Но это не организм, а пещера, – стал спорить с ней Антон.

– А вот смотри! – сказала Настя, кокетничая и по ходу кокетства показывая на странное образование в одном из тёмных «углов» пещеры. – Это что?

Там что-то было. Что-то непонятное. Но точно было.

– Это что-то, похожее на биологическую ткань. Сгусток чего-то, – всматриваясь в полумрак, прокомментировал Антон. Он осторожно ткнул пальцем в неизвестный объект и задумчиво добавил: – Мягкий. Не пахнет. Шевелится. Точнее, чуть-чуть пульсирует. К нему тянутся какие-то трубки или канаты что ли. Если бы я был фантастом... То сказал бы... Что этот сгусток похож... Ну, предположим,... На сердце что ли...

– Сердце пещеры, – заговорческим голосом протянул один из студентов.

Стало с одной стороны страшно – ведь что-то живое есть. Вдруг оно опасно. Вдруг сейчас как прыгнет на них. Как начнёт грызть. А с другой стороны, пещера была обычной, и почему бы вдруг в такой вот обычной пещере встретилось что-то необычное?

– Какое сердце у пещеры? – хихикнула Настя.

– Большо-о-ое! – насторожено пошутил Антон, не отводя глаз от объекта. – Давай посмотрим поближе. Посвети!

Настя достала телефон и посветила.

– Какие-то фигулины. И, похоже, действительно живые, – задумчиво произнёс Антон. – Наверное, надо звать Вейзеля. Вроде бы, мы нашли живой организм. Интересно, что это?

– Почему ты решил, что они живые? – спросила Настя.

– Они похожи... на муравьёв. Сцепились друг с другом и сидят, – ответил студент. – А выглядят все вместе, как сердце. Может, колония какая-то?

– Может, в них камнем бросить? – задумчиво произнёс один студент.

– Всё бы тебе «бросить». погоди. Давай рассмотрим что это такое. Может, поймём, – возразила Настя, и после некоторого молчания продолжила: – Как муравьи, говоришь. А вот я сейчас припоминаю... Если взять два организма одного организмического уровня, то есть наших «муравьёв». Ведь если они типа муравьи, то они одного организмического уровня. То в каждом из таких организмов есть своя структура, которая является частью каждого из этих двух организмов,

– Ну, и что ты сейчас сказала? – спросил её студент, предлагая пояснить эту тираду.

– Как что? Всё же понятно! Такие организмы являются частью структуры организма более высокого уровня. Понятно? Они называются структурными организмами. Как муравьи, как пчёлы, как клетки организма. Как люди, наконец, в большой толпе, – ответила Настя. – А организмы, тоже живущие в другом организме, но не являющиеся частью его структуры, называются паразитами и симбионтами.

– И что дальше? Мать, не томи! Повествуй прямо. А то мы уже все мозги свои запутали, – не выдержав студент.

– Блин, ну, что ж ты такой непонятливый! Паразиты питаются за счёт материнского организма и не выгодны последнему. Они ему вред наносят. А между симбионтом и материнским организмом устанавливается взаимовыгодная связь, – пояснила Настя.

– И? Дальше! Дальше! – уже и Антон пребывал в нетерпении.

– Ну, что «дальше!»? А дальше вот что: в любом случае и структурные организмы, и симбионты, и паразиты – все живут в материнском организме! Теперь понятно? – ответила Настя.

Теперь стало понятно, и все начали озираться по сторонам. Странное чувство овладело студентами. Оно было немного тошнотворным и немного расслабляющим. Даже успокаивающим немного.

– Значит, получается, что эти муравейчики или структурные организмы, или симбионты, или паразиты? – вникая в ситуацию, переспросил Антон.

– Ну, может быть всё, что угодно.

Антон всё напряжённее и напряжённее всматривался в «муравейчиков». За ним и все остальные стали всматриваться тоже.

– Ерунда! – вдруг неожиданно подытожил Антон и пояснил свою позицию сильным пинком в стену.

Настя испугалась: а вдруг что-то произойдёт. Студенты замерли в ожидании. Но, к счастью, ничего не происходило.

Хотя стало немного темнее.

Стараясь узнать из-за чего убавился свет, ребята обернулись. Вход в пещеру оказался закрытым.

– Странно, – протянул полушёпотом обалдевший от неожиданности Антон. – Вход-то, похоже, чем-то

завалило? Я ведь и ударил не сильно. И грохота никакого, вроде бы, не было.

– Да-а, – соглашаясь, тоже шёпотом протянула Настя.

Вдруг пол пещеры стало ходить ходуном, и ребята, не в силах удержаться, тут же попадали. Вся эта пещера пришла в движение.

Антон стал постепенно догадываться в чём здесь дело. Цепляясь за что-то, чтобы удержаться, он посмотрел на диковинное «сердце» в углу. Оно пульсировало мощными толчками.

– Тебе не кажется, что мы в брюхе у животного? – заикаясь, спросил он Настю.

– В брюхе? – переспросила девушка.

– Да!

– И что теперь делать?

– Не знаю.

Тем временем пол «пещеры» постепенно успокоился и, в конце концов, снова замер. Диковинное «сердце» снизило пульсацию и тоже успокоилось. Следом за этим открылся и вход в «пещеру».

Не задерживаясь больше ни секунды в этом страшном месте, ребята выбежали прочь из «пещеры» и огляделись. До того места, где находилась их группа, теперь стало довольно далеко.

– Куда это они ушли? – спросила Настя.

– Это не они. Это мы ушли. Точнее, нас ушли, – ответил Антон.

– В смысле?

– Наша «пещера» переместилась! А мы были в ней. Смотри!

Студенты отошли от «пещеры» подальше – так, чтобы можно было разглядеть её размеры, и увидели,

что это вовсе не пещера, а нечто, напоминающее огромное животное. А то место, которое они первоначально приняли за вход в пещеру, оказалось пастью с двумя огромными клыками.

Животное спало или дремало. Хотя не известно – может оно всегда находилось в таком состоянии...

– Но это не динозавр, – делая шаг назад, в ужасе выдал из себя студент.

– Конечно, нет! – в полуобморочном состоянии согласилась Настя.

Глава 5. Бог

«Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней»

Андрей Тюняев

Искали дорогу

– Ничего непонятно, – признался Антон дотошным и не сильно разборчивым в методах профессорам. – Есть же какие-то высшие ценности?

Вместо ожидаемого профессорского ответа Антон крайне неожиданно услышал голос своей бабушки. Он доносился откуда-то издалека, из какой-то глубины. Сначала это было невнятное бурчание, похожее на движение небольшого бурлящего потока воды. Но по мере приближения этого голоса слова стали полностью разборчивыми.

– В те же древние и далёкие времена, когда ещё не на все высокие горы Земли ступила нога человека, стояла в центре мира одна таинственная вершина, повествовала бабушка, явно таким вот рассказом отвечая Антону на заданный им непростой, надо сказать, вопрос. – Эта вершина обладала волшебной силой. Она почему-то притягивала к себе всякого, как бы заманивая его: покори меня, попробуй, сумей! Вершина эта была настолько высокой, что скрывалась за облаками. Поэтому рассмотреть с земли, что же там есть такое манящее, никак не удавалось. Только птицы зачем-то залетали за те облака. Но они всегда возвращались. И это повторялось.

Произносившая последние слова бабушка в этот момент уже оказалась рядом с Антоном. Она закончила свою фразу, обращаясь непосредственно к юноше.

– И? – подозрительно спросил Антон.

– То ли простое любопытство, то ли упрямство, то ли любовь к высоте, то ли желание быть ближе к небесам – у каждого существовало своё обоснование поиска пути к этой вершине, – бабушка набрала в лёгкие новую порцию воздуха, и рассказ полился вновь. – Искали люди дорогу. Самую прямую и быструю, самую верную. Каждый думал, что именно он знает как её найти. В бесконечных спорах протекала их жизнь.

– Тупари, одно слово, – сдержано прокомментировал Антон.

– Вот-вот, – вроде бы, согласилась бабушка и продолжила: – И решили искатели, собравшись, поступить так. Во что бы то ни стало взойти на эту вершину и посмотреть, что же там есть такого неизведанного. Потом, вернувшись, рассказать другим людям об увиденном, а также поведать о пути том, самом быстром, правильном и верном. Разные семьи поселились в разных местах у подножья той самой горы и стали готовиться к восхождению. Они накапливали силы, готовили нехитрое снаряжение и поджидали наилучший для восхождения момент.

– Альпинисты-любители, – с язвительной ухмылкой прокомментировал Антон.

– Но распогодилось что-то в центре мира, – посмотрела на юношу бабушка. – Пошли дожди. Спустились к подножью вершины непроглядные туманы. Люди ждали погоды – не рисковать же понапрасну. Как будто кто-то специально мешал им, оттягивая время. Сначала исследователи нервничали, и даже некоторые из них, отчаявшись, двинулись в путь почти что в слепую. Но остановились, не пройдя и части пути. Нельзя было идти. Не видно было дороги.

– Надо было подождать, – вставил Антон.

– Оставалось ждать, – согласилась бабушка.

А ждать пришлось столько, что не думали они, что столько придётся ждать. Сто лет, а то и более.

– Ни фиги себе турпоход, – удивился Антон.

– Те отцы, кто готовился взобраться на вершину сам, упокоились у её подножия, – с горечью говорила бабушка. – Но завещали они сынам своим. Вам надо добраться до верха. Там будет вас ждать ПРАВДА. Она и есть истинная цель. Это то, что предназначено вам свыше. Это – ваша задача. И если не сможете сами, передайте внукам и правнукам нашим.

– А погода? – спросил Антон.

– А погоды всё не было и не было, – ответила бабушка.

– Ну, всё. Сейчас начнётся разброд и шатание, – вздохнул Антон.

– Да. Стали поговаривать люди, что боги вершины не дают им возможности осуществить свое предназначение, что специально послали непогоду, – продолжила бабушка. – Некоторые из сынов, те, что моложе, сомневались уже в том, а есть ли она – вершина? Другие сомневались: а бывала ли когда погода хорошей? Или всегда было так дождливо и туманно? В результате все искатели, которые расположились с момента спора по подножью горы да по разные стороны вершины, друг о друге забыли.

– А как же старейшины? Они не поддерживали связь? – подсказывал Антон.

– Деды твердили, что там, на вершине, есть истинная цель всей их жизни и жизни всего их народа, – ответила бабушка.

– К чему это ты ведёшь? – вдруг встрепенулся Антон.

Смутная догадка образовалась в мозгу у Юноши. Да и сам стиль изложения очень напоминал некие древние повествования, которые всегда касались неких сакральных вещей.

– Так, от отца к сыну рассказывая о горе, люди научились убеждать друг друга, придумав всякие легенды, – с хитрецей в глазах продолжила бабушка, сначала, вроде бы, как талантливый актёр, избегая прямого ответа, а потом неожиданно выдала: – Переросшие в разные религии. У каждой группы людей сложилась своя легенда, образовалась своя религия, поддерживающая веру в неизведанного бога вершины.

– Я так и знал! – разочаровался Антон, хотя снова его осенила очередная догадка: было бы всё так просто, бабушка не стала бы так заморачиваться с рассказом – сказала бы прямо.

– Как-то невзначай расступились тучи, и воздух стал прозрачным, – продолжила бабушка. – Поняли все, что пришло время двинуться в путь, к вершине. Пришло время постичь ту неизвестность, которая кроется там, наверху, увидеть бога вершины. Двинулись все. С разных сторон. Каждый своей дорогой. Кто по отвесному склону. Кто по пологому. Кто по оврагу. Кто по гребню. Кто как. Путь оказался долгим и извилистым.

– Ну-ну, – улыбался Антон, уже понимая, что сейчас последует.

– Некоторые из разных семей встречались на том пути и с удивлением узнавали друг от друга предания о том, что на вершине-то живет и их бог, и другой, и третий, – говорила бабушка. – С разными лицами были те

разные боги. Разные носили имена. И разные это были боги. Но все они жили на той самой вершине. Во всём своём божественном множестве. Ругались, встречавшиеся семьи. Дрались всякий за свою правду о своём боге вершины. Многие гибли в праведных войнах за истинную веру и продолжали путь к вершине. Сменялись поколения, которые спорили и спорили друг с другом о правильности их веры и о только их настоящей любви к только их настоящему богу. И двигались к вершине, споря, враждуя и теряя поколения.

– Бабушка, не томи! – сказал Антон.

– И вот в один прекрасный день, преодолев последние мёрзлые скалы, увидели все разные люди и одно и то же время, что оказались они на заветной вершине и покорили её, как завещали им их предки, – ответила бабушка. – Но никакого множества богов здесь не было. Не было здесь вообще никого. Только птицы иногда залетали сюда. Так, не известно зачем. Ведь здесь даже ничего не произрастало. И прилетали птицы неизвестно откуда. Вдруг появлялись из тумана, расположенного ниже вершины.

– Вот облом! – сказал Антон.

– Смеялись люди друг над другом. Какие сказки они насочиняли о духах вершины! – улыбалась бабушка. – Смеялись они над собой, как с горящими глазами доказывали свою правоту. Грустили они о погибших за правду, ложную, как оказалось. И поняли они, что все их многочисленные и разные дороги вели только к одной вершине. Да и то к той, которая безжизненна и пуста.

– И в чём соль твоей сказки? – спросил Антон.

– Только старики еле-еле вспомнили, что там, откуда иногда появляются птицы, есть мать-Земля. Она

добрая, сытная, ласковая, тёплая и плодородная. Старики помнили, что они все оттуда пришли. И туда им бы вернуться. Заблудившимся в своих поисках...

– Бабуль! – обнял старушку Антон. – И вы, уважаемые профессора! Я начинаю понимать, что вы что-то хотите мне сказать. Но я никак не пойму что именно!

– Не беспокойся, внучок, – ответила бабушка. – Не всё сразу. Твоя миссия заключается не в том, чтобы ты что-то понял, а в том, чтобы ты то, что надо, смог совершить.

– Ты слова накручиваешь, как будто вяжешь из них свой очередной платок, – ответил Антон.

– У него получается, – уверенно отчитался бабушке Вейцель. – Но нужно время.

– Хорошо! – согласилась бабушка. – Время для нас не имеет значения. Берите его столько, сколько нужно. И, пожалуй, начнём с самого начала времён. Заодно, Антоша, принеси мне цветок папоротника, а то глаза петли не видят – тяжело стало вязать. И возьми с собой Настю.

Разрыв связи

– Более сложная информационная матрица – христианство, – как ни в чём не бывало, продолжил Вейцель. – Никто из ныне живущих не видел Христа. Нет никаких точных данных, что он вообще когда-то существовал. Но библия – очень действенная информационная матрица. Она точно выписывает его образ, поведение, воздействие на предметы и организмы. Авторы разных времён и разных сословий так постарались и вложили столько своего таланта в это описа-

ние, что теперь мы буквально «видим» «реальные» последствия его бывшего «существования».

– Если есть следствия – была и причина? Вы это хотите сказать? – спросил коллегу старец Кулик.

– Отнюдь, – ответил Вейзель. – Просто умелые мастера программирования создали библию в своих интересах, снабдили её всеми необходимыми операторами, и вот он – Христос! Как живой! Перед вами!

– То есть, чтобы разрушить христианскую матрицу, необходимо убрать христианские операторы, церкви, иконы, библию, священников? – спросил старец Кулик. – И лишь тогда о христианстве никто не вспомнит?

– Это уже пытались сделать, – констатировал Вейзель. – Но было время, когда и само христианство уничтожало предыдущие религии. Поступало именно так – уничтожало информацию о них. Прямым уничтожением противника не всегда можно добиться желаемого результата. Иногда может получиться прямо противоположный результат – избиваемого пожалеют, и эта жалость обернётся против бьющего. Причём, не будет особенно важно за что и почему был кто-то избит. Вспомните, на этом сыграла церковь: Христа избивали, и это стало основой целой религии.

– К сожалению, это понятно. Но есть второй способ – внесение некорректности в описание христианской матрицы, – продолжил старец Кулик. – Например, в новой религии, которая, возможно, будет главной религией в эру Водолея, есть свой список грехов. Среди них один из самых тяжких – ложь и обман. К ним относится и отпущение грехов, а также утверждение, что адское наказание постигнет грешника только после его смерти. Так вот эти утверждения от-

крывают христианство как порочную религию, при осознании чего связь с христианством начнёт слабеть, и само христианство станет исчезать.

– Согласен. Но такие выводы ведут к гибели христианства. Именно поэтому в целях самосохранения, то есть рассматривая христианство как организм, оно будет преследовать любую новую религию, – ответил Вейзель.

– Да! – согласился старец Кулик. – Сопrotивляясь так, как сопротивлялись христианству боги Олимпа. Павшие в результате...

Явление Бога

– ...Два атома составляют молекулу водорода. Они вместе с атомом кислорода входят в состав молекулы воды, которая вместе с некоторым количеством таких же молекул входит в состав живой клетки, – сказал Вейзель и продолжил: – Множество таких клеток составляют мой организм. Похожие клетки составляют твой организм, другой, третий. Наши организмы составляют семью, город, племя, род, страну, планету. Похожие организмы составляют похожие структуры, о существовании которых мы не знаем, догадываемся и нет. Из совокупности этих объединённых структур создаются более крупные информационные матрицы – также структуры, например, галактические... В итоге весь процесс объединения-укрупнения информационных матриц приводит нас к следствию номер 2.19...

Профессор Вейзель сделал остановку, обвёл взглядом студентов и неожиданно заявил:

– Вы готовы поговорить о Боге?

Предложение застало всех врасплох. Некоторая растерянность царила среди студенческого племени. Каждый из них стал быстро копаться в своём мозге, пытаясь традиционным студенческим авралом выцепить нужную мысль и вытащить её на поверхность, но...

– Я – готов! – бодро ответил старец Кулик.

Мозговые искания оказались прерванными на раз. В глазах студентов старец Кулик молниеносно превратился в героя былинных столкновений – он спас от неминуемой гибели на поприще столь сложного и до сих пор так и не познанного искания.

– Тогда встречайте! – голосом спортивного шоумена начал представление Вейзель.

Вокруг Вейзеля снова сформировалась сцена, на которой разместились гирлянды надувных шаров и какие-то плакаты. Мгновенно была создана чуть праздничная и в то же время весьма официальная обстановка. Вейзель театрально взмахнул руками и громко объявил:

– Встречайте! Творец того и этого мира! Всевышний и низайший! Вездесущий и вечно спящий! Всевидящий и всегда слепой! Отец множества и множество отцов! Коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней! Б—о—о—о—о—г!

Захваченные таким неожиданным и буйным введением, все приготовились встречать этого самого Бога. Студенты ожидали, что вот-вот молодежкой пружинистой походкой в модном прикиде позавчерашнего сезона выйдет ловкий старец и начнёт настойчиво и красноречиво всё всем разъяснять.

Только предвкушая его появление, все уже решили, что этот старец сможет ответить на любой вопрос.

Студенты даже стали готовить такие вопросы. Они мечтательно взмывали глазами к небу и там искали какую-то очень нужную мысль, чтобы старец по имени Бог их обязательно понял: а то ведь если он не поймёт, то и ответит не правильно... Самые сообразительные готовили записки с просьбами...

Но Бога всё не было... Студенты стали думать – уж не ослепли ли они? Может, Бог уже давно стоит на сцене и с удивлением смотрит на них, а они его просто почему-то не видят?

А самые умные стали строить более громоздкие конструкции из собственных и заимствованных мыслей. Они допускали, что, может, Бог существует вне времени? Тогда становилось понятно почему студенты не могут его увидеть ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем...

– Время будет состоять в совокупности точек зрения каждой монады на самое себя как пространства – в совокупности точек зрения всех монад на Бога, – мягко произнёс, выходя в центр сцены, худощавый человек в камзоле и курчавом парике.

Первое, что отметили студенты, это не «позавчерашнюю», а «много-веков-назаднешнюю» модную одежду, которой пользовался вышедший на сцену персонаж. А уже потом родился и гораздо более закономерный для его появления вопрос: «Это кто?».

Словно в ответ на этот немой вопрос на середину сцены, несколькими минутами ранее ставшей средневековым залом, вышел театрально разряженный церемониймейстер и, делая паузу после каждого слова, громко и отчётливо произнёс:

– Готфрид Вильгельм Лейбниц! Основатель и президент Берлинской Академии наук!

Лейбниц несколько сдержанно поклонился и снова выпрямился, со странной полуулыбкой на губах бесстрашно уставившись в зал.

Он смотрел на ребят и думал: «Где это я оказался? Какая сила притащила меня на это сборище? Что им от меня нужно? Кто эти создания?..» И другие, подходящие к случаю, мысли одолевали известного учёного, впервые увидевшего современное общество.

Студенты, напротив, оглядывали человека, которого только что им представили. Не совсем было ясно: маскарад это или нет. За долгую первую часть этой лекции все привыкли к тому, что с ними могут произойти любые изменения и никто в их реальности не разберётся. Поэтому и тот, кого называли «Лейбниц», мог оказаться как на сто процентов реальным персонажем, так и на сто процентов мистификацией, инсталляцией, театрализацией и ещё чёрт знает чем.

Борьба точек зрения продолжалась некоторое время. Но в итоге один из студентов предельно осмелел. Он совершенно невпопад спросил первое, что пришло в его «троечную» голову:

– Как вы понимаете работу гармонии?

Студенты зашипели на товарища: мол, ну, ты да, не мог выбрать что-нибудь более внятное... Но Лейбниц, услышав вопрос, несколько расслабился: он понял, что собравшиеся, без сомнения, обладают разумом, они даже способны рассуждать на столь высокие темы и, возможно, это люди; просто очень странные...

– Гармония производит связь как будущего с прошлым, так и настоящего с отсутствующим, – мягко принялся разъяснять Лейбниц.

Он чуть подался вперёд, показывая всем своим видом, что вопрос ему интересен и он его ожидал.

– Первый вид связи объединяет времена, а второй – места. Эта вторая связь обнаруживается в единении души с телом и вообще в связи истинных субстанций между собой. Но первая связь имеет место в преформации органических тел или, лучше, всех тел...

Разговор с Лейбницем

Студенты тоже поняли, что перед ними интересный собеседник, который и появился здесь для того, чтобы объяснить какую-то очередную очень важную мысль. Поэтому барьер незнакомства пришлось преодолеть быстро.

– Вы упомянули монаду – это что такое? – раздался из зала уже более реальный вопрос.

Антон, озвучивший его, решил взять инициативу на себя, потому что остальные явно тормозили, а ситуацию из-под контроля, хотя бы такого, упускать было нельзя. К тому же Антон прекрасно понимал, что этот вопрос – это его маленькая личная победа в том глобальном споре, в котором он пытается обозначить как можно больше различий между собой и тротуарной плиткой.

– Монада – это субстанциональная форма, совершенное понятие, из которого вытекает всё заключающееся в данной вещи, – просто ответил Лейбниц, подумал и, решив, что нужно ещё пояснение, добавил: – Она содержит в себе все случайные свойства данной вещи.

– А можете ли вы назвать характеристики монады? – Антон решил закрепить немного развившийся успех.

Лейбниц переместился к тому краю сцены, который находился ближе к источнику вопросов, и так же просто своими словами весьма доходчиво пояснил:

– Особые характеристики монады таковы. Первое: монада – простая субстанция, то есть монада не имеет частей. Второе, где нет частей – нет ни протяжения, ни фигуры. Монада не может быть описана перечнем свойств.

Лейбниц наконец-таки разглядел, что перед ним молодые люди. Он сделал паузу, чтобы удостовериться, что они его слушают. И после этого продолжил:

– Третье: каждая монада должна быть необходимо отлична от другой. Четвёртое: каждая монада подвержена непрерывному изменению. И, наконец, пятое: так как всякое настоящее состояние простой субстанции есть следствие её предыдущего состояния, то и настоящее чревато будущим.

Только сейчас Лейбниц понял какой вопрос его мучил на протяжении всего этого непродолжительного знакомства. Он никак не мог понять почему эти существа, очень похожие на людей, настолько молоды? Судя по задаваемым ими вопросам, они находились на рубеже самых передовых знаний, которые сам Лейбниц только недавно с великим трудом смог освоить. А некоторые его коллеги вообще не понимали Готфрида, когда он им это пытался втолковать. А здесь юнцы, свободно изъясняющиеся на столь сложные темы.

– И какой из этого вы делаете вывод?

– Можно произвести следующий результирующий вывод, – ответил Лейбниц. – Сфера субстанциональных форм принципиально отличается от мира вещей. Соотношение двух миров лишь процедура их сопос-

тавления: материя не составляется из монад, она результирует из них.

На сцену вышел Вейзель, представился и обратился к Лейбницу:

– Уважаемый учёный, вы не будете против научного спора между вашей Монадологией и нашей Организмикой?

– Позвольте узнать что такое «Монадология» и что такое «Организмика»? – прежде всего поинтересовался Лейбниц.

– «Монадологией» издатели назвали ваш труд, в котором вы развиваете систему монад, а «Организмика» – это концепция того, что вы назвали «органическим», то есть целым, или целостным, – пояснил Вейзель.

– Ну, что ж. Понятно, – не очень уверенно протянул Лейбниц и согласился: – Давайте переходить к спору.

– Само слово «монада», как просто слово, ничего особенно критического на свой счёт не вызывает, – начал умничать Вейзель, но Лейбниц согласно кивнул.

– А вот характеристики монады стоит разобрать обстоятельно. Допустим, третья характеристика «каждая монада должна быть необходимо отлична от другой».

– Продолжайте, уважаемый, – согласно кивнул Лейбниц, поскольку ничего спорного для себя пока не услышал.

– С точки зрения Организмики возникает следующий вопрос: чем именно отлична одна монада от другой? – продолжил Вейзель.

Рядом с ним появилась доска и мел, и Вейзель принялся писать ещё и какие-то формулы:

– Выразим монаду через организм, который обозначим перечёркнутой буквой «O». Теперь дадим опреде-

ление понятия «организм»: организм – любой набор информации, ограниченный управляющей матрицей.

Лейбниц пока стоял и молча слушал.

– Если монада «А» выглядит следующим образом, – и Вейзель написал на доске трёхэтажную формулу, – а монада «В» выглядит так, – и Вейзель написал похожую формулу, компоненты которых отличались лишь индексами, – то организм «Монада "А"» не равен организму «Монада "В"».

Вейзель прервался и вопросительно посмотрел на Лейбница. Тот по-прежнему стоял и слушал, лишь сдержанно кивая. Для него это было новым, и учёному требовалось время, чтобы вникнуть в новую парадигму. А Вейзель, со своей стороны, вёл себя крайне неуклюже. Он, как заучившийся школьник, зациклился на одном и том же, считая, что все вокруг зациклены на этом же и поэтому в курсе его измышлений.

– Отсюда следует, – уверенно продолжил Вейзель, – что для реализации различий монад есть всего два варианта. Либо первый вариант, при котором наборы информации в основных корректурах, то есть телах организмов «А» и «В» не равны между собой. Либо второй вариант, когда управляющие матрицы организмов «А» и «В» не равны между собой.

– Интересно, продолжайте! – снова предложил Лейбниц в ответ на вопросительно вздёрнутые брови Вейзеля.

– Допустим, – продолжил, ещё больше воодушевившись, Вейзель, – что из имеющихся двух вариантов мы вправе выбрать один. И пусть мы какой-то из них выбрали. В результате чего мы убедились, что третья характеристика монадологии работает.

Лейбниц, польщённый, довольно кивнул. Он стал чувствовать нить спора. Она явно вела в его сторону. Но оперативно размышлять он пока не мог: слишком туманны были его первоначальные сведения в Организмике.

– Тогда смотрим, что первая характеристика монадологии гласит: «Монада – простая субстанция, то есть не имеющая частей», – продолжил Вейзель. – Это значит, что заявленные различия проявить становится нечем, то есть в структуре монады нет такой части, на которую одна монада отличалась бы от другой. И тогда наш первый вариант реализации различий монад, когда эти различия достигались за счёт различия структур двух монад, не работает. В структуре каждой из монад остаётся всего по одному не расчленённому члену. Но для того чтобы монады всё же были различны, эти члены должны быть отличны друг от друга.

Вейзель ловко махнул тряпкой и стёр несколько символов в каждой из формул. Словно отчитываясь о проделанной работе, тряпка выпустила небольшое меловое облако, а Лейбниц сказал:

– Очень интересно вы рассуждаете, коллега! Продолжайте, я с огромным интересом слушаю вас и пока у меня не возникают спорные мысли по поводу сказанного вами.

– Прекрасно! Таким образом, у нас получается, что каждый организм состоит из одной единственной структурной информации, и эти единственные информации у двух рассматриваемых организмов различны между собой, – продолжил Вейзель.

– То есть второй вариант становится нелегитимным, – закончил Лейбниц.

– Да! – ответил Вейзель. – Так как необходимыми для построения организма набор информации заменяется в каждом из случаев – и монады «А» и монады «В» – на присутствие в корректуре каждой из них лишь одной единственной информации.

– Тогда получается, что эти единственные информации не взаимодействуют с другими – поскольку других информации нет. И не ограничиваются соответствующей управляющей матрицей – поскольку не имеет никакого смысла накладывать какие-либо дополнительные ограничения на уже выделенный из пространства организм, представленный той самой одной единственной информацией, – закончил логическую цепочку Лейбниц.

Оба учёных, довольные друг другом, вздохнули. Они поняли, что нашли общий язык и стали друг друга понимать. Это обещало нормальную дискуссию. Однако, привычно посмотрев на студентов, Лейбниц задумался над тем, понимают ли они то, о чём сейчас было сказано? В голове учёного пронёсся ответ: «сомнительно...».

– Отсюда следует, – продолжил Лейбниц, тщательно подбирая слова, – что второй вариант сравнения монад не работает, так как управляющие матрицы организмов «Монада "А"» и «Монада "В"» не существуют.

Он повернулся к залу и спросил, понятно ли это. Из зала прилетел ответ:

– То есть, управляющие матрицы не сравнимы между собой.

«Всё понимают», – удивился Лейбниц, а вслух профессору Вейзелю ответил: – Я согласен с этим. Но остаётся один – первый – вариант реализации различных монад.

– Да! – согласился Вейзель. – Напомню: это когда информация одной монады отлична от информации другой монады.

– Я уже понял, коллега, что этот вариант удовлетворяет первой и третьей характеристикам монад.

– Но, к сожалению, из этого также становится ясно, что эти информации и являются самими сравниваемыми монадами.

– Я слушаю вас дальше! – заинтересовался Лейбниц.

– Рассмотрим вторую характеристику монады, – продолжил Вейзель.

– Она гласит: где нет частей – нет ни протяжения, ни фигуры, – с некоторой гордостью напомнил Лейбниц.

– Однако в Организмике есть альтернативное утверждение, – высказался Вейзель. – Оно называется «Следствие 2.5» и гласит: «неживая материя» не может существовать вне какого-либо организма, всегда найдётся организм, частью которого является данный объём «материи».

– Даже так! – удивился Лейбниц.

– А с учётом требований следствия 2.4, которое говорит, что матрица организма более низкого уровня является составной частью матрицы организма более высокого уровня, приходим к выводу, – продолжил Вейзель, – что одиночные информации, составляющие «Монаду "А"» и «Монаду "В"», являются всего лишь не взаимодействующими между собой организмами более низкого, чем уровень монад, организмического уровня.

Лейбниц ненадолго задумался. Он понял структуру нового знания. Она вполне была приемлемой для того мировоззрения, которое отстаивал учёный. Даже было несколько приятно от того, что те вопросы, на которые

он потратил годы раздумий и на которые он так и не нашёл никакого ответа, теперь, в Организмике, оказались решёнными. Это открывало дополнительные перспективы и на этом фундаменте уже можно было строить гораздо более продвинутые философские системы и физические теории. Возбуждённый открывающимися перспективами, Лейбниц произнёс:

– Но это всё-таки организмы?

– Да! – согласился Вейзель.

– А так как это организмы, – продолжил Лейбниц, – они имеют внутреннюю структуру?

– Да! – ответил Вейзель и пояснил: – За счёт которой и реализуются характеристики монад – со второй по пятую.

– И тогда получаем, что первая характеристика монад не является истинным утверждением? – подхватил Лейбниц.

– Совершенно верно, – подхватил Вейзель. – А поскольку, с точки зрения Организмики, любой организм состоит из частей и помимо организмов в «природе» нет никакой другой «субстанции», то нет и монад.

– То есть противоречие монадологии состоит в том, – сделал свой вывод Лейбниц, – что объекты, или, как вы их называете, организмы, обязаны различаться?

– Именно так!

– И это при том, что это должно происходить без наличия у объектов-организмов структур или частей для несения таких свойств или различий? – спросил Лейбниц.

– Да! – согласился Вейзель. – И такое противоречие в Организмике отсутствует!

– Тогда наши выводы неверны, – разочарованно произнёс Лейбниц. – Неверен вывод о том, что сфера

субстанциональных форм принципиально отличается от мира вещей. Монадология, как вы её назвали, неверна...

– Неверна...

– Получается, что, напротив, субстанциональные формы это и есть материя?

– Да.

– Но тогда справедливо обратное утверждение? – спросил Лейбниц. Он подумал несколько секунд и несколько даже торжественно произнёс: – И в этом единстве состоит сила бытия и его непрерывность!

– Отсюда следует и другое, – продолжил Вейзель. – Помимо сказанного, неверным оказывается и вывод о том, что соотношение двух миров есть лишь процедура их сопоставления и при этом материя не составляется из монад, а она результирует из них.

– Согласен, – ответил Лейбниц. – Поскольку уже первый принцип обязывает оба мира состоять из одних и тех же составных частей.

– И, конечно же, я отмечу, что действие малых восприятий гораздо более значительно, чем это думают, – сказал Вейзель. – Именно они образуют те не поддающиеся определению вкусы. Те образы чувственных качеств, ясных в совокупности, но не отчётливых в своих частях. Те впечатления, которые производят на нас окружающие нас тела и которые заключают в себе бесконечность.

– Ту связь, в которой находится каждое существо со всей остальной Вселенной, – закончил за Вейзелем мысль Лейбниц. – Можно даже сказать, что в силу этих малых восприятий настоящее червато будущим и обременено прошедшим.

Здесь Готфрида снова зацепил профессиональный «крючок». Он обернулся к залу и спросил, понятно ли им, что значит только что достигнутый в споре консенсус?

– Что всё находится во взаимном согласии, – Антон попытался сделать максимально глубокомысленный вывод.

– И что в ничтожнейшей из субстанций взор столь же пронизательный, как взор божества, мог бы прочесть всю историю Вселенной, – прозвучал ещё один ответ другого студента.

Это была Нона. Она снова в самый неподходящий для него, но исключительно удобный для неё момент укатала Антона, своим красноречием буквально размазав его по той самой тротуарной плитке, с которой юноша так не хотел родниться...

Но Лейбниц, не знавший этого противостояния и даже не обративший на него никакого внимания, в который раз оказался приятно удивлён интеллектом собравшихся учёных, которых его оппонент почему-то называл студентами.

– Мы со студентами хотели бы поблагодарить вас, уважаемый профессор Лейбниц, и отдать должное монадохологии. Ведь часть так называемых характеристик монад работает в Организмике, – произнёс Вейзель. – И сами рассуждения об устройстве мира монад, и именно то, что «материя» результирует из монад, возможно, послужили одним из главных толчков к возникновению Организмики.

Лейбниц польщёно улыбнулся.

А Вейзель взял высохшую тряпку и резким движением стёр написанное с доски. Словно отстреливающийся чернилами от своих преследователей ось

миног, тряпка выпустила большое пушистое белое облако.

А когда оно немного рассеялось, не стало ни доски, ни Лейбница...

Дорога согласия

Всё ещё не осевшее облачко белой меловой пыли и не стремилось упасть на пол. Оно медленно циркулировало, словно чего-то ожидая.

На центр сцены вышел старец Кулик и хлопнул в ладоши. Облако меловой пыли медленно стало перемещаться в пространстве и в конце концов сложило нечто такое, что напоминало некое воздушное полотно или какую-то невесомую дорогу. Допустим, для эльфов...

– Следствие 2.19 постулатов Организмики гласит: «Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней», – самым торжественным голосом, каким только было для него возможно, произнёс старец Кулик. – Мы подходим к рассуждениям о Боге! Не с позиции самого Бога, а с позиции науки, включающей в себя и религию.

– Но сначала мы бы хотели сделать несколько важных замечаний, – продолжил Вейзель. – Первое замечание – о религиозной подчинённости. Оно состоит в том, что никакая религия не может даже рассматривать вопрос о разрешении или запрещении мыслительного процесса в отношении Бога.

– Почему это? – раздался голос какого-то студента.

– Потому что религии разные, – ответил Вейзель.

– И что?

– Поэтому они не возымели права быть истинными, – сказал Вейзель.

– Понятно..., – красноречиво закончил эту часть полемики голос студента.

– Второе замечание – о достижении цели, – продолжил Вейзель. – Поскольку все религии не истинны, то прежде чем какая-либо из них породит информационный ресурс, запрещающий либо разрешающий мыслительный процесс в отношении Бога, такая религия должна возыметь право истинности.

– И это право не должно быть оспорено! – подсказала Настя.

Её интересовала область тонких миров и религиозных рассуждений. Девушка часто задумывалась над тем почему в мире столько разнообразных религиозных конфессий? Ведь если Бог один, то и религия должна быть одна. Однако реальность показывает, что религий много. Это означает только одно: много религий – много богов. А отсюда следует очень важный и прямо противоположный многим религиозным посулам вывод: если религий много, то много и богов, а это значит, что бог не один, и никакая религия не может быть одновременно монотеистической и правильной.

Сколько бы Настя ни думала над этим, она всегда приходила к одному и тому же заключению: религии не могут быть правильными без того, чтобы не знать и не учитывать позицию друг друга...

– А для этого такая религия должна донести суть своего учения до других религий, – словно подслушав её, согласился Вейзель, отвечая на ранее озвученное предложение. – И они должны оставить эту суть не поруганной.

Беспечно летающая пыль вдруг резко закрутилась и превратилась в белый водоворот. Он смерчем пробежался по сцене и остановился в самом её центре.

Чуть потанцевал, чуть порезвился и снова превратился в пушистое белое облако. Когда оно немного рассеялось, стало видно, что посреди сцены вырос огромный круглый стол. За ним восседают религиозные иерархи.

Все они – в традиционных религиозных костюмах. Пoblёскивают золотыми и серебряными вставками. Все преисполнены важности и самозначимости. Отпускают коллегам лишь снисходительные взгляды типа того, что, мол, «мы едва терпим ваше присутствие». Над иерархами повисла стена вражды, она была сделана не из мрамора или песка, а из ненавистных мыслей каждого, которые оказались гораздо более крепкими, чем самый крепкий мрамор во Вселенной.

Религиозные иерархи приготовились было к привычному пикетированию, но неожиданно с ними что-то стало твориться. Каждый из них, подёргавшись немного так, как будто в него вселяется кто-то иной, вдруг резко менялся и проявлялся уже не как старец, а как вполне узнаваемый студент из присутствующих здесь.

– Как донесёт суть своей веры религия, стоящая частью? – поэтическим былинным стихом начал своё иступительное слово старец в белых льняных одеждах. – Как донесёт она свою правду до других – таких же? Как достучится такая до сердец, взятых не ею? Как услышат её уши, настроенные на иное? Как примут её души, воссоединённые в ином?

Он сделал паузу и обвёл всех долгим пронзительным взглядом. Попадая под этот взгляд, каждый иерарх почтительно кивал в знак понимания, согласия и повиновения. А Белый старец тем временем продолжил:

– Для того чтобы была дорога пройденной, сначала должна быть сама дорога. А для того чтобы дорога была, религия, возымевшая взять на себя роль разре-

шительную, должна проложить такую дорогу к каждой такой же правильной вере, к каждому уху, к каждому сердцу, к каждой душе.

Белый старец вновь обвёл всех долгим взглядом и собрал всё молчаливое согласие зала. После чего продолжил:

– Постройте дорогу на пути к обсуждению – вы, намерившиеся возыметь право истинности! Она состоять будет, знайте, из отдельных поступков! Которые те, иные, сочтут истинными и для себя. И если сочтёт это каждый, поступок кирпичиком ляжет одним и только одним полотном той дороги.

Белый старец набрал воздуха в лёгкие и уже гораздо более громким голосом продолжил:

– А сколько кирпичиков нужно? А столько, чтобы стало возможно пройти. И каждый кирпичик заставит тебя добиваться ответа от тех, кто вчера был врагом. И этот ответ тебе нужен лишь только в хвalebном решении. Ведь тот, что несёт негатив, положен не будет в дорогу.

Белый старец ударил об пол своим посохом, и в следующую же секунду картинка полностью изменилась. Все иерархи оказались посреди бескрайнего белого пространства. Вокруг них простирается только свет. И только бесконечное пространство. И уже не стало ни стола, ни стульев, ни пола, ни потолка.

Постепенно белый свет сделался прозрачным и иерархи с огромным удивлением увидели, что стоят они на одной небольшой площадке, вокруг которой со всех сторон зияет пропасть.

Но в одной из сторон невдалеке просматривался какой-то остров или просто какая-то земля. На ней, словно фантастический пчелиный улей или муравей-

ник, копошилась огромная масса народа. Все они какими-то крайне преданными взглядами смотрели на иерархов и в каком-то исступлении манили их, делая знаки руками.

Но иерархов от этих людей и от этой земли отделяла та самая пропасть, которая была со всех сторон. И не было никакой возможности преодолеть эту пропасть.

Рядом с группой иерархов, толпившихся на небольшой площадке, на небольшом облачке расположился таинственный Белый старец. Он вёл себя спокойно и несколько снисходительно взирал на этих иерархов.

– Ты должен, строитель дороги, создать из сырца тот кирпичик, что точно воистину служит, – сказал он торжественным голосом, обращаясь глазами по очереди к каждому из иерархов. – И это признать должен каждый!

Все иерархи согласно закивали на это предложение Белого старца. Хотя, по правде сказать, у них не было ни единого шанса выступить против этого предложения. Причём по двум причинам. Первая – силы иерархов были значительно меньшими, чем те, которыми располагал их наставник. И вторая – слова Белого старца не вызывали у иерархов никакого протеста: всё, что он говорил, входило в круг их религиозных доктрин.

– Раз так, что ты должен понять? – спросил их Белый старец, сделал театральную паузу и сам же ответил: – А то, что ты должен понять того, кто вчера был иным. Не той правдой, нежели ты.

Все иерархи снова согласно закивали, показывая, что и эти слова им понятны и ими приняты.

– Вчера он и он, – Белый старец указал пальцем поочерёдно на всех иерархов, – все были вчера столь правдивы, что истину строить решились и в правде своей сомневались.

– Но они же едят свинину! – первым подал голос раввин, сальные пейсы которого навечно прилипли к его же никогда не бритым щекам.

– Хвалить же ты должен заставить всех тех, что вчера были ними! – продолжил торжественно излагать Белый старец. – Стучать им в сердца так, чтоб стук твой они же своим посчитали. Сказать им и в уши такое, что слышат они как своё. Просить их отдать свои души тому же, чему отдавали.

– А где взять кирпич? – прямо спросил исламский иерарх.

– И если же ты достучишься до каждого из всех тех – правдивых, то, знай, что кирпич ты получишь в облиции простого хваления твоих начинаний и дел, которые также и тех, что раньше врагами прослыли!

Звон от последних слов Белого старца долго блуждал в открытом пространстве между невидимыми зеркалами до тех пор, пока каждый из иерархов не осознал полностью сказанного.

– Не убей! – громко сказал буддистский монах, прижав руки к груди и смяв попавшую под них часть оранжевой одежды. – Я уверен, что этот принцип устроит всех!

– Не думаю, – сказал исламист, косо и враждебно посмотрев на иудея. – Иудеи убивают арабов по религиозным соображениям из-за того, что арабы иудеям не братья.

– Извините, уважаемый, но тут вы совершенно не правы, – коротко ответил раввин. – Ваше деление лю-

дей на верных и неверных ничуть не лучше, если не сказать хуже, деления тех же людей на «брат» или «не брат». Вам напомнить, как принцип «не убий» исполняется исламскими боевиками?

– А вы Христа нашего распяли! – косвенным образом заступился за мусульманина христианин, самым упоминанием этого «факта» предъявляя весомые претензии иудаизму.

– Тогда, может быть, вы сами расскажите о деятельности «Святой» Инквизиции в Европе и на Руси? – сразу же нашёлся иудей. – Я вам даже весы бесплатно дам, чтобы вы на одну чашу положили убийство Христа, а на другую чашу убийства миллионов «язычников», «ведьм», «колдунов»...

– Шайтанов! – вмешался исламист. – Шайтанов надо убивать!

– Не надо убивать святых отцов! – заступился за шайтанов буддист. – Если вы не поняли перевода с монгольского языка, это не значит, что людей с таким титулом надо убивать. «Шайтан» – это титул, который буквально обозначает «Святой отец».

– А мы коров считаем святыми, – подал голос индуист. – Мы их не убиваем. Мы никого не убиваем.

– Да-а-а-а-а? А почему тогда Индия не входит в клуб стран, ограничивающих распространение ядерного вооружения? – спросил индуса христианин. – Вы на кого ядерные ракеты копите? Расскажите нам, миролюбивейший.

– Так, Индия ещё и самая милитаризованная страна в мире! – сразу же поддакнул раввин. – Темпы закупки оружия Индией самые высокие в мире. О каком «не убий» с ними можно вообще говорить?

– Я начинаю понимать, – явно злясь, сказал исламист. – Вы на братский исламский Пакистан хотите напасть?

– Почему на Пакистан? – спросил буддист. – У Пакистана своя ядерная бомба есть и он тоже не хочет ограничивать ядерное вооружение. Вместе с Индией накапливает ядерное оружие. И вместе с Израилем, в том числе. Вот они, три страны, которые не входят в ядерный клуб.

– Они – и Пакистан, и Индия – заодно, – мгновенно пояснил раввин. – А мы – нет. Они закупают оружие и накапливают ядерные бомбы для того, чтобы напасть на Россию. Это уже всем, кто в это посвящён, известно.

– Откуда вы это взяли? – недоверчиво спросил христианин раввина.

– Я, милейший, с бабой Вангой разговаривал, – ответил раввин. – Да и в библии всё это написано. Вы что, не читали? А уж, если серьёзно, то посмотрите секретные отчёты индийских военных, предоставляемые ими в Сионистский комитет...

Белый старец терпеливо смотрел на этот спор зовущих к добру иерархов и только ехидно улыбался на их недетские извращения этого понятия.

В какой-то момент участники спора наконец-то опомнились и заметили, что они уже давно стали посмешищем в глазах миллиардов зрителей, наблюдавших за ними. Но больше всего иерархов поставило в неудобное положение присутствие Белого старца, и они стали его донимать вопросами типа, а, вообще, можно ли им договориться между собой? Мол, сколько можно стучаться в душу другому, если он вообще

не желает тебя ни слушать, ни слышать? Ведь основы их религий настолько различны!

Белый старец в ответ смерил иерархов презрительным взглядом и, полностью перейдя на стихотворный былинный язык, продекларировал:

– Стучись и стучись, достучись! Тебе нужно долгое время. Получишь отказ, возвратись: не сразу и конник встал в стремя. Вчера ты был тот, сегодня – иной, а завтра – ещё поменяешь. Придётся пройти путь, закрытый стеной: ты истинным быть обещаешь. А там, за стеной, тоже ты. Такой же правдивый и честный: смотрели орлы с высоты, один лишь из них был не местный...

– Понятно, – хмыкнули в ответ иерархи, вместо смирения проявляя отчётливую агрессивность. Они даже и не поняли, что каждый из них снова грубейшим образом нарушил основные положения своей же религии. – Старец не хочет с нами разговаривать нормальным языком!

– Ну, подскажи же нам хоть один, первый ход! – нервно сказал старцу исламист, мысленно передёрнув затвор воображаемого автомата.

Белый старец снова улыбнулся и вновь обвёл всех «святых» иерархов презрительным взглядом и ответил:

– Части тоже состоят из целого!

– Я же говорю, он издевается над нами! – стал психовать исламист, автоматически шаря рукой вокруг себя в поисках чего-нибудь огнестрельного.

Остальные иерархи согласно закивали в ответ и стали метать в Белого старца злобные взгляды.

– И ты достучишься тогда, когда будешь сам, как и те. Воистину – мало труда: летают орлы в высоте, – ответил бесстрастным голосом Белый старец.

Иерархи окончательно вышли из себя. Они совсем перестали понимать, о чём им повествует Белый старец, но вся их иерархическая суть подсказывала им, что его намёки отнюдь не дружелюбные.

– Так, уважаемые! – первым собрался с мыслями и деловито обратился к иерархам раввин. – Я, кажется, догадался. Мы сейчас обсуждали принцип «не убий». И в итоге не сошлись ни в чём. Так?

– Так, – почти хором ответили иерархи.

Однако Белый старец не дал продолжить им обсуждение, а вместо этого в очередной раз весьма туманно и очень прозрачно заявил:

– Ты знал обо всём, что им нужно. Но ты, строитель дороги, почему-то раньше избегал давать им их правду. Теперь же ты дал им. Они получили твою правду от тебя как свою правду. Ты им дал свою правду как их правду. Правды сравнялись – теперь что твоя, что не твоя – это одна правда, отозвавшаяся одинаково в двух различных правдоискателях. Иди – ищи третьего, за ним – четвёртого, за ним – пятого. И когда двойная правда станет тройной, далее четверной и больше, не оставив неохваченных, она станет истинной и, может, сложит саму истину.

– Не так! – снова на каком-то животном уровне раввин осознал слова Белого старца и уже в этом ключе ответил иерархам: – Мы с вами всё же сошлись во мнении! Но это другое согласие. Мы согласились, что каждая религия в своей основе имеет один и тот же, но другой принцип – «убий!». Так?

– Получается так, – нехотя соглашаясь, ответили иерархи.

– А это значит, в хотя бы этом мы все с вами сошлись, – совсем уж деловито сказал раввин. – Так?

– Да!

– Так, вот это и есть всеобщее похваление! – сказал раввин, довольный своей сообразительностью и убажасмый сознанием того, что остальные иерархи так слабо понимают ход вещей.

Как только раввин произнёс слово «похваление», откуда-то из пустого пространства мгновенно возник огромный кирпич и лёг рядом с их площадкой по направлению к толпе жаждущих людей.

Иерархи откровенно засмутились. Мол, кирпич хотя и получен в соответствии с условиями «игры», но заработан сомнительным принципом. Однако выбора не было – иерархи приняли такой результат. Ведь это был результат достигнутого консенсуса.

К тому же площадка под ногами расширилась, и у них теперь появилось больше места. Теперь иерархи могли перемещаться в пределах старой площадки и нового кирпича. Это радовало. А о смене принципа «не убей!» на принцип «убей!» паства знать в общем-то и не должна. Какая-то пара букв и один пробел – это не то, что нужно знать человеку в первую очередь!

– Зачем им знать? – как бы у кого-то там не известного спросил христианин, но все поняли, к кому он обращается, и одобрительно закивали головами.

В этот самый момент появился второй кирпич и лёг впритык к первому в направлении паствы. Это случилось как-то очень буднично – без шума, без свиста, без какого-либо иного сопровождения.

Иерархи сначала даже растерялись. Они не сразу поняли причины появления второго кирпича.

– Что это? Задаром что ли? – удивился раввин, среагировав как всегда первым.

– Не задаром. За наше взаимное согласие! – ответил буддист.

– Так мы же ещё и поспорить-то ни о чём не успели? – откровенно удивился исламист.

Иерархи задумались, заново перебирая в уме всё сказанное в последнем раунде беседы. Ничего особенного сказано не было...

– Мы договорились! Договорились, что будем лгать своей пастве! – горько вздохнув, подытожил индуист. – Единогласно!

Иерархи поняли, что это было действительно так, и кирпич появился в полном соответствии с правилами «игры».

– Паства не всё должна знать, – прокомментировал христианин. – Просто потому, что люди не готовы к пониманию Бога.

– Мы с вами обычно не во всём согласны, но здесь вы правы – люди действительно не готовы, – согласился исламист. – Аллах безграничен и не понимаем. Это основа веры.

Религиозная дискуссия продолжилась, и по мере разговора все иерархи дали некоторые определения своего бога. В связи с этим в конце этого эпизода появился третий кирпич и лёг ко второму впритык и в направлении всё ещё ждущей своих иерархов паствы.

– А этот-то кирпич за что? – снова первым отреагировал раввин.

Коллеги отрицательно закивали головами, мол, на этот раз вообще ничего не могут вспомнить.

– За наше единогласное изменение текста заповеди «не поминай имени бога всуе». Мы, согласившись делом, изменили текст заповеди другим текстом – «по-

минай имя бога всеу», – разъяснил буддист. – Мы же все только что склоняли Его имя и вдоль и поперёк.

– Эх, это так, – вздохнул христианин. – Какие там заповеди остались? «Не будет у тебя других богов, кроме Меня»? С ней-то все согласны?

– Конечно, – уверенно произнёс исламист. – Для мусульманина нет другого бога кроме Аллаха.

– И я согласен, – признался раввин. – Для иудея нет другого бога, кроме Яхве.

– И мне стоит согласиться, – присоединился и сам христианин. – Ибо для христианина нет другого бога кроме Христа.

Высказались все иерархи. Очередной круг согласий замкнулся. Четвёртый кирпич лёг в дорогу согласия.

– Ну, что, – радостно потёр руки буддист, – надо же! Мы достигли согласия! Хотя бы в том, что для каждого из нас нет другого бога кроме...

Он остановился и продолжил:

– Аллаха, Яхве, Христа... Мы с вами в очередной раз достигли согласия. Но не по прямой заповеди, а по обратной к ней. То есть у каждого из нас свой бог. А тот Бог, который существует в действительности, никого из нас не интересуется. Так ведь получается!

Иерархи ещё долго спорили. Они прошлись по всем заповедям и достигли консенсуса. Дорога построилась. Паства приняла своих учителей.

Но полученная картина вывернулась наизнанку. Вместо объявленного «не убей» в полотне дороги лежал кирпич с надписью «убей». Вместо объявленного «не лги» лежал кирпич с надписью «лги». Вместо остальных заповедей на кирпичиках были начертаны слова, им прямо противоположные.

Можно было бы поспорить, что, мол, незримые судьи не так поняли иерархов, не то услышали в их незамысловатых речах.

Но дорога согласия построилась и спорить было без толку.

– Скитался, старался построить дорогу, – обратился Белый старец к строителям дороги, то есть к иерархам. – Теперь много времени будет пройдено, много будет положено сил – тобой и теми, что вчера были иными, а сегодня в общей правде, возможно, ставшей истиной. Среди них должен быть и я, вчера рассуждавший один, сегодня – мы думаем вместе.

Иерархи замерли и слушали Белого старца, а тот, снижая накал пафоса, продолжил:

– Поскольку предполагаем, те религии, что намеревались породить информационный ресурс, возможно, нацеленный на поругание наших рассуждений, должны были прежде исполнить указания предыдущих пунктов, то получится результат донесённой общей сути, одной на всех, всеобщей в целом.

Иерархи синхронно кивнули.

– Этот результат должен будет одобрен всеми другими религиями, – продолжил Белый старец. – Которые хотя и не намеревались выдавать каких-либо запретов в наш адрес, но всё же их одобрение должно было быть получено.

Иерархи снова послушно кивнули.

– Теперь та религия, что намеревалась выступить с запретом наших суждений о Боге, выполнившая все изложенные выше требования, добившаяся истинности, – произнёс Белый старец, – может приступить к осуществлению запрета.

Иерархи снова на всякий случай кивнули, пока не очень понимая, к чему ведёт Белый старец.

– Кабы захотелось бы ей этого, – закончил он.

Иерархи машинально кивнули, находясь в окончательной растерянности.

– Но среди строителей истины поругателем был и я, – неожиданно повернул Белый старец. – Вы видели меня!

Иерархи стали кивать, но как-то не очень уверенно и вразнобой.

– Вы убеждали меня! Моей правдой! – говорил Белый старец. – Вы принимали мою правду как свою! Моя правда стала частью вашей истины!

Иерархи уже и не знали что им думать. То ли кивать, то ли начать спорить.

– Вы будете ругать правду, составляющую вашу истину? – жёстко спросил всё ещё молчащих иерархов Белый старец и сам же ответил: – Да – если не в уме!

Иерархи вздрогнули.

Белый старец пронзительно посмотрел на них, подолгу останавливаясь на каждом.

– Тогда чего вы достигли на пути к цели стать правильным ругателем моих рассуждений? – спросил он. – Вот чего!

Белый старец сделал паузу, а иерархи заметались, пытаясь предугадать окончание мыслей Белого старца.

Вы достигли цели Организмики! – провозгласил он. – Объединили религии, веры, учения; исключили их вражду!

У иерархов на некоторое время пропал дар речи.

– Вы последовали закону Организмики! Закону – подчиняясь, управляю! – продолжил Белый старец.

– Так кто же бог? – уже совсем не зная как реагировать, невпопад поинтересовался исламист.

– А для некоторых, напомню ещё раз, – недобро улыбнулся Белый старец, – Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней.

– И что это значит? – не понял буддист.

– А это значит, что все рассуждения – это часть Бога, – уже более миролюбиво ответил Белый старец. – Мы должны внимательнее изучить целое, чтобы понять части. И так мы приблизимся к Богу.

В это мгновение на глазах у изумлённых иерархов и ещё более изумлённой паствы вся ранее построенная дорога согласия разрушилась.

Остался только тот кирпич, на котором чуть ранее стояли иерархи. Он некоторое время повисел в пространстве, а потом дёрнулся и полетел на то самое место, где раньше была площадка, с которой иерархи начали строить свою такую вывернутую наизнанку дорогу. Площадки не было. Теперь этот кирпич стал площадкой, и уже от него надо было строить новую дорогу согласия.

Иерархи остались на стороне своей паствы. Но каждый из них удалился от Бога. И каждый из них понимал, что теперь дорогу нужно строить не в направлении паствы, заведомо считая себя чуть ли не отпрыском Бога, а в направлении Бога, понимая, что каждый иерарх – это всего лишь часть паствы, и добиваясь того, чтобы Бог признал иерарха, как самого себя...

Все понимали, что новая задача гораздо труднее прежней, но выполнять её было нужно иначе, в чём смысл называться иерархом той или иной веры?

Обречённо вздохнув, иерархи принялись обсуждать те же вопросы, а рядом в воздухе появилась над-

пись: «Вы израсходовали одну жизнь! Начать новую жизнь?»

– Ваше решение, Антон, – обращаясь к юноше и протягивая ему огромную красную кнопку, произнёс Белый старец. – Вы должны принять решение: даёте ли этим искателям религиозной истины ещё один шанс или с них и того шанса хватило.

Антон даже не знал как ему поступить. Эпизод с религиозными исканиями иерархов прокручивался в его мозге ещё раз и ещё раз, но никакого уверенного решения по этому поводу долго не возникало.

Наконец оно пришло, и рука Антона уверенно потянулась к кнопке...

Формула Бога

Массивный круглый стол в богато убранном старинном зале академии на самом деле был выполнен в виде тора. За столом грузно расположились отяжелённые бесконечным научным опытом именитые академики.

Однако Настя по какой-то причине узнавала в них вовсе не академиков, а обычных студентов из своей же группы, несколько растолстевших и даже состарившихся.

Президент академии медленно и с достоинством поднялся со своего кресла, осмотрел всех собравшихся и очень усталым, но ясным голосом произнёс:

– Уважаемые академики! Мы открываем наш научный диспут в надежде отыскать разгадку многовековой проблемы. Проблемы идентификации существа, которое религиозные деятели называют словом «Бог». И пишут с большой буквы. Я напоминаю вам опреде-

ление, данное нами этой сущности. Следствие 2.19 постулатов Организмики гласит: «Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней». Вот отсюда давайте и будем исходить в наших построениях. Кто хочет высказаться первым?

В зале Академии повисла организационная тишина. Только было едва слышно, как академии собираются с мыслями. Слабый шорох монотонно покрывал всё свободное пространство.

– Есть определение понятия «организм». Оно звучит так: «организм – любой набор информации, ограниченный управляющей матрицей», – тяжело встав с кресла, стал медленно раскачиваться академик в аккуратно накрученном серебряноволосом парике. Из определения следует: для того чтобы Бог сам был организмом, его структура должна быть ограничена соответствующей управляющей матрицей.

Далее академик принялся пространно объяснять свою мысль, перемежая её примерами. В частности, человек состоит из множества клеток. Они, подчиняясь управляющей матрице нашего организма, выстраиваются в наши тела. Управляющие организмические матрицы создают связи клеток, связи различных частей организма и остальные всевозможные связи.

В конце концов, такая позиция оказалась понятна всем, ибо вокруг мы видим тела, которые построены исключительно по такому принципу. И нет никаких оснований считать, что Бог построен иначе.

– Однако если наполняющая Бога информация будет ограничена некой управляющей матрицей, – принялся оппонировать первому академику его коллега, – то такое состояние вступит в противоречие с определением Бога.

Затем и этот академик развёрнуто пояснил свою мысль. Он показал, что Бог должен содержать в себе ВСЮ информацию, в том числе и эту самую управляющую матрицу. Иначе получается некорректная ситуация: существует некая структура, находящаяся НАД Богом, – та, которая содержит в себе эту самую управляющую матрицу. То есть получается, что есть Бог и есть как бы Бог-плюс, что выглядит странно, согласились присутствующие.

– Я бы хотел заметить следующее, – сказал третий академик. – Если Бог – организм, то всякий организм характеризуется параметром «время существования».

Это было не просто замечание. Это было кардинальное замечание, которое позволило воспринять Бога совершенно под другим углом, нежели привыкли его воспринимать многие. Ведь введение в понимаемую сущность Бога параметра «время существования» вводило вместе с собой и понятие «время». А в этом случае получалось следующее. Бог, если он неживой, то он смертен и конечен. А с другой стороны, Бог, если он живой, тоже смертен и конечен. Одинаковый исход, хотя процессы получались различные.

– Согласен с вами, коллега, – сказал первый академик. – Понятие «время» придает понятию «Бог» ещё некоторые немаловажные особенности.

И здесь развернулся целый шлейф дискуссии. Например, простой вопрос: у Бога было время рождения? Есть ответ? Нет ответа! Или другой столь же простой вопрос: у него был период несмышлёности? Был или будет период расцвета? Будет период старения? Жизнь Бога окончится периодом смерти? Простые житейские вопросы не находили никакого ответа в контексте Бога. И это наводило на определённые мысли.

– Одни вопросы, – констатировал второй академик. – А всё потому, что если был период рождения, то до него Бога не было. А это противоречит и смыслу понятия «Бог» и определению понятия «Бог».

– То же касается и смерти, – согласился первый академик. – Что, Бога когда-то не станет? Если «да», то когда именно?

Грамотные люди понимали без лишних слов: если есть точная дата, то она должна быть отинформирована. То есть, существует некая последовательность неких связанных событий, которая в результате приведёт к смерти Бога? Однако, по определению, Бог вбирает в себя все информации. Он вбирает и те, которые ведут его к его же гибели.

– Получается странное дело: Бог, что – не знает сам о своём будущем? Или он не противодействует собственному разрушению воздействием собственной же информации? – удивился тот же академик.

Предположить такой сюжет в реальности не представлялось возможным. Сложно даже на миг подумать, чтобы какой-либо живой организм не боролся за свою жизнь. А уж Бог, который заявлен на вечную жизнь, просто обязан был бы действовать во исполнение этого заявления.

– Для разрушения любой структуры и любого организма в Организмике имеется определённое действие, – возразил третий академик. – И оно обязательно – внешнее для этого организма, для этой структуры.

Из этого объяснений следовало, чтобы разрушить Бога или даже умертвить, к нему необходимо было приложить внешние усилия. И это именно так! Но тогда здесь возникает очевидный парадокс: какое усилие может являться для Бога внешним? Ведь по определе-

нию понятия «Бог» никакого отдельного усилия, то есть отдельной от Бога информации, не существует!

– Может возникнуть предположение о том, что, как и в химических реакциях, процесс разрушения Бога может начаться внутри него самого, – произнёс второй академик.

– Нет, не может, – возразил первый. – Потому что если такой процесс когда-либо начнётся, то он будет означать, что в судьбе Бога опять появляется фактор времени. А это, как мы уже установили, неправильно.

Академики зашли в небольшой тупик. Им требовалось время, чтобы развернуться и продолжить следовать по другому пути познания столь сложной величины, как Бог.

– Но очевидно же, что Бог не является диалектической спиралью! – неожиданно предложил пятый академик. – В спирали следующий виток развития становится обязательно развитием предыдущего, то есть отличным от предыдущего. А следовательно, и в этом случае мы приходим к необходимости оперировать параметром «время». А через него возникают вышеизложенные трудности.

Это был определённый прорыв. Бог – не диалектическая спираль. Это очень важный вывод. Или даже очень важное свойство Бога, которое, скорее всего, лежит в основе многого...

– То есть, – спросил первый академик, – вы хотите сказать, если Бог становится по какой-то причине лучше, то это означает процесс сравнения?

Как всегда, новый постулат или новый закон рождает целую последовательность зависящих от него событий. Вот и то предположение или утверждение, что Бог не является диалектической спиралью, породило

стразу же целую «кучу» вопросов. И первый из них – вопрос возможности улучшения Бога.

Получается следующее. При некоторой отинформированности Бог является таким-то, а при другой отинформированности Бог стал лучше. Возникает проблема сравнения. А она сводится к следующему. Для того чтобы различить (или сравнить) два различных состояния отинформированности, требуется некоторый набор новой информации. А его ранее не было – ведь «старый» Бог вмещал в себя всю информацию.

Теперь получается интересная ситуация: когда Бог стал лучше и стал «новым» Богом, то появилась некая новая информация, которая позволила «старому» Богу дополнить свою структуру так, чтобы стать «новым» Богом. То есть состоялось изменение количества информации, наполняющей Бога. Учёт такого изменения приводит нас к тому, что приходится опять оперировать понятием «время» – что лишает понятие «Бог» какого бы то ни было смысла.

– Тогда, по аналогии, Бог – это не результат перехода количества в качество, так как не может происходить богоразмерный процесс, увеличивающий количества. Причина всё та же – отсутствие времени на уровне описания Бога.

– Тогда Бог – это не результат единства и борьбы противоположностей. Так как сам Бог не может быть чьим бы то ни было результатом. Ведь ни результата, ни Бога, побарывающего того же самого Бога, просто не может существовать. То есть в размерности «Бог» законы диалектики не работают...

Несмотря на то, что в тех копиях, исполненных в виде академиков, которые восседали за дорогушним академическим столом, и Антон, и Настя принимали

непосредственное участие в научном споре, как-то не очень заметно оформилась ещё пара их независимых копий. И уже в этом облачении Антон наклонился к Насте и спросил:

– Что это значит? Что они гоняют всё из пустого в порожнее?

Настя повернулась к Антону и восторженно принялась ему объяснять суть происходящего:

– Это очень важный философский вывод стал первым глобальным выводом, который коснулся такой величины, как Бог. То, что Бог не следует законам диалектики, выводит его за пределы этой части философии и говорит только о том, что Бог – величина неизменная. Мы специально не говорим «категория», поскольку под «категорией» обычно понимается некая совокупность однородных величин, а Бог – это единственный во всех направлениях.... организм?

Запинка в этом небольшом монологе Насти была вызвана тем, что девушка сходу не смогла определиться – является ли Бог организмом. Но и того объяснения, которое она выдала, для удивления Антона было более чем достаточно. Он, в который уже раз, откровенно восхитился интеллектом этой... красивой девушки.

Это был, пожалуй, первый раз, когда Антон заметил красоту Насти.

– Хорошо! Отрешимся от параметра «время». Допустим, мы его исключили, – продолжил первый академик.

– Тогда будем надеяться, что процесс распада Бога сможет быть инициирован изнутри него самого, – ответил второй академик.

– Но тогда возникает вопрос: результатом чего может явиться этот процесс? – спросил третий. – Кстати, обратите внимание, всюду снова присутствует время. Вряд ли нам удастся так легко избавиться от этого параметра...

– Известно, что переохлаждённая вода не станет кристаллизоваться в лёд, пока не появится точка кристаллизации. Так и в инициации процесса разрушения Бога должна появиться некая «точка кристаллизации», – предположил первый.

– Но если она была раньше, то Бог уже бы кристаллизовался и вновь кристаллизоваться не сможет. Если же она только что появилась, то откуда? Внешняя? – последовал вопрос.

– По определению – такой быть не может.

– Внутренняя? Вновь образованная? – прозвучали ещё два вопроса.

– Тогда снова вводится понятие «время», присутствие которого мы рассмотрели ранее. К тому же смешение различных типов кристаллизации – это диалектический процесс. А Бог, как мы выше установили, – не диалектик, – произнёс второй академик, и все они вновь пришли в очередной тупик своего интересного лабиринта.

Настя снова с головой ушла в дискуссию, оставив Антону... свободно любоваться её красотой. Вообще это было непривычное для юноши чувство. Раньше ему казалось, что красавица – это непременно брюнетка с белой кожей и какого-то крохотного роста. Теперь, когда он рассмотрел красоту Насти, ему стало понятно, что...

– То, что Бог – чист, говорит о его изначальной однородности! – прервал его мысли первый академик,

– Всё, что входит в структуру Бога, всё является его структурой. Никакая информация не может быть ино-родной или загрязняющей структуру Бога, поскольку любая информация – обязательная часть Бога.

– Тогда из понятия «чист» и «однороден», а также понятия «вне времени», следует, что Бог не имеет центра «кристаллизации», – предположил оппонент. – То есть, той точки, которая когда-либо явилась бы центром, из которого начала «кристаллизоваться» структура Бога.

– Во-первых, такой точки не может быть по определению «центра кристаллизации», который должен быть отличен от однородности, – поддержал его коллега. – Во-вторых, глаголом «быть» опять в наши рассуждения вводится понятие «время». Что, опять же, не имеет отношения к Богу. В-третьих, если бы центр был, то подобный ему может появиться вновь – но и это определяется временем.

– Всё определяется временем! – проговорила шёпотом Настя, на секунду повернувшись к Антону. Их глаза встретились, и Антон впервые почувствовал какой-то жар к груди.

«У меня, наверное, сейчас совсем дурацкий вид», – подумал юноша, но Настя улыбнулась и прокомментировала окружающее действо так:

– Поскольку Бог не может быть организмом, значит, он не может быть неживым организмом.

Антон пожал плечами и опустил глаза.

– Кстати, вот тут нам подсказывают, поскольку Бог не может быть организмом, значит, он не может быть неживым организмом, – произнёс третий академик и добавил: – Так как понятие «неживой организм» характеризуется тем, что такой организм не имеет

возможности поддерживать свою структуру в неизменном виде.

В рядах академиков наступило некоторое замешательство.

– Что же это получается? Если бы Бог являлся бы неживым, первое, что с ним случилось бы, структура Бога с течением времени исчезла бы? – удивился своим же словам первый академик.

– А второе – Бог опять начал бы зависеть от времени? – продолжил вслед за ним коллега.

– Но тогда встаёт вопрос – кто создал Бога? – заключил третий академик.

Учёные снова оказались в тупике лабиринта, и им вновь требовалось время на обдумывание.

В этот момент в дальние двери зала вошла Нона. Она не сильно заботилась о несвоевременности своего вторжения, и, когда академики прервались, чтобы посмотреть на очаг образования шума, она с благосклонностью позволила им созерцать своё красивое тело.

«Нона, как всегда...», – подумал Антон, но тут же запнулся с определением. Он хотел было подумать, что она, как всегда, красивая, но сейчас этот эпитет к девушке явно не клеился. Антон долго подбирал в уме другой и остановился на слове «шикарная». Оно в этот момент более всего подходило к облику Ноны.

Девушка молниеносно осмотрела всех присутствующих, зафиксировала положение Антона и Насти и расположилась в пустом зале так, чтобы юноше было её видно максимально отчётливо.

– Да... По всем этим трём пунктам время запрещает операции. То есть, что у нас получается? Первое: Бог – не был создан. Второе: Бог – не исчезаем. Третье: Бог

– не зависит от времени, – с глубоким вздохом подытожил раунд дискуссии первый академик.

– Если вернуться немного назад и учесть ещё закономерность Организмики, называемую «Рыбка Организмики», то мы придём к важным выводам, – тут же начал новый раунд второй академик. – Напомню суть этой закономерности: неживой организм обязательно неразумен и исключительно внешневоспроизводим.

– Тогда получается очень интересная вещь! Должно существовать такое время, когда Бог ещё не был внешневоспроизведён, – удивил собравшихся третий академик.

– Но при этом должно было существовать нечто, что воспроизвело бы самого Бога впоследствии! – добавил удивления четвёртый академик.

– А поскольку Бог не может быть организмом, значит, по этому фактору он не может быть живым, – предположил пятый академик.

– Так как только среди упорядоченных структур типа «организм» может существовать живая структура, суть которой в том, чтобы она поддерживалась живым организмом в неизменном виде... – стал возражать ещё один академик.

Но его широкий полёт мысли жёстко оборвал первый академик:

– Во-первых, неизменность вида определяется временем, а по нему операции не существуют. Во-вторых, живой организм способен поддерживать свою структуру только за счёт потребления внешней информации, а таковой по отношению к Богу не существует.

Антон хотел было сказать Насте, что она...

Но непреодолимая сила выдернула его из кресла и унесла к академическому столу, чтобы там слиться с другой своей копией и стать одним единственным Антоном.

Судебный процесс в Джаруславле

– Ну, что ж, справились. Молодцы! – с нескрываемым уважением оглядывая Антона и Настю, произнёс профессор Вейзель, после чего повернулся к старцу Кулику и, может быть, даже излишне театрально добавил: – Позвольте и мне, дорогой друг, поэкспериментировать на людях!

– Пожалуйста! – так же театрально радушно расдвинув руки, произнёс старец Кулик и даже сделал небольшой реверанс.

Вейзель тут же повернулся к едва отдышавшимся студентам и, не обращая никакого внимания на их состояние, твёрдо скомандовал:

– Назовите мне её имя!

И в тот же миг Антон, Настя, Нона и другие студенты из их группы оказались посреди какого-то ближневосточного базара. Всюду сновали грязные люди с ошалелым взглядом и безумными глазами и противно пахнувшие верблюды.

– Фу! Какой вонизм, – Настя изо всех сил зажала нос рукой. – По телевизору не пахнет...

– Куда это нас теперь-то забросили? – Антон адресовал этот вопрос скорее самому себе, нежели кому-то ещё: потому что другие знали не больше него самого.

– Не знаю, – почти выкрикнула Настя, продолжая зажимать нос. – Явно восток какой-то.

– Интересно, это реальность или симуляция, как с башней, – решил подбодрить её юноша.

– Не знаю, – чуть было не улыбнулась Настя и, подумав, добавила: – С башней была не симуляция. Ты видел, как птица ему голову разнесла! Разве это симуляция?

– Вообще-то, ... да, нет, не симуляция...

Оправившись от первого шока, студенты сбились в плотную кучку и в таком «строю» двинулись наугад куда-то «вперёд». Это движение осуществлялось, полностью опираясь на «авось», потому что где здесь «перед», а где «зад», разобрать не получалось: везде была одна и та же неупорядоченная галдящая масса.

Тем не менее, обходя торговцев, увёртываясь от животных и таким образом с огромным трудом преодолев некоторое расстояние, студенты ощутили на себе несметное количество интересующихся взглядов. Один из местных жителей, с голубыми белками и излишне карими зрачками, подошёл к ним и спросил на каком-то еле понятном языке:

– Ты кто? – и добавил ещё несколько слов.

Этот язык можно было бы назвать одновременно и очень древним, и каким-то, ... недоразвитым, что ли.

– Мы русские студенты, – ответил Антон, даже не задумываясь над темой языков; затем он подумал немного и добавил: – Из России.

Местный житель задумался и какое-то время вот так и простоял, пытаясь разобраться в сказанном. Было видно как работают его извилины, потому что весь процесс мышления буквально отражался у него в глазах. Наконец что-то в мозгу у местного жителя щёлкнуло, и он громко объявил всем. В смысле – всему базару:

– Это русские ученики! – и, снова обращаясь к студентам, с заметно усилившимся почтением добавил: – Ваши войска и корабли стоят в Сирии, а здесь Иудея. Как вы тут оказались?

– Мы... тут... со своим... учителем..., – не очень определённо пояснил один из студентов.

– Как называется этот город? – решил внести окончательную ясность в разворачивающиеся обстоятельства Антон.

– Джарушлаим, – незамедлительно продекламировал местный.

– Может, Ярославль? – услышав знакомые нотки и глубоко восточном слове, посмеялся кто-то из ребят и стал крутить головой, ища поддержки своей хохме у окружающих.

Местный житель, продолжая улыбаться, понял, о чём идёт речь, и очень активно закивал головой в ответ.

– Джаруславль, Джаруславль! – повторил он несколько раз.

Студенты непонимающе переглянулись, и Антон, смутно догадываясь об истинной сути происходящего, задал следующий вопрос:

– Мы ищем своего учителя. Его зовут... По-вашему... Морской Прибой. Вы знаете, где его найти?

Глаза местного жителя предельно расширились и заблестели, и в них окончательно утвердилось великое почтение к студентам:

– Да, уважаемые, знаю. Он сегодня будет председательствовать на суде в Джаруславле. Только местные туземцы и римские дикари его называют на свой манер – Понтий Пилат.

Антон понял, что его догадка оказалась правильной. Это немного проясняло ситуацию, но целей их внедрения в этот бесконечно замызганный мир не раскрывало. Юноша покрутил головой и осмотрел местность, расположенную вокруг, настолько, насколько это позволяла сама местность и собравшаяся вокруг них толпа.

Повсюду из земли торчали навозные мазанки, которые по размеру едва превышали обычную конуру рядовой деревенской дворняги. Неумытые и несмышлёные дети тормозили, осматривая пришельцев, а взрослые, казавшиеся заметно более умными, понимали, что перед ними пришельцы из другого мира. Только вот как поступить в этом случае, они сообразить не могли.

– А где состоится здание этого суда? – спросила Настя.

– А вот в ту сторону идите. Чуть пройдёте, и там уже будет. Увидите.

Студенты, как заправские следопыты, повидавшие на своём только недавно начавшемся веку множество опасных ситуаций, бесстрашно потопали в указанном направлении. Они двигались под палящим туземным солнцем по по-прежнему грязным джарославским улочкам. Тропа была одна, и ребята вскоре подошли к «храму» – весьма величественному каменному зданию, около которого толпился чем-то возбуждённый народ.

По поведению галдящей толпы было отчётливо видно, что люди ожидают чего-то крайне для них важного, но назначенный час этого события ещё не настал и до него ещё достаточно далеко.

Студенты, уже освоившись в таких испытаниях, почти автоматически вошли в храм и деловито осмот-

релись. На полу помещения уместилась изящно выложенная мозаика. На ней красовались все знаки зодиака, кем-то умело соединённые двумя шестиконечными звёздами Велеса.

– Смотри-ка, колесо Сварога! – удивилась Настя. – Выходит, они знали знаки зодиака. Надо же!

Антон сделал несколько шагов по кругу, рассматривая рисунки. Ему показалось это очень странным.

– Ха, знали! – прокомментировал он. – Смотри, и все символы такие же, как у нас! Мы же с тобой все эти символы видели в той церкви, с микроскопом и телескопом?

Последние слова были откровенным намёком, Антон сразу же сообразил, что в той церкви каким-то образом присутствовала Настя, только никак не мог понять каким именно образом. Вот юноша и решился на небольшую провокацию, надеясь, что девушка попадёт в расставленную им ловушку.

– Антон, – меня там не было, – нейтрально проговорила Настя.

– Ах, да, точно, – по-прежнему подозрительно согласился Антон, при этом театрально похлопывая себя по лбу.

Кое-что ему всё же удалось выловить этим «неводом». В ответе Насти содержалось указание на то, что она знала о чём идёт речь. Настя сказала: «Меня там не было». Антон понимал, что в слове «там» и было зашифровано её понимание вопроса...

Продолжая осматривать помещение, студенты подняли глаза вверх и обратили свой взор на потолок. Там их встретила знакомая картина северного звёздного неба, приполярных его областей.

Привычные созвездия оказались обведены жирными линиями границ. Поверх них шли рисунки Большой и Малой Медведиц, Перуна-Волопаса, Сварога-Геркулеса, Велеса-Дракона и других по-настоящему родных созвездий.

– Прямо планетарий какой-то! – не выдержал один из студентов. Находясь под впечатлением от увиденной красоты, он стал вслух называть узнанные им созвездия и отдельные звёзды.

– А может это вовсе не суд? Может, это... обсерватория! – догадался другой студент, а затем неуверенно предположил: – Может, мы зашли не туда?

Откуда им было знать: туда или не туда, ведь никаких опознавательных знаков вокруг не было. В таком совсем не информативном обществе приходилось действовать на ощупь. Что студенты и сделали.

Это было единственное здание, которое внушало уважение. Рядом были только лачуги, в которых, понятно, никакой суд вершиться попросту не мог.

Когда глаза ребят окончательно привыкли к несильному освещению, то стало ясно, что в дальнем конце храма, в кажущемся холодке небольшого полумрака, на широком резном кресле восседал мужчина лет шестидесяти. Он задумчиво смотрел в проём окна – сквозь воздух и сквозь пространство. Казалось, что именно через него сейчас решалась какая-то практически вселенская дилемма.

Студенты уверенно, но в то же время настороженно пошли к задумчивому человеку.

– Добрый день! – негромко поздоровались они, понимая, что старец сейчас пребывает не в этом измерении и выдёргивать его громким приветствием может оказаться опасным.

Но мужчина всё равно заметно испугался. Не так, как мог испугаться чего-то плохого, а так, словно ждал чего-то, но всё равно это событие для него оказалось неожиданным.

– И вы оттуда же? – устало проговорил он, медленно приходя в себя.

– Откуда?

– Я только что, прямо перед вашим неожиданным появлением, вздремнул и увидел странный сон. Очень реальный, – мужчина остановился. Он обвёл студентов долгим пронизательным взглядом и, казалось, лишь дополнительно убедившись в своей правоте, продолжил: – Ко мне пришёл странно одетый человек. Он говорил языком, похожим на ваш.

– Наш?

– Да! – отозвался старец. – Это был какой-то чудачковатый мужчина уже далеко не средних лет.

– Но среди нас нет такого, – возразил Антон, не осознав, что старец говорит о сне. – Что ему было нужно?

– Он стал от меня требовать, чтобы я встретился с Езусом и поговорил с ним, – пожал плечами старец. – Он меня убеждал, что это хороший человек. И что судить и распинать его нельзя. Тот чудак говорил жарко и настойчиво. И во сне я ему поверил. Во сне же я поговорил с этим Езусом. И он меня убедил, что его жертва не напрасна. Что я должен был выполнить эту миссию.

– Во сне? – недоверчиво переспросила Настя.

– Да. Во сне, – повторил старец. – И вот теперь, проснувшись, я вижу вас. Вы в тех же самых странных одеждах. Говорите почти, как он. И желаете мне доброго дня!

Нона, до этого державшаяся незаметно, подошла к старцу и прямо в упор спросила его:

– Его звали Булгаков?

Какой-то странный огонёк мелькнул в глазах старца. Что-то не совсем мирное показалось в этом мгновенном отблеске. Но старец взял себя в руки и также несколько по-простецки ответил:

– Да, точно! Так! Китайское имя такое.

– И о каком Иисусе он вам говорил? – снова жёстко спросила Нона.

– Да, смешно же! – ответил старец и улыбнулся, как всем показалось, одной только Насте. – Ваш товарищ утверждал, что его друзья поклоняются тому, кого они называют Езусом.

Нона подошла ещё ближе к старцу, в её глазах играл далеко не миролюбивый оркестр.

– Он был прав. Некоторые поклоняются ему, Иисусу. А что здесь такого удивительного? – враждебно поинтересовалась Нона.

– Да как можно поклоняться линии? – обескуражил всех старец.

Даже Нона сделала шаг назад. И её такой ответ поставил в тупик. Стало совсем непонятно: то ли старец говорит правду, которая неведома студентам, то ли он над ними откровенно издевается.

Однако Нона быстро опомнилась и взяла себя в руки:

– Какой линии?

– Той самой! От которой отмеряются расстояния до других городов! – всё ещё улыбаясь и едва сдерживаясь от накатывающего смеха, объяснил мужчина. – Она же не живая! И даже ничем не напоминает чело-

века! Как можно превратить линию в объект поклонения? Или даже в бога?

Нона откровенно шла на конфликт. Этот старичок её вовсе не останавливал – девушка давно не оглядывалась на такие условности. Истина была дороже, и поведение, а в особенности слова этого клоуна, порядком израсходовали её ангельское терпение.

– Погодите, погодите! – встал между Ноной и старцем Антон, он стал догадываться, что перед ними, возможно, сам Понтий Пилат: – Вы же сегодня будете судить его! Так?

– Кого «его»? – удивился Понтий.

– Езуса! – ответил Антон, у которого тоже стало иссякать терпение.

– Сегодня я буду вершить суд. Это верно! – жёстко ответил Понтий Пилат. – Но суд мой! И он касается спора: кто из двух храмовых служителей прав.

– В смысле? – удивился Антон.

– В самом обычном смысле! Служитель одного храма утверждает, что линию отсчёта нужно проводить через Джаруславль, – отчётливым голосом стал объяснять Понтий Пилат суть запланированного процесса. – Его храм стоит на том, что и на севере есть такой же Джаруславль. Причём храмовники утверждают, что оба Джаруславля поставлены на одной линии Земли.

– Вы говорите про линию долготы? Восточной долготы? Вы говорите про город... Ярославль? – засыпал судью вопросами студент, первым догадавшийся о чём, собственно, говорит Понтий Пилат.

– Да! Об этой самой линии! Об этом самом Джаруславле! – уверенно согласился судья.

– А если это действительно так? Если на самом деле Ярославль и ваш Джаруславль расположены на одной и той же линии восточной долготы, что тогда? – удивился Антон.

– Если бы это оказалось так, – внимательно посмотрел Понтий Пилат на Антона, – то я, нисколько не сомневаясь, сразу же решил бы этот спор в пользу того храмовника.

– Так в чём же дело? Вот мы перед вами! Мы – здесь! Вот компьютер с системой навигации! Мы подтверждаем, что всё действительно так! – и Антон открыл карту в поисковике и наглядно продемонстрировал судье расположение городов.

Лишь на какую-то долю секунды у юноши мелькнул в сознании какой-то дурацкий вопрос: почему работает Интернет? Но Понтий Пилат не дал ему зацепиться за логический аппарат Антона и жёстко оборвал:

– Нет! Не действительно! Дело в том, что есть служитель другого храма. Он утверждает, что первый служитель ошибается в своих расчётах примерно на 250 километров.

– И что от этого меняется? – удивился кто-то из студентов.

– Меняется всё. Я поставлен здесь, чтобы блюсти точность измерений! Поэтому если второй служитель прав, то в таком случае я должен отказать первому. А после этого специальным решением установить линию отсчёта в 250 километрах восточнее. То есть в Ясрибе, или Медине, как некоторые называют этот город, – разъяснил Понтий. – В Ясрибе тоже есть здание точно такого же храма. И местные служители тоже посчитали, что их город стоит напротив русского Ярославля.

Студенты слушали Понтия Пилата, в совершенной отключке раскрыв рты. Нона сумрачно молчала и только в упор смотрела на Понтия Пилата. В её глазах уже не было той агрессии и враждебности. Но и доверия её взгляд не излучал.

Антон почувствовал себя растерянным. Ему срочно требовалась помощь. Моральная помощь. Он взглянул на Нону, намериваясь чуть-чуть опереться на неё, но девушка сверкнула на него несогласным взглядом. Тогда Антон вспомнил о Насте. Он оглянулся, поискав её глазами. Но девушки нигде не было.

Пришлось надеяться только на себя. Антон взял себя в руки, собрал всю волю в кулак, проделал и все остальные действия, предписываемые поговорками и пословицами, и после этого уже гораздо более уверенно спросил:

– Так ваш спор касается географии? Землемерия?

– А чего ещё может «касаться» Верховный Суд? – удивился Пилат, внимательно наблюдавший за внутренней борьбой Антона. – С меня народ требует, чтобы я людям правильно пастбища разметил да пашины размежевал. И больше ничего их так не интересует, как пределы собственной земли.

– А как же всё-таки Иисус?.. – по-прежнему всё ещё не понимая ситуацию, спросил один из студентов.

– Да, кто это? – наиграно разозлился Понтий Пилат.

– У нас некоторые верят, что Иисус – это мужчина, которого вы сегодня распяли на кресте, – терпеливо пояснил непонятливый студент.

– Поясните, когда и кого я распял? – подозрительно всматриваясь в говорившего, поинтересовался Понтий Пилат. – И объясните на каком кресте?

– Судя по всему, – продолжил объяснять непонятливый студент, – вы распяли сегодня человека по имени Иисус. Распяли на кресте, который установлен на Голгофе.

– Чушь какая-то! – удивился Понтий и громко рассмеялся. – Это туземцы молятся «своим» истуканам, которые в виде змеи установлены на высоком столбе или камне. Но мы-то знаем, что это наши пограничные столбы. Пусть туземцы молятся, а мы не можем за туземцами идти!

– Но..., – хотел продолжить студент.

– Ещё раз повторяю: моя миссия – разделять землю так, чтобы и люди были довольны, и географическая точность была соблюдена, – закончил спор Понтий Пилат.

Повисла тишина. Мозаичный пол на миг ожил и повернулся на один знак зодиака. Под напором случившегося такой поворот уже не вызвал никакого удивления. Каждый воспринял это как само собой разумеющееся.

– Тогда Ясриб, – ответил Антон, пожав плечами: он всё-таки ещё раз внимательно посмотрел в своём компьютере координаты Ярославля и Ясриба, – он точно напротив Ярославля. Посмотрите сами!

Антон протянул компьютер Понтию Пилату. Тот взял и с сожалением произнёс:

– Последний раз такой кристалл я видел в том самом Ярославле, лет так тридцать тому назад. Даже не знаю, цел ли он ещё и работает ли.

Студенты в сильнейшем удивлении переглянулись. Неужели Понтий Пилат действительно уже встречался с компьютером? Такого не могло быть!

Если только не путешествия во времени... Которые невозможны...

– Значит, вторые правы... – медленно произнёс Пилат, обдумывая предстоящие последствия. – Но я не могу уже ничего изменить. Я уже назначил церемонию закладки краеугольного камня. Вон на той горе под названием Крайняя Точка уже определено место, где будет посажено символическое дерево.

– Как, вы сказали, называется гора? – переспросил Антон.

– Крайняя Точка, – ответил Пилат и пояснил: – По-туземному – Голгофа. Как раз та гора, где, как вы говорите, уже стоит крест... На котором я кого-то сегодня распну.

– А дерево зачем? – удивился Антон.

– Принято так. Закон такой. На том месте, где проходит установленная линия раздела, надо высаживать дерево, – произнёс дракон, появившийся неожиданно и неизвестно откуда.

Дракон по-свойски подошёл к судейскому креслу Понтия Пилата и добавил:

– Иногда ставят большой камень. Иногда обелиск. У нас здесь мало деревьев, поэтому Понтий решил посадить дерево. Я должна проследить за этим.

– Привет, Азия! – прошептал Антон, узнав драконшу, а она заговорчески кивнула ему в ответ.

Сердце юноши заколотилось о не слишком просторные рёбра. Он даже никогда бы и не подумал, что окажется вот так несказанно рад появлению какого-то дракона. Но встреча...

– Так вот откуда возник символизм! – почти крикнул один из студентов. – Крест на Голгофе – это Мировое дерево. Оно символизирует начало координат.

Змей на дереве – это линия долготы. А сама Голгофа – это заповедное место для оформления всего географического комплекса.

– Так, молодые люди, – сразу же засобирился Понтий Пилат, – мне пора готовиться к заседанию. Спасибо, что помогли в решении вопроса.

– И вы нам помогите, – ответил ему Антон.

Он напомнил всем, что они здесь находятся не просто так, не в целях экскурсии, а по заданию:

– Помогите понять какое имя нам нужно узнать?

– Имя? – переспросили студенты.

– Имя? – переспросил Понтий Пилат и всерьёз задумался.

Было видно, что вопрос поставил его в тупик. Он обещал студентам помощь, но эту помощь оказать не мог. Это было неприятно – не смочь исполнить своего обещания! Такая немощ могла отразиться отрицательно на его статусе. Судьям не дозволено проявлять такую немощь.

– Может, линия? – предположил один.

– Нет. Такого имени я что-то не помню, – ответил озадаченный Понтий Пилат. – Может, Яхве, Ягве? У туземцев есть такой идол. Они называют его богом.

– Иегова, – поправил его Антон.

– А, может, Яга? Баба Яга? – голос Ноны прозвучал неожиданно, но очень отчётливо и внятно.

– Это я! – сразу же призналась драконша Ася. – В Гиперборее меня называют Ягой. А здесь милые туземцы статуйки ставят. Пускай, если им этого хочется.

Как только драконша закончила свою фразу, студенты очутились в своей аудитории, на своих местах. И кто-то даже успел топнуть, чтобы отряхнуть прилипший к обуви песок.

– Итак, – как ни в чём не бывало спросил профессор Вейзель. – Кто мне назовёт имя бога, которого Понтий Пилат распял на кресте, поставленном на горе под названием Голгофа?

Опыт препарирования мозга Бога

На белой хирургической кушетке, словно какой-то приготовленный к операции пациент, лежал распластанный и подключённый ко всем возможным аппаратам обнажённый мозг неизвестного происхождения. Вокруг него копошились какие-то существа, отдалённо похожие на инопланетян. Они были в белых халатах и масках, а на руках виднелись перчатки.

Только по их глазам внимательный следователь мог бы узнать в этих врачах – безусловных светилах современной науки – всё тех же самых студентов, странные опыты над которыми всё ещё продолжались.

Мозг был открыт, и к нему тянулись разноцветные провода. Светила науки, сверкая недюжинным умом, всерьёз пытались измерить разум и интеллект этого мозга с помощью обычного электромагнетизма. Они были уверены, что им будет достаточно таких инструментов – ведь исследует всего лишь интеллект, и не более.

В самом начале этого эпохального заседания даже произошёл небольшой инцидент. Один из наиболее выдающихся докторов, настроенный скептически, предложил измерить интеллект и разум обычной школьной линейкой. В ней тоже имелись деления и поверх них были проставлены цифры.

Коллеги его, конечно, «освистали». Ведь осциллограф внушал большее доверие, чем школьная линейка. Его экран, по крайней мере, был круглым! Хотя многие

согласились, что в первом приближении разум хорошо исследуется и линейкой тоже – но не обычной, конечно же, а логарифмической.

Однако эксперимент был уникальным не по причине передовой техники измерений. Уникальность заключалась в том, что мозг, который намеривались исследовать врачи, был непростым. Тот, кто принёс его в лабораторию, утверждал, что это мозг Бога.

Исследователи, чтобы проверить это заявление, сличили подопытный мозг с другими доступными образцами и пришли к обоснованному заключению, что, по крайней мере, этот мозг был взят из головы покойника, который, как две капли воды, был похож на изображение Бога с христианских икон.

Как известно, основной научный принцип состоит в том, чтобы эксперимент был повторяем, и при каждом очередном повторении учёные получали тот же самый результат. Поэтому, чтобы убедиться в правильно проведённой идентификации исследуемого мозга, коллеги собственноручно сравнили фотографию покойника (бывшего хозяина вынутого мозга) и бога, изображённого у него же на нагрудной иконке.

– Совпадение полное! – уверенно констатировал один из докторов.

– Это один и тот же человек! – столь же уверенно подтвердил другой.

– Не человек! Это – сам Бог! – развил мысль коллег третий.

В прежние времена учёные не имели в своём распоряжении действенных научных методов, позволяющих им исследовать не только физическую или химическую сторону бытия, но и религиозную. Но теперь такой метод и соответствующие инструменты появи-

лись. А поскольку эти светила науки в своё время прослушали курс теологии на «отлично», то сомнений в том, что перед ними находится именно Бог, никаких не оставалось.

Надо, конечно же, отметить, что далеко не все врачи и доктора разделяли такой распространённый способ идентификации личности. Однако открывать дискуссии по этому поводу никто из них не стремился. И, конечно же, это потому, что, в первую очередь, им было интересно само исследование, а не споры о методе, никак не затрагивающие самой сути этого интереснейшего эксперимента.

Перед началом своего эпохального исследования доктора переглянулись, как бы напутствуя друг друга, одновременно ища друг у друга поддержки, и принялись исследовать уникальный мозг, достоверно определённый, как мозг Бога.

– Если Бог не является организмом, может ли он быть разумен? – тем временем, не очень впопад, произнёс скептик, который раньше предлагал для исследований линейку.

– В Организмике существует закономерность, называемая «Рыбка Организмики», которая устанавливает: разумным может быть лишь живой организм. То есть, если Бог – не организм, то о разумности в отношении него речь идти не может? – ответил ему доктор, не разделявший концепцию теологически построенных исследователей.

– По определению, Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней, – напомнил его коллега и деловито коснулся пальцем одного из проводов. – Среди этой совокупности встре-

чаются как неживые (части живых организмов), так и живые организмы. Последние – разумны.

После этого врач убрал свой палец от провода, глубоко задумавшись над полученными от контакта ощущениями.

– Что же получается: если Бог не разумен в целом, то не существует совокупной разумности совокупных организмов?

Эксперимент продолжался, и в этот момент один из теологически подкованных докторов, не слушавших этого разговора, с серьёзным видом отцепил провод от одной доли мозга и прицепил его к другой. Его коллеги упёрлись взорами в экран осциллографа и принялись синхронно следить за гулявшей там синусоидой. Луч прибора описывал её, не сбиваясь абсолютно нигде: синусоида оставалась по-прежнему синусоидальной.

Такое поведение луча предполагало весьма важные научные выводы. Во-первых...

– Дискретно разумен, – ответил в этот момент на предыдущий вопрос один из участников предыдущего разговора. Он не питал особой теплоты чувств к теологии.

– Но разумность, точнее, дискретная разумность составляющих эту совокупность организмов, она-то ведь существует?

– Дискретная разумность каждого отдельно взятого живого организма, конечно же, остаётся!

– Следовательно, эта самая дискретная разумность и является Разумностью Бога?

В этот момент теологически настроенные доктора оторвали свои пытливые взоры от синусоиды, всё ещё ползающей на экране дисплея осциллографа, и,

обильно посоветовавшись, решили вернуть ранее перенесённый провод на его прежнее место. Проведя эту ответственную операцию, они продолжили наблюдать за уже другой, но абсолютно такой же синусоидой.

– Интересно отметить следующее. Для того чтобы Бога наделить дискретной разумностью, те живые организмы, которые производят эту дискретную разумность, должны каким-либо образом воздействовать на «органы чувств Бога». Этим они будут давать знать Богу о своей разумности и о степени её величины, – продолжили разговор нетеологически настроенные доктора.

– Вопрос существования органов чувств у Бога? – задумался коллега и сам же ответил: – Это вопрос контроля.

– Может ли Бог контролировать внешнее своё окружение?

– Ответ отрицательный, – уверенно ответил собеседник и объяснил? – Поскольку, по определению, Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней.

– Следовательно, те внешние раздражители, что намереваются считаться внешними, по определению являются частью Бога – то есть, они находятся внутри него.

С выражением лица, полного исследовательской досады, теологический доктор снова отключил тот же самый провод от одной доли мозга и снова присоединил его к другой. Его подкованные коллеги теперь были абсолютно уверены, что именно такое подключение являлась самым правильным.

Проведя такую перенастройку оборудования, они снова вперились в экран осциллографа и с новой пор-

цией энтузиазма принялись следить за всё ещё той же самой, но теперь уже кардинально иной синусоидой.

– Внутренний контроль может осуществляться полной разумностью. Однако разумность пока находится в стадии вопроса, – продолжили своё общение метеологические доктора.

– Хорошо! Но, углубляясь в части, мы всё-таки обнаружим части? Такие, которые подвергаются контролю свыше. Пока – не самого Бога!

– Или тот же вопрос, перефразированный несколько иначе: если проследить контролируемость вверх по организмической цепи, – можем ли мы придти к тому, что итоговым контролёром выступит Бог, разумность которого в стадии вопроса?

– Поиски ответа на эти вопросы сложны. Но вот один из них. Не имея внешних органов контроля, Бог, следовательно, не имеет органов чувств, настроенных на внешние раздражители.

– И, следовательно, Бог не чувствует внешнего?

– Да. И это, с другой стороны, подтверждается и тем, что из определения следует: внешнего по отношению к Богу не существует. То есть Богу не нужны внешние органы чувств, потому что внешнего попросту не существует.

Доктора, которые всё это время ответственно следили за синусоидой, снова решили изменить ход эксперимента. Они ввели новую струю: заменили провод с красной «рубашкой» проводом с синей «рубашкой» и вдобавок к этому концы последнего поменяли местами. И после этого снова уставились в экран осциллографа.

А там возникла прежняя синусоида, не обнаруживающая никаких различий с предыдущими своими же

вариантами. Однако один из докторов стал утверждать, что она изменилась. Причём изменилась абсолютно!

Только чудом можно было объяснить то, что это знаменательное событие не прошло незамеченным. Доктора поздравили друг друга, посоветовались и решили, что такое важное изменение необходимо записать в журнал хода эксперимента.

После этого исследователи решили развить свой успех и поменяли синий провод на чёрный. Затем снова стали наблюдать, конечно же, за изменившейся синусоидой.

– Но если Бог дискретно-разумен, может ли он сам быть заинтересованным в росте разумности каждой своей дискретной части?

– Я отвечу вам, коллега, вопросом на вопрос: возможно ли, что заинтересованный в росте своей разумности конкретный дискретный участок «работает» на повышение дискретной разумности Бога?

– Согласен, вопросов больше, чем ответов. Вот ещё один: если каждый дискретный участок заинтересован в развитии своей разумности, то каким образом влияет это увеличение на интегральную разумность дискретных разумностей?

Таким образом, спорщики углубились в какую-то тёмную область бытия, где существовали одни лишь вопросы. Тем более что все эти вопросы были и сами по себе полностью непонятными и не допускали по этой причине формирования хотя бы какого-то ответа. Пусть даже неправильного. Человек, не понявший, о чём его спросили, ничего не мог ответить.

А у теологически подкованных исследователей тем временем наметился очередной прорыв. Один из

докторов-теологов не выдержал научного напряжения и легонько ударил по осциллографу. Синусоида в ответ обиженно дёрнулась, а другие доктора стали восторженно и воодушевлённо смотреть друг на друга, явно предвкушая скорое великое открытие.

– Принято считать, – произнёс нетеологически настроенный доктор, нейтрально взирая на процесс научного избиения осциллографа, – что человек – единственное в мире существо, наделённое разумом, и Бог сверхсильно заинтересован в духовном росте человека.

– За этим интересно понаблюдать, – поддержал его коллега, явно намекая на команду теологов, пытающихся в лучших традициях средневековой Инквизиции путём пыток и избиений добиться от не слишком откровенного осциллографа необходимых им показаний.

– Бога интересует в человеке душа, подобная некоему выращиваемому организму, посеянному в телесную оболочку человека, – присоединился к их разговору один из докторов-теологов. – Процесс роста души проходит несколько стадий и сменяет несколько телесных оболочек. Именно душа является объектом наказания, если Бог пожелает таковое к человеку применить. Именно душа является объектом поощрения со стороны Бога.

– То есть тело человека – это горшок для выращивания?

– Тело человека является «сосудом» для выращивания души.

– А некоторые говорят – транспортом.

– Имеется также и трактовка переселения душ.

– Есть теория вылета души из тела человека во время его сна.

После окончания этой серии невопросов и неотвеченных вопросов группа исследователей, наблюдавшая за крайне информативной синусоидой, решила обратиться к остальным учёным за небольшим советом:

– Коллеги! Как вы думаете, какой цвет проводов более угоден исследуемому нами мозгу Бога?

– Вы это серьёзно? – удивились нетеологически настроенные доктора.

– Конечно, серьёзно! – ответили доктора-теологи. – Мы же должны соблюдать церковный канон. Нельзя же, допустим, применять провода в полоску. Потому что полоска не описана в библии.

– Вы правильно мыслите! – поддержал их доктор-нетеолог. – И вот что вам нужно сделать. Все провода должны иметь цвет монашеского одеяния!

– Ага! То есть чёрный! – восхитились гениальному решению проблемы доктора-теологи.

Ведь цель монашества в том и состоит, чтобы стать ближе к Богу. А это, в свою очередь, значит, что и Богу монахи ближе всего. Следовательно, и цвет монашеского одеяния наиболее угоден Богу.

– И как мы раньше не догадались? – искренне удивились доктора-теологи.

– Но это ещё не всё! – продолжил доктор-нетеолог. – Самое главное – форма проводов!

– Как это?

– Каждый провод должен быть изогнут в форме креста!

– Конечно! – стали лупить себя по лбу доктора-теологи.

Именно по этой причине на всех церквях и на всех объектах поклонения находится крест или его изображение. Это же прямая связь с Богом. И она установлена

на с помощью креста именно потому, что Богу угодна такая форма.

– Как же мы сразу не додумались до этого!

Они принялись с новым приступом духовного рвения перенастраивать аппаратуру, а нетеологи продолжили разговор.

– Снова вспомним определение: «Бог – коллективная матрица полной совокупности организмов всех уровней». Поэтому говорить о конкретном индивидууме рано. Естественно, имеется вклад души каждого человека в общее дело. Но что это за общее дело для такого организма как человек?

– Таким общим делом для организма «человек» является вышестоящий организм.

– Но тогда это уже не человек, и, естественно, ещё не Бог.

– Рано ещё о Боге.

– Есть ещё звёзды и галактики.

– Об их душах мы не знаем пока ничего. Есть ли они?

– Общее дело это то, в чём смыкаются наши души. Его следует искать ближе.

– Например, семья?

– Да! Каждая семья несёт в себе организованную сумму душ её членов. Мы же, находясь, например, в командировке, знаем, что в определённом месте есть определённый человек. Два, три, ... Этот человек делает общее для нас дело. Он поступает в общих для нас интересах. Он является частичкой нашей семьи.

– Есть ли у семьи своя душа? И вообще, семья ли – тот минимальный организм, который располагается выше человека всего на один организмический уровень? Вот такие вопросы возникают в этом случае!

Тем временем доктора-теологи уже изогнули все провода, аккуратно придав им форму канонического креста. Они выглядели довольными и в предвкушении новых реальных подвижек в своём исследовании обратились к коллегам:

– Ну, вот, мы готовы!

После этого доктора-теологи снова включили осциллограф и стали смотреть за поведением синусоиды. Они следили внимательно. Что-то явно происходило. Но зафиксировать это всё никак не удавалось. Посовещавшись, решили понаблюдать ещё.

– Вспомним ещё раз определение понятия «организм»: организм – любой набор информации, ограниченный управляющей матрицей. Если строго придерживаться этого определения, то под это определение семья, безусловно, подходит.

– Конечно, подходит! Каждый член семьи совершает вполне определённые действия, направленные на поддержание семьи в целостном виде. Каждый член семьи совершает действия, связанные с обеспечением семьи в целом питанием!

– Всё сходится на том, что, возможно, именно семья является тем организмом, который находится на один организмический уровень выше, чем человек.

– Хорошо. А теперь давайте рассмотрим: есть ли душа у семьи?

– В народе говорят: «Муж и жена – одна сатана»!

Несмотря на полное погружение в созерцание всё ещё не уверовавшей синусоиды, на слово «сатана» доктора-теологи среагировали молниеносно. Они с окаменелыми физиономиями и угрожающим видом повернулись к говорящим и всем своим настроением требовали от них объяснений.

– Это мы вам намекнули, – своевременно нашёлся доктор-нетеолог, который ранее посоветовал докторам-теологам изогнуть провода в форме креста. Лица теологов расслабились и повисли в полном непонимании: – Вы забыли окропить мозг святой водой!

– Точно! – снова принялись лупить себя по лбу доктора-теологи.

Это надо же было допустить такой промах! При всей своей вере и не сделать самого главного! Один из докторов-теологов молниеносно выбежал из лаборатории. Остальные принялись ответственно его ждать. А нетеологи продолжили свою заумную беседу.

– Как уже давно подмечено, супруги, а впоследствии и их дети, соответствуют друг другу всем своим внутренним миром – то есть душами.

– Следовательно, существует некий параметр, котирующий душу каждого члена семьи и устанавливающий соответствие членов семьи друг другу.

– То есть, в семье есть определённый набор единичных душ – членов семьи, соответствующих друг другу?

– Видимо, да.

– С другой стороны, понятие «семья» показывает, что в определённом жизненном пространстве собран ограниченный набор точно обозначенных индивидуумов – членов семьи. Коих не менее двух и не более некоторого числа, установленного обычаями и законами.

– То есть, получается, что семья действительно имеет душу. И эта душа представляет собой совокупность управляющих семьёй матриц. К таким управляющим матрицам можно отнести духовные связи, логические доводы, поведение, интересы, акты и многое другое. Да, в очередной раз приходится согласить-

ся: видимо, это действительно так. И поскольку семья – это организм, то семьёй занимается социология. И она находит что в семье изучать.

Прибежал убежавший. Он принёс объёмный сосуд со святой водой и какую-то распушённую кисточку.

– У самого ректора выпросил! – борясь с одышкой, торжественно отчитался он.

Коллеги одобряюще закивали и со словами одобрения и благодарности принялись готовиться к сокровенному ритуалу освящения. Когда всё было готово, неожиданно выяснилось, что никто из них даже и не знает как это делать.

Доктора-теологи, нисколько не смутившись от такого своего отношения к вере, стали впопыхах вспоминать как производится процедура окропления святой водой. Почти все видели это действие по телевизору. Поэтому вспомнили быстро: нужен был правша. Такого быстро нашли, проведя небольшую серию тестов – каждый испытуемый должен был написать «Иисус воскрес!» Только один доктор из теологов написал эту фразу правой рукой. Остальные оказались левшами.

Выявленный правша получил в своё распоряжение кисточку и святую воду, а также большую кучу однообразных наставлений. Он поокунал кисточку в воду нечётное количество раз. Точнее, три раза. После этого он же махнул мокрой кистью сначала на препарированный мозг, а затем и на расположенную вокруг аппаратуру.

Исследуемый мозг никак не прореагировал на это действие. А вот аппаратура отреагировала. Она ответила – небольшой струйкой едкого дыма.

– Хороший знак! – пришли к очевидному выводу доктора-теологи и подали напряжение.

Они снова уставились на экран осциллографа и приготовились привычно отслеживать одинаковую синусоиду. Но некоторое время ничего не происходило. Это тоже было воспринято как закономерность. А потом показалась очередная струйка дыма.

– Во! – восхищённо произнёс один из докторов-теологов и перекрестил себя, всех и струйку дыма. – Как кадило!

– Это однозначно показывает, что всё мы делаем правильно! – подтвердил второй, присоединяясь к процессу крещения.

Они с восхищёнными лицами снова уставились на экран осциллографа и принялись ждать синусоиду с таким одухотворённым вожелением, словно ожидали появления самого Иисуса.

– Семья – ячейка общества, – продолжили разговор доктора-нетеологи, только удивляясь коллегам. – Общество – организм, стоящий выше семейных ячеек и состоящий из них.

– И тогда снова возникает тот же вопрос: есть ли у общества душа?

– У человека – есть. У семьи – есть, – посмотрев на уставившихся в осциллограф, говорящий с улыбкой добавил: – У всякого общества существует совокупность ритуалов, сказаний, законов, норм, регламентирующих и направляющих жизнь этого общества в определённых пределах. Эта совокупность и есть душа.

– А вообще, у них горит конденсатор или сопротивление, – заметил другой доктор-нетеолог.

Однако теологи не обратили никакого внимания на это замечание. Они находились в каком-то полугипнотическом состоянии, и им уже начало казаться, что синусоида в очередной раз стала меняться.

– Поднимаясь по ступеньке одушевлённости, видим, что верхний её предел приводит к Богу, который контролирует части.

– На какой стадии контроля ограничен рост души?

– Только не на человеческой. Возможно, той итоговой управляющей матрицей, которая нас выстраивает в правильном порядке, выступает сам Бог. По крайней мере организация совокупности душ приводит нас к Богу.

– Совокупная душа имеет начало интеграции – человек.

– Да, пока мы пришли к такому заключению. Пока, потому что выгонишь ли ты свою любимую собаку – нет, она же член семьи. И это новое «начало интеграции» – и оно разумно.

– Разумны ли составляющие его организмы?

– Интересно проследить ответ на этот вопрос на примере рассмотрения жизнедеятельности любой производственной организации – предприятия. Каждый работник, являясь частью предприятия, решает всё-таки свою узкую задачу. Токарь – точит; шлифовщик – шлифует; чертёжник – чертит...

И вновь безмерно поглощённые своим исследованием доктора-теологи отреагировали мгновенно. Они с суровыми и злобными лицами уставились на докторов-нетеологов:

– О каких чертях вы тут говорите?

Доктора-нетеологи сначала опешили, пытаются вспомнить того самого чёрта, который так напугал их коллег. Но потом один из них нашёлся и ответил:

– Черти? Да, это те, кто вам мешает начертить правильную синусоиду!

– Подробнее!? – заинтересовались доктора-теологи, а угрожающие физиономии их немного обмякли.

– Вы же видите дымок?

– Да.

– Вы сами же правильно определили, что он схож с дымом от кадила.

– И?

– Ну, что «И»? Как только этот дым разгонит всех чертей, засевших в осциллографе и вычерчивающих всё время «пьяную» синусоиду, то...

– То...?!

– То осциллограф покажет вам настоящую линию мозга Бога!

Доктора-теологи снова уставились на осциллограф и на всё ещё идущий из него дымок. Стали ждать, сохраняя на всякий случай злобные лица.

– Возвращаясь к организации, отметим, каждый из её участников думает только о своём, узком направлении, принимает решения только внутри своего сектора решаемых задач.

– Вот, так же, как наши передовые доктора-теологи!

– Но результат получается общим – предприятие решает задачу в целом: разработан, изготовлен и реализован продукт совместного мышления, совместного применения разума входящих в предприятие людей. Смотрим дальше. На рынке предприятия воспринимаются как единичные игроки. Предприятия ставят для себя цель, как для единого целого, которую как целое и достигают. Предприятие в целом – разумно.

– А отдельные его члены – нет, – ответил доктор-метеолог, взглядом показывая на докторов-теологов.

Они с неопи­сываемым внима­нием смотре­ли на дис­плей осцилло­графа.

– В итоге, поднимаясь по ступеньке разумности, видим, что верхний её предел приводит к Богу. Который контролирует части.

– На какой стадии контроля ограничен рост разумности?

– Пока не ясно, но только не на человеческой. Организация совокупности разумных частей приводит нас к Богу.

– Можно ли назвать Бога совокупным разумом или совокупно разумным?

– По крайней мере расположенные организмы уровнем ниже Бога разумностью обладают. То есть разумны. Но вопрос о разумности самого Бога пока остаётся в стадии поиска ответа.

В этот момент сопротивление в осцилло­графе догорело. Оно, словно на прощание, вспыхнуло крохотной искоркой. А затем разорвало какую-то важную цепь в этом нужном приборе. Синусоида исчезла, а вместо неё появилась прямая линия.

– Изгнали мы ваших чертей! – торжественно оповестил один из докторов-теологов. – И линия стала изумительно прямой!

– Я же вам говорил! Линейкой надо измерять разум «Бога»! Линейкой...

Первый камень и начало времён

Уже и не помня, от кого убегали, Антон и Настя выбежали на неизвестную им лесную поляну. На ней уже разместилось множество каких-то непонятных людей. Они были одеты в разнообразные богато

оформленные костюмы. На поляне также размещались расписные русские терема. Да и на домах поменьше коньки были украшены по-старинному. Создавалось впечатление, что здесь снимается какой-то футуристический фильм о мифологических царских событиях Древней Руси.

Антон, обращаясь к пробегавшему мимо мальчику в расшитом золотом ярко красном кафтане, поинтересовался:

– Это мы где?

– Здесь, – без обиняков ответил мальчик.

– Где «здесь» и что «здесь»? – добавила Настя.

– Здесь был сумасшедший худой мужик. Он перепутал нашу систему. Теперь мы не знаем как нам занять места и что делать.

Ничего пока не понимая, Антон и Настя посмотрели на небо. Там, толкаясь боками и огрызаясь молниями, с огромной скоростью собирались тяжёлые снежные тучи. В то же время почти в одной и той же точке оказались Солнце и Луна. В лесу тоже было не ладно: часть деревьев стояла голой, часть была покрыта жёлтыми листьями, а на некоторых деревьях только проклёвывалась юная и свежая листва, как бывает в конце апреля – в мае.

Антон посмотрел под ноги. С травой творилось тоже что-то невообразимое. Местами она оставалась зелёной, местами – жёлтой, а местами лежали снег и лёд.

Протекавшая через всю поляну река тоже покрылась непонятными льдинами, между которых, наперекор морозу, продолжали цвести кувшинки и беззаботно летали стрекозы.

– Что у вас тут за ерунда творится? – удивился Антон. – Такое ощущение, что перепутались все времена года и все месяцы. Расскажи подробней, что у вас тут случилось?

Мальчик пожал плечами, всем своим видом показывая, что сам ничего не понимает. Но делать нечего – стал рассказывать то, что видел, и то, что знает:

– Нашей деревне уже очень много лет. И все люди здесь – долгожители.

– Да, ладно! – недоверчиво протянул Антон, пристально разглядывая стоящего перед ним мальчика.

– Мне – семь тысяч лет. Моим братьям – столько же. Наша царица Мокошь вязала платок под названием Русь. Он получался очень красивым. Самым драгоценным и самым любимым у царицы, – продолжил мальчик. – Но недавно упал с горы огромный камень. Он придавил уже связанную часть платка. Царица Мокошь, не обращая на это никакого внимания, вяжет, а платок начинается путаться. С тех пор в нашей деревне нарушился порядок хода вещей. Мы толкаемся, не можем разобраться кому за кем идти.

Антон и Настя не могли вот так с ходу поверить в эти небылицы. Они недоверчиво посмотрели на камень. Он казался огромным! Это был, в общем-то, даже не камень, а целая гора!

– Как же можно его вообще с места сдвинуть? – вслух подумали они.

А мальчик ответил:

– Если вы его уберёте, то платок распрямится, поляна повернётся и укажет вам обратную дорогу. В противном случае вы останетесь с нами, поскольку правильной дороги теперь не знает никто, и вы сами её никогда не найдёте.

– А ты не знаешь где тут у вас растёт цветок папоротника? – попытался отшутиться Антон.

Но мальчик ответил вполне серьёзно:

– Нет. Теперь не знаю. Если бы не было этого камня, то вы сами бы увидели этот цветок.

Антон и Настя поняли, что выход из ситуации есть, но он действительно связан с этим обвалившимся камнем. Его нужно было убрать.

– Лопата найдётся? – спросил Антон у мальчика.

Тот кивнул, убежал и через несколько минут прибежал с лопатой. Антон взял инструмент и прокопал не очень глубокую канавку – от речки, около камня, и затем канавка опять входила в реку. Вода тонкой струйкой начала течь по этой канавке. Она постепенно размывала песок, находящийся сбоку от камня.

Настя задумчиво посмотрела на небольшой поток и произнесла:

– Хорошо бы было бы ускорить процесс.

– Хорошо бы, – согласился Антон и, чуть подумав, обратился к реке: – Речка-реченька река, водица многоструйная, пусть твои дочери-струи и сыновья-потоки помогут нам рукав расширить. Мы камень уберём, а тебе озерцо с глубокими омутами в подарок останется.

– Прелестно, – проплескала речка, и её струи и потоки весёлыми бурунами, словно ковшами, стали вычёрпывать песок около камня и уносить его прочь.

В итоге уже через некоторое время водный рукав образовался такой ширины и глубины, что подточил грунт под камнем. Тот сдвинулся с прежнего места, рухнул в рукав и запрудил его.

Камень освободил придавленный им платок, который вязала Мокошь, и платок наконец распрямился.

Словно подчиняясь какому-то невидимому плану, все, кто находился на лужайке, быстро отыскивали свои правильные места в общем порядке. Настя увидела это упорядочение и, обращаясь к Антону, произнесла:

– Прямо как камень Алатырь, который мы с тобой поставили в центр Океана!

– Ты права, – услышал её мальчик, с которым студенты разговаривали чуть ранее. – Эту реку зовут Океана, а мы её ласково зовём Ока. Она окружает наше царство со всех сторон, а теперь у нас есть ещё и остров! Смотрите, он как буй на реке! А давайте его так и назовём – Буян!

Пока радовались, мальчик вспомнил об Антоне и Насте:

– Спасибо вам!

– На здоровье, – немного ответил Антон.

– Для нас этот камень очень важен. Он – столица Гипербореи, – продолжил свой рассказ мальчик. – Как-то давным-давно на нём отдыхала русалка Рось, и к ней посватался бог Перун. Они полюбили друг друга, и от их брака пошли русские люди. От этого камня тянется Ось Мира. А вся наша волшебная страна называется Русь. Это имя означает «Земля Ра, лежащая около Оси», то есть Русь – это Источник людей, расположенный в Центре Мира.

– Это не об этих ли местах писал Геродот? – поинтересовался Антон.

– А кто такой Геродот? – удивился мальчик.

– Грек, – ответил Антон.

– Из горцев знаю только Аполлона. Он прилетал к нам. Часто. Мы с ним беседовали. А о Геродоте он даже не упоминал.

– Конечно, не упоминал, ведь Геродот жил на много лет позже Аполлона. И Геродот упоминал об Аполлоне и его полётах в Гиперборею, то есть на Русь, – ответил Антон, явно стремясь поразить мальчика своими знаниями истории.

Но мальчика выдуманнные знания не интересовали, тогда Антон спросил:

– А почему у вас камни то там, то не там так вот залёживаются?

– А потому что так и должно быть. В нашем царстве ничего не происходит случайно. Это не первый камень, который падает и перекрывает платок, который вяжет Мокошь, – ответил мальчик. – Как раз семь тысяч лет назад было последнее такое бедствие. Тогда царь наш Сварог ушёл на юг Стену против туземцев возводить. Вместе со змеей Горынычем они Змиевы валы пропахали от Англии до Кореи. И как раз когда не было Сварога, этот камень и свалился. В те времена, так же как и сейчас, пришли мальчик и девочка. Они, как и вы, прокопали рукав от реки, и камень туда упал. Девочку звали Рось, и она была русалкой. А мальчика звали Перун, и был он сыном Сварога.

– А не о них ли ты только что упоминал?

– О них. Как-то сидела Рось на этом камне и звёзды считала, а Перун застал её, и от их любви русские люди пошли. Было это ровно 7510 лет от сегодняшнего дня, то есть по вашему счёту 5508 лет до вашей эры.

– То есть камень – это отсчёт времени? – спросил Антон.

– Да, – ответил мальчик. – Новый камень падает каждые две тысячи сто сорок три года. Со временем старый камень так глубоко в землю врастает, что его

становится не видно. Поэтому с горы падает следующий камень.

– Тогда почему этот камень, – Настя показала на только что сброшенный в реку обломок скалы, появился не по расписанию?

– Я же вам сказал, – ответил мальчик. – Появился бешеный худой человек и свалил на нас совсем чужеродный камень.

– Зачем? – изумился Антон.

– Бешеный худой человек сказал, что это Камень Первый, мол, от него теперь пойдёт летоисчисление на Руси.

– А как звали этого человека?

– Так же и звали! – пожал плечами мальчик. – Камень Первый, или по-гречески Пётр Первый.

Антон и Настя, мягко говоря, очень удивились, но одновременно и поняли почему Пётр Первый уничтожил семь тысяч двести лет русской истории, установив иноземную дату отсчёта лет.

– А самый первый камень когда падал? – спросил Антон.

– Это было почти двадцать шесть тысяч лет назад, – ответил мальчик. – Камень этот упал в первый раз. Мы не сразу и поняли что с ним делать. Но позже появились девочка и мальчик. Они подкопали камень, пустив близ него реку по имени Ока. Камень упал в омут, и появился Центр Мира.

– А как их звали? – спросила Настя.

– Девочка и мальчик любили друг друга, – ответил мальчик. – Но как их звали, я уже и не помню. Помню, что они не старились. Так молодыми мы их и погребли. Могилка их находится в деревне Сунгирь. Мы их

положили, как они и хотели, голова к голове. Вокруг их могилы образовался город Владимир.

Антон и Настя посмотрели друг на друга, потом по сторонам. Ситуация на лесной полянке выровнялась и стала похожей на какую-то идиллию. Точнее, на рай. Почти посередине ребята увидели странный цветок. Всё тот же мальчик сказал им:

– Берите! – это подарок вам от нашего мира.

Антон сорвал цветок, и через мгновение он уже тянул руку с только что сорванным цветком к бабушке. Перемещение никак не почувствовалось.

Да и было ли оно?..

Хотя цветок-то был...

– Спасибо, Антоша, – ответила бабушка. – И тебе, Настенька, спасибо. Вот, теперь буду лучше видеть.

– Бабуль, – спросил Антон, – а что это за мальчик там, который всё про всех знает?

– А... – ответила бабушка, – это Кощеюшка. Ему уж столько лет, что и никто не помнит. А он всё в мальчика рядится?

Рюрик и небесные шахматы

На засыпающих часах с трудом «стукнуло» 3:52. Поскольку был октябрь, то за окном всё ещё стояла непроглядная темнота. Основоположник всматривался во мрак ночи, словно хотел ускорить наступление рассвета.

Но Солнце никогда не обращало внимания на желания человека и никогда не сворачивало со своего пути. И сейчас оно не собиралось менять привычный ход событий, уступив небосвод великой игре.

Основоположник посмотрел на слабое мерцание звёзд и задумался о шахматах – из всех возможных ас-

социаций эта древняя игра сейчас почему-то первой пришла ему на ум. Потекли специфические фантастические сюжеты. В них ошалевшие от «крови» пешки рубили головы беззащитным королям, а разъярённые кони топтали этих пешек подкованными железом копытами.

Всё действие сильно напоминало войну незатейливых роботов, которые бились между собой за право быть ближе к электрической розетке, чтобы потом управлять другими. И при этом победителям и проигравшим не хватало интеллекта, чтобы понять: война идёт в рамках матрицы шахматных клеток, определённых кем-то гораздо более главным.

Можно было бы придумать, что Рюрик появился в сверкающем луче света. Это было бы гораздо художественней. Но это было бы неправдой – за окном по-прежнему располагалась ночь, и никакого света, кроме звёзд, вовсе и не было.

– Здравствуй, внучок! – поздоровался Рюрик, глядя на основоположника в упор.

– Здравствуйте! – заикаясь, ответил тот.

Гость прошёл вглубь комнаты и с удовольствием развалился в мягком кресле. Он с неподдельным интересом оглядел «хоромы» «княжеские» и остановил свой взор на картинах Дали. Это были цветные литографии, сделанные собственноручно автором при иллюстрировании «Божественной комедии». Заключённые в золочёные оправы, они прекрасно передавали великое сумасшествие Сальвадора.

Рюрик подошёл к картине, на которой был изображён летящий дракон, несущий на своей спине юношу и девушку, и удивился:

– Это дракон Велес! Похож! Он куда-то несёт твоих ребят... Как ты их назвал?.. Антона и Настю...

Увидев царя Кефея, Рюрик задумался. А затем неожиданно произнёс:

– Конечно же, ты знаешь, что появление шахмат ваши историки приписывают туземцам Индии.

После этого гость, ничего не объясняя, решительно вошёл в открытую на мониторе страницу и уже в том пространстве стал убедительно объяснять Антону:

– Однако это не так. Ещё мои предки играли в шахматы. И даже сами разыгрывали эти события на небесах.

– Как это «на небесах»? – удивился Антон.

– А вот так! Слушай! – сказал Рюрик и стал рассказывать историю игры, которая раньше не особенно волновала Антона: – Шахматы – это древняя игра. Ей не тысяча лет, как считают «ваши» не ваши учёные. Ей значительно больше лет! И никакого отношения к дремучей туземной Индии эта игра не имеет. В её основе лежат древнерусские астрономические знания о приполярных созвездиях.

В последнее время привыкший ко всевозможным чудесам Антон сейчас достаточно быстро взял себя в руки и принялся искать конструктив в состоявшемся общении. Юноша уже давно понял: если что-то случается, то, значит, оно так и задумано. У Антона пока не было ответа кем задумано. Но он решил строго придерживаться правила: кто бы где бы ни появился или оказался – ищи позитив.

– А причём здесь астрономия? – удивился Антон.

Ему никак не удавалось создать в мозгу хоть какую-нибудь действенную модель, которая сопоставила бы шахматы и звёзды. Разве что использовать тёмное небо как экран и на него проецировать гигантские фигуры шахмат? Но зачем такие изыски? Ведь и малень-

кими шахматами с удовольствием играют. А, кроме того, во времена Рюрика проекторов не было...

– Не было, – подтвердил Рюрик, как будто услышав хвост не произнесённой вслух мысли. – Конечно, не размер здесь имел значение...

Оказалось, дело было древнее, и оно было вот в чём.

Четыре воинства небесных – одно белое, другое чёрное, третье красное и четвёртое синее – разделены так испокон веков. Это случилось так давно, что даже Рюрик не помнил о тех временах – не сохранилось о них ни сказок, ни песен. И старейшины ничего не рассказывали.

Почти...

Белое воинство всегда обозначало белых людей, живущих в северных землях и строивших гиперборейскую или, как сегодня её называют, русскую цивилизацию. А чёрное воинство обозначало чёрных людей. Они жили в южных землях и не знали цивилизации. Так уж получилось, что они позже стали создавать орудия труда и позже превратились в человека. Красное воинство обозначало восточных людей, а синее – западных. И красные, и синие тоже цивилизации не знали.

С самого начала времён эти народы были разделены и поселены так, чтоб ни один из них не касался другого. Древние мудрецы знали, что если эти народы придут в соприкосновение, то разразится война.

– Почему сразу война? – удивился Антон, хотя сам, представив такую же ситуацию, пришёл к аналогичному выводу.

– Этот вопрос мы обсудим потом. Это очень сложный вопрос. Его сходу не решить. Сейчас давайте рассмотрим ситуацию к шахматам, – отреагировал Рюрик. – Древние русские цари и князья развивали

свою воинскую науку на игре в шахматы. Давай вместе посмотрим как называются фигуры в этой игре, и ты всё сам поймёшь.

– Сначала обратим внимание на самые слабые фигуры – пешки. Их восемь у каждой стороны, в каждом лагере или стане, – стал рассказывать Антон общеизвестные вещи. – Один король, один ферзь, два коня, два слона и две ладьи. Вот и весь набор.

– Неправильно! – возразил Рюрик.

– Как это «неправильно»? – удивился Антон. – Да все знают как называются шахматные фигуры!

– Мало ли что там «все знают»! – снова возразил Рюрик и повторил: – Ты назвал фигуры неправильно.

– А как правильно?

– Солдаты. Их восемь. Это, конечно, пехотинцы. Они ходят в бой пешими, и поэтому их можно называть «пешками». Но остальные фигуры называются иначе, – ответил Рюрик. – Фигуру с названием «король» следует именовать иначе – «царь». Это потому, что слово «король» происходит от искажённого названия титула «царь» – карл – царл. Именно царь – это центр земли, которой он повелевает. Остальные фигуры называются совершенно не так, как ты их называл. Начнём с царевны, которую вы почему-то называете «ферзь». Откуда взялось это ложное слово ферзь?

– От восточного слова «визирь»! – ответил Антон.

– А с какого бока к шахматам клеится восток? – как-то очень даже по-современному раздражённо выкрикнул Рюрик. – Разве там что-то вообще создавалось, расцветало? Восток – это скопище туземцев, голодных и совершенно необразованных.

Рюрик взмахнул рукой, небо потемнело и высypало яркими крупными звёздами:

– Смотри! Вот все наши шахматы! Все они здесь. На небе. Видишь созвездие Кефей? Это тот самый царь, который в шахматах назван королём. На Руси его зовут царь Кощей.

– Ага, – мечтательно протянул Антон, уже догадываясь о том, что Рюрик, видимо, прав.

– Видишь, рядом с ним созвездие Кассиопеи? – продолжил Рюрик. – Это та самая царица, которая на шахматной доске стоит рядом с царём и которую вы иногда называете королевой. На Руси её зовут царица Мокошь.

– Ого! – восхитился Антон. – А ведь и правда...

– Видишь, с другой стороны рядом с царём созвездие Дракона? – продолжил Рюрик. – Это любимый дракон царицы. На Руси его зовут Велес. Он защищает царицу от злых людей. Иногда этого дракона зовут Опис или Офис – то есть Змей, или Офис царя – Офицер. Отсюда и берёт своё название шахматная фигура, которую ты почему-то обозвал «слоном».

– Вот это да! – удивился Антон. – А конь?

– Видишь, рядом с Кассиопеей находится созвездие Персея, – продолжил Рюрик. – Это воин на коне. Его конь и поставлен среди шахматных фигур. А те фигуры, которые ты назвал «пешками», на самом деле представляют самого Персея, то есть всадника. Раньше его называли пахарем, который пихал своей пшёнкой, то есть копьём, во врага. Отсюда и ваше просторное название «пешка». На Руси пахаря зовут Перун.

– Ага, – снова мечтательно протянул Антон.

– И вот, наконец, – продолжил Рюрик. – Мы пришли к обозначению той фигуры, которую ты обозвал «ладья». На самом деле эта фигура называется «тура», и она обозначает башню, в которой живёт царь. Поэтому и

фигура изображена в виде башни с зубцами, выполненными в форме бойниц. И поэтому тура и ходит так – только вдоль и поперёк, как расположены стены замка.

– Точно! – закричал Антон. – А рокировка – это когда царь прячется в башню! И слово это происходит от того, что через некоторое время, допустим, год, или по-древнерусски рік, ситуация на небе поворачивается, и царь прячется в башню. Так?

– Так! – согласился Рюрик. – А насчёт Востока, то здесь, как всегда. Шахматы распространились на Восток, где их исказили из-за непонимания. В результате шахматы почти потеряли свой первоначальный смысл. Дикари не знали шахмат.

– Ну, извините, – стал протестовать Антон. – Нельзя же вот так запросто обзывать людей! Приведите доказательства.

– Юноша, ты хочешь доказательств? – заулыбался Рюрик. – Нет ничего проще. Мы с тобой сейчас спросим тех, кто творил с шахматами разную глупость.

– Как это спросим? – удивился Антон.

– А вот так! – ответил Рюрик. – Вызываю к подножию своему существо по имени Али ибн Абу Талиб ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим ибн Абд-аль-Манаф, двоюродного брата пророка Мухаммада.

Антон удивился. Но по мере того, как названный персонаж стал материализовываться, Антон удивлялся всё больше и больше. Появившийся человек был полупрозрачным и как бы светящимся изнутри, но узнать в нём араба было всё ещё можно.

– Почему он такой прозрачный? – шёпотом спросил Рюрика Антон.

– Потому что это не человек, а персонаж из древних астрономических сказок, которого арабы включили в

свою «реальную» историю, – ответил Рюрик и спросил имама Али: – Ты знал людей, игравших в шахматы?

– Знал, мой князь! – ответил имам Али.

– Что ты им сказал? – спросил Рюрик.

– Я спросил: «Что это за статуи, которым вы предаётесь? Они похожи на угли, отбросить их лучше, чем трогать руками», – покорно пересказал свой вопрос и своё пожелание имам Али.

– Почему? – спросил Рюрик.

– Шахматы – потворство персам, – ответил имам Али.

Рюрик повернулся к Антону и пояснил. Персы – это тот народ, который был в древности расселён под созвездием того самого Персея, который есть на шахматной доске. После этого Рюрик повернулся к имаму Али и похвалил его:

– Ты сказал правду. Аль-Байхаки подтвердил это, – после чего Рюрик грозно произнёс: – Разве в Коране есть слова против шахмат?

– Нет, мой князь, – имам Али с испуга задрожал, как осиновый лист на ветру.

– А что же ты извращаешь слова своего пророка? – почти кричал Рюрик.

Имам Али упал наземь и стал выть, а вместе с тем и испарился. Рюрик улыбнулся испугавшемуся Антону и пояснил:

– С ними только так и надо. Добра не понимают. Арабы – это не персы. Арабы шахмат не знали. Ну, что давай-ка ещё одного спросим. Вызываю к подножию своему человека – кардинала Петра Дамиани.

В ту же секунду перед Рюриком появился сморщенный старикашка очень и очень несчастного вида. Он упал на колени и приготовился получить попопной.

– Расскажи нам о своих проделках, – спросил его Рюрик. – Я имею в виду шахматы.

– В 1061 году нашей, христовой, эры я издал указ о запрете шахмат среди духовенства, – стал рассказывать трескучим голосом кардинал.

– Почему? – спросил Рюрик.

– Я посчитал, что шахматы – это измышление дьявола.

– Разве в Библии есть слова против шахмат? – грозно спросил Рюрик.

– Нет, мой князь, – смиренно и испуганно ответил кардинал.

– Так что же ты, прыщ, извращаешь слова своего бога?

Кардинал Дамиани упал наземь и стал выть, а вместе с тем и испарился. Рюрик улыбнулся испугавшемуся Антону и пояснил:

– Теперь воют, а при жизни заставляли выть других, – сказал Рюрик и продолжил вызывать свидетелей: – Вызываю к ногам своим автора Кормчей книги!

Появился плешивый поп с испуганными глазёнками. Он очень расстроился из-за того, что его имя даже не назвали.

– И вызываю к ногам своим митрополита Московского и всея Руси Макария! – продолжил Рюрик.

И в это же время рядом с плешивым попом появился ещё один поп, одетый побогаче и имеющий надпись на одеждах «святой».

– Признавайтесь, что вы, негодяи, против шахмат сотворили? – грозно спросил Рюрик.

Первый поп молча хныкал, а второй, озираясь, ответил:

– Святаго вселенского шестого собора правило 50 и 51 запрещает всякое играние. Пятьдесятное убо правило собора сего възбраняет играти всем и причетником, и мирским человеком зернью и шахматы, и талеями, и влириями, рекше костьюми, и прочими такими играми. 51 правило всякое играние възбраняет и отметаает и причетникам, и простым людем.

– Понятно, – ответил Рюрик и продолжил: – Вызываю к ногам своим протопопу Сильвестру!

Появился третий поп с наглыми и хитрыми глазами. Он предусмотрительно присоединился к двум первым и вопрошающе возвёл глаза на Рюрика.

– Давай и ты признавайся, что натворил против шахмат? – грозно повелел ему Рюрик.

Сильвестр заёрзал на коленях и послушно ответил:

– В Домострое я оставил злобу против этой игры: «а бесы возрадуются и налетят, свой час уллучив, тогда и творится всё, что им хочется: бесчинствуют за игрой и кости и в шахматы, всякими бесовскими играми тешатся».

– Понятно! – ответил Рюрик и продолжил: – Вызываю к ногам своим человека по имени дьякон Кураев!

В тот же миг появился четвёртый поп, толстый, и пенсне и с живыми чёрными глазками.

– Признавайся и ты, враг цивилизации, – спросил с него Рюрик. – Чем провинился против шахмат?

– Мерзкое время – шахматный турнир, даже подростковый, – зачастил словами дьякон. – В ночь перед партией какого только зла не пожелаешь своему сопернику. Дело в том, что, если играешь в футбол и проиграл Ваньке, – ну и что, ну подумаешь, у Ваньки ноги длиннее, переживу. Но если я играл в шахматы и проиграл Изе – это что же, эта морда неумытая умнее меня, полу-

чается?! То есть понимаете, человек в гораздо большей степени отождествляет себя со своим умом, чем с мышцами. И поэтому проигрыш в интеллектуальном состязании гораздо более досаден и обиден. И, может быть, по этой причине мир профессиональных шахмат – это просто гадюшный мир, где все друг друга ненавидят, кусают, подсиживают и так далее.

– Понятно, – ответил ему Рюрик и грозно спросил на этот раз уже всех: – Разве в библии есть запрет на шахматы?

– Нет! – хором ответили попы.

– Так зачем вы извращаете волю царя своего? Кыш отсюда, свора самодурствующая! – Рюрик топнул на них, и попы испарились.

Антон находился в ступоре. Он только что увидел оживших людей из глубокой древности. А одного из оживших он увидел таким, каким он только ещё будет, ведь последний поп ещё был жив и к ответу Рюрик призвал его из будущего.

От всего этого голова Антона разрывалась.

Но, как оказалось, это было далеко не самое удивительное в изменившейся жизни Антона...

Глава 6. Государство

«Государственное образование, именовавшееся Священной Римской империей, не было ни священной, ни римской, ни империей»

Вольтер

Подробно о демократии

– Всякая демократия ведёт к смерти эгрегора! – внятно и отчётливо, почти торжественно произнёс старец Кулик и пояснил: – Это одно из следствий постулатов Организмики.

Антон словно очнулся – так подействовал на него неожиданный возглас старца Кулика. Юноша посмотрел по сторонам – обстановка не изменилась. Но Рюрика не было...

Уже не было? Или вообще не было?

– Не говорите ерунды! – с ходу буквально взорвался Вейзель. Таким бешеным никто никогда его не видел. – Демократия – главное завоевание современного мира!

– Да, да, – издевательски сомневаясь, ответил старец Кулик.

– Что «да, да»! – кипел Вейзель. – Если вы сомневаетесь, то дайте хотя бы один пример!

– Пример? – ответил спокойно старец Кулик. – Да вот вам и пример. Пример демократического противодействия эгрегора самому себе. Это распад СССР. Распад на мелкие эгрегоры – бывшие союзные республики.

Но Вейзеля этот намёк на пример не убедил. Ну, распад, ну, и что?

– Система демократии, мой дорогой коллега, состоит вот в чём, – стал рассказывать свою версию

правды профессор Эйн Вейзель. – Простые люди на основе всенародных свободных выборов могут занять места во властных структурах любого уровня. Каждый человек это понимает. И это и есть его свобода и при определённых условиях цель. Ваше происхождение в демократическом обществе не имеет никакого значения: власть всё равно вам не достанется по наследству.

– Понятно, – разочарованно ответил старец Кулик. – Снова красивые слова, которые к истине никакого отношения не имеют.

– Почему же это не имеют?

– А вот давайте перефразируем так, чтобы это стало понятней, – пояснил старец Кулик. – Главный демократический принцип состоит в том, что простой структурный организм осуществляет управление надструктурным организмом, то есть большим организмом. И эта возможность реализуется лишь на основе количественного подсчёта заявлений «за» или «против» поставленного вопроса, то есть путём голосования. Вы считаете, что это правильно?

– Правильно! – выпалил Вейзель. – А что тут может быть неправильного?

– А вы подумайте! Не торопитесь, – дал время коллеге старец Кулик.

– Да нечего здесь думать! – стал кипишиться Вейзель. – В голосовании установлен принцип равнозначности каждого голоса. А качества структурных организмов, имеющиеся у них, игнорируются – нивелируются – условием усреднённости. Следовательно, какими бы заслугами или проступками ни обладал бы структурный организм, он всё равно будет учтён как один участник процесса голосования.

– Тогда почему рыбы в реке не собираются и не избирают президента реки? Он мог бы решить важные для рыб задачи: к примеру, запретить рыбную ловлю, изгнать людей из прибрежной зоны или вообще повернуть реку вспять! – спросил старец Кулик.

– Мозгов не хватает! На то они и рыбы! – заносчиво ответил Вейзель. – А вот у людей хватает. Поэтому, если нужно, если нам нужно, мы и реку вспять повернём.

– Вот-вот. Если «нам нужно», – повторил старец Кулик. – А у реки спросить интеллекта не хватает? Поэтому такие вот демократы чуть было не сожгли пол-атмосферы при взрыве водородной бомбы!

– Это было давно, – со вздохом ответил Вейзель. – Ошибки случаются. Не без них.

– Как и следует ожидать, – продолжил старец Кулик, – результат такого демократического голосования не является правильным. И, тем более, он не является истинным. Реализуется всего лишь средним статистическим между наличием в среде структурных организмов.

– Каких?

– Таких! Которые обладают передовыми качествами своей популяции, и таких, которые обладают отсталыми качествами для своей популяции.

– И что?

– И то! Таким образом, некоторое усреднённое голосование, которое является как бы достоянием демократического устройства организма, на самом деле является реальным тормозом развития организма и даже функцией его уничтожения.

– Многие мыслители критиковали демократию, – ответил Вейзель, – но ничего лучшего мир пока не построил.

– Не «не построил», а не дали построить те самые пресловутые демократы, – ответил старец Кулик.

– Да, весь мир...

– В мире всё построено не демократическим путём: ни один организм не устроен на принципах демократии.

– А в чём, собственно, разница? – спросил Вейзель.

– Условием стабильного функционирования любого организма служит такое его устройство, когда каждый структурный его организм располагается на только ему соответствующем месте, – ответил старец Кулик. – То есть: каждый сверчок знай свой шесток.

– Всю жизнь на одном и том же месте? На одном и том же шесте?

– Конечно! – уверенно ответил старец Кулик. – Не имеет никакой целесообразности движение одного структурного организма вдоль иерархической лестницы, когда такое движение обеспечено и инициировано лишь волеизъявлением (желанием, голосованием и т.д.) других структурных организмов.

– А если такое движение улучшит ситуацию в целом? – спросил Вейзель.

– Даже если такое движение продекларировано ими как движение во благо всего организма, структурными организмами которого инициаторы являются.

– Вы говорите слишком заумно, – признался Вейзель.

– Хорошо, приведу пример, – ответил старец Кулик. – Допустим, клетки ноги решили, что большой

палец этой ноги очень выделяется на фоне остального организма. Эти клетки посчитали, что этому пальцу нужно теперь занять место поближе к мозгу человека – ведь он может поделиться с мозгом своим интеллектом. В результате на голове вырос палец. Насколько лучше стал соображать этот инвалид?

– Ну, вы тоже!.. – развёл руками Вейзель. – Как придумаете что, так хоть с пикетом против вас выходи!

– А что «с пикетом»? – ответил старец Кулик. – Признайтесь честно. Вы же не думаете, что гимнастки и боксёры лучше всех занимаются государственным строительством или законотворчеством?

– Конечно, нет! – согласился Вейзель. – Что за бред?!

– Ваш бред, – ответил старец Кулик. – Вы же по половину Государственной Думы набрали из гимнасток, актрис и борцов с боксёрами. Вот и получается, что только якобы в демократическом устройстве организма существует принцип конкуренции, ведущий, путём инициации стремления у участвующих в конкуренции структурных организмов, к улучшению качеств своих проявлений. На самом деле такое не соответствует действительной цели всего надструктурного организма, который, как кажется, должен был бы приветствовать снижение затрат каждого структурного организма и повышение его выработки.

– Вы опять заумничаете? – посетовал Вейзель.

– А вы всерьёз думаете, что теория государства может быть понятна ткачихе? – ответил старец Кулик. – Если это так, то почему бы вам не уступить место профессора математического анализа водителю такси?

– А что? – восхитился Вейзель. – В демократии всё возможно.

– А вы сами представляете, сколько вы оба, помнявшись местами, дел наворочаете? – поинтересовался старец Кулик. – Даже водитель такси меньше. Он просто ничего не сможет сказать. А вот вы, сев за руль автомобиля, будете представлять реальную опасность на дороге.

– И что вы предлагаете?

– Всему своя роль. Клетки мозга, например, не могут довольствоваться низкими потоками информации, достаточными, например, для клетки ногтя. Низший организм не может дать соответствующего информационного питания высшему организму, достаточного для обеспечения его функции.

– А как же конкуренция? – спросил Вейзель.

– А зачем вам конкуренция? – удивился старец Кулик.

– Как зачем? – в свою очередь, удивился Вейзель. – Чтобы конкурировать.

– Любая конкуренция ведёт к смерти, – ответил старец Кулик.

– Погодите! Почему это к смерти? – удивился Вейзель. – А вот, например, западные экономисты утверждают, что конкуренция позволяет выбрать сильных и избавиться от слабых.

– Вы больше слушайте всякую шушеру, – грубо ответил старец Кулик. – И если слушаете, то, в первую очередь, пойдите и уничтожьте всех калек. Они же слабые, по-вашему! Вот и станете зверьми. Ведь у нас только звери не выхаживают слабых.

– А зачем нам нужны слабые предприятия? – не унимался Вейзель. – Почему общество должно их содержать?

– Смотри на то, что производят эти предприятия, – ответил старец Кулик. – Если они производят знания, то есть это университеты, институты и школы, то, я уверен, вы понимаете причины их содержания.

– А финансовая конкуренция?

– Параметром, вызывающим конкуренцию, является ограниченная денежная масса, – ответил старец Кулик. – Каждый участник эгрегора стремится единолично овладеть всей денежной массой данного эгрегора.

– Да. Так становятся олигархами, – согласился Вейзель.

– Но каждый организм должен в структуре высшего организма заниматься исключительно своим делом, – ответил старец Кулик. – Тем, для чего он, собственно, и создан.

– Не забывайте про примеры, профессор!

– Да, пожалуйста! – с готовностью согласился старец Кулик. – Генерал (и, вообще, военный человек), созданный для разрушения, не должен даже пытаться занять в обществе руководящую этим обществом роль.

– Почему?

– Воин создан для защиты общества от нападения врага, то есть для убийства врага, для разрушения предполагаемого неприятеля. Но воин не создан для созидания. Это также правильно, когда юная манекенщица ходит по подиуму, а не руководит штабом и специально обученными генералами.

– Вы намекаете на Смердюкова с его гаремом секретарш?

– Напекаю. Управлением любой страной должны заниматься специальные люди, которые, во-первых, были бы обучены этому и только этому; во-вторых, были бы гражданами именно этой страны, а не так, как многократно случалось в России, – на высоких государственных должностях стояли граждане Израиля, Грузии и других самостоятельных стран. Которые являются потенциальными врагами России уже по определению.

– И всё же происхождение не главное, главное, чтобы человек был хороший, – улыбнулся Вейзель.

– Хороший? – переспросил старец Кулик. – Структурные организмы, которые не способны по природе своей к занятию высокоперерабатывающих информационных позиций, в демократическом обществе выталкиваются наверх голосующим потоком таких же средне- или низкоуровневых структурных организмов. Этим творится зло.

– Почему вы считаете, что первым пролазит через барьеры выборов именно зло? – спросил Вейзель.

– Потому что зло – очень простое, – ответил старец Кулик. – Потому что ему пролезть через мнимые препоны избирательной системы очень просто.

– А закон? – удивился Вейзель.

– Препоны эти выстроены исходя как раз из норм закона, – ответил старец Кулик. – А зло не обращает на закон никакого внимания. Поэтому для зла нет препятствий в избирательном процессе.

– То есть вы хотите сказать, что каждый, кто избран в той или иной избирательной кампании, преступник? – удивился Вейзель.

– Если говорить твёрдо – да! – ответил старец Кулик.

– То есть все наши и любые демократические правители – преступники по определению?..

– Да. И эти правители приносят много вреда, – ответил старец Кулик. – В высокоуровневое информационное течение низкоуровневый структурный организм привносит свои правила игры: а они слабы по определению, но могут быть действенны по степени причинения вреда окружающим. Такие низкоуровневые избранные главы разных информационных потоков даже и не осознают, что творят зло. Для осознания нужны «мозги», а их у низкоуровневых нет. Осознания не происходит.

– Вы хотите разделить людей на касты? – спросил Вейзель.

– Эта модель более приемлема, чем преступное равенство, – ответил старец Кулик.

– Но такое уже было в истории. Зачем повторять?

– А зачем мы повторяем демократию, взяв её у самой отсталой области мира – выдуманного историками дикого «Древнего Рима»? – ответил старец Кулик.

– Я сам и отвечаю: выгодно. Человек должен с рождения знать к какой структуре он принадлежит.

– А если это царь?

– И если это царь, то он должен нести ответственность за страну.

– Ответственность чем?

– Не только своей жизнью, но и жизнью всей своей семьи! А не так, как сейчас: четыре – шесть лет пограбили и на пенсию. Ответственности – никакой.

– Так этих, кто, как вы выразились, «пограбил», сам народ и избирает, – удивился Вейзель. – С народа, то есть с избирателей, и надо спрашивать!

– Абсолютно верно! – согласился старец Кулик. – Но если быть более точным, второй аспект демократического злоторения заключается не в этом.

– А в чём?

– В том, что это зло творится не теми структурными организмами, которые голосуют.

– А какими?

– Зло творится другими, которые заинтересованы в определённом исходе голосования, которые заинтересованы в сотворении этого зла.

– И в чём суть этого зла?

– Именно такие заинтересованные тратят свой информационный и финансовый жир на продвижение выставленного ими кандидата.

– Ну, выбрался, ну,...

– Кандидат, победивший в такой гонке голосований средне-уровневых структурных организмов, становится заложником того, кто привёл его к победе.

– И что?

– И становится выкачивателем полезной информации в пользу благодетеля.

– Так устроен мир.

– Таким благодетелем в большинстве случаев является другой организм, противник того, структурным организмом которого является выкачиватель.

– Я понимаю к чему вы клоните, – сказал Вейзель. – В качестве примера вы хотите привести ситуацию с Россией 2000 – 2005-х годов. Тогда у руководства страной русских людей, то есть, по-вашему, структурных организмов, находились организмы, являющиеся даже по своей подданности структурными организмами других надструктурных организмов.

– Да, они являлись гражданами враждебных государств: Великобритании, Израилч, США и других стран.

– Множество ответственных постов в России того времени занимали представители этих государств. Естественно, они действовали не на благо России, а на благо своего организма – Израиля, США...

– Всё правильно вы представили, – согласился старец Кулик. – Иммунная система России в это время давала сбои.

– Какая система?

– Силовые ведомства СССР не определяли вражеские включения в своём теле.

– Почему?

– И это случилось потому, что в эти ведомства за благовременно были введены враждебные элементы, которые сыграли свою роль как парализующий яд в организме.

– Если рассуждать с таких позиций, то вы, безусловно, правы, – сказал Вейзель. – Но пока идёт так, как идёт, – путём голосования.

– Редко бывает такое, когда избираемый путём голосования обычный структурный организм соответствует своему избранному положению, – продолжил старец Кулик.

– А как бывает обычно?

– Обычно – напротив. Он, избранный наверх, пытается перестроить поток проходящей через него информации под свой, низкий весьма, уровень.

– Может, он считает, что делает для своих избирателей лучше?

– Методы и инструменты, используемые низкоразноуровневыми организмами, весьма действенны, по-

скольку они не замешаны на догмах преследования добра, а, напротив, преследуют сам результат любыми, как правило, далеко от закона расположенными способами.

– То есть все воры?

– Выходит так, – подытожил старец Кулик. – Поэтому в демократическом обществе есть лозунг «Победителей не судят». Такой лозунг и отмывает все темные пятна на теле структурного организма, неведь какими способами пролезшего в верхние эшелоны власти.

Сон Горбачёва

Ровно в традиционный новый год, отмечаемый некоторыми лицами 11 сентября 2013 года в исключительных пределах своей традиции, Михаил Сергеевич наконец-таки отмотался от заседающих на него дум и стал в лёгком блаженстве отходить ко сну. И вдруг откуда-то издалека, словно из той самой, уже порядком надоевшей ему памяти, экс президента СССР позвали два совсем незнакомых голоса:

– Михаил Сергеевич! – дуэтом настойчиво обратились к Горбачёву профессор Вейзель и старец Кулик. – Нас послали к вам ваша молодёжь! Мы хотим вам задать несколько вопросов.

Нагло перехваченный в том самом белом туннеле и против собственной воли возвращённый кем-то в реальность бывший генсек неторопливо и с достоинством партайгеноссе попытался открыть глаза. Но тут он вдруг понял, что застрял между явью и сном. Михаил Сергеевич, как ни старался, не мог пошеве-

лить ни рукой, ни ногой. Но, хуже всего, он не мог ничего ответить этим назойливым незнакомым голосам.

Тем временем Вейзель и старец Кулик подошли к кровати Горбачёва и бесцеремонно присели на её край. Михаил Сергеевичу пришлось стерпеть и их присутствие, а также и то, что один из гостей, присев, зацепил его ногу своим не очень пышным сидением.

У профессора Вейзеля в руках имелась не очень старая и не сильно потрёпанная газета, которую он проворно развернул и начал вслух читать:

– Нобелевский лауреат Михаил Сергеевич Горбачёв, – Вейзель оторвал глаза от текста и удивлённо взглянул на генсека, – поддержал новую науку Организмику. А вот и интервью Михаила Сергеевича Горбачева корреспонденту. Август 2003-го года.

Вейзель остановился и с видом человека, который уже прочитал всё, что ему было необходимо, протянул газету старцу Кулику. Тот взял её и быстро прочёл коротенькую заметку. Собственно, в ней ничего не было нового. Только сообщались некоторые подробности.

А Михаил Сергеевич всё слушал и делал усилия по налаживанию управления своим телом. Усилия были огромными, пот выступил на лбу у генсека, но Михаил Сергеевич так и не смог оторвать глаза.

Однако странным было не то, что экс-президент не мог пошевелиться. Станным было то, что он всё вокруг видел каким-то другим зрением. Ему казалось, что он с гостями находится в комнате не лежащим, а таким же, как они, ... подвижным, и непринуждённо беседует. Разъясняет не понятые ими ответы и вопросы. Объясняет свою позицию и свои действия. Причём все эти объяснения Михаил Сергеевич выдавал с особым жаром и натиском.

Но ни Вейзель, ни старец Кулик его почему-то не слышали.

– Видите, коллега, – задумчиво посмотрел Вейзель на нобелевского лауреата. – В 2003-м году он уже знал об организмическом устройстве государства.

– Вот именно, – ответил старец Кулик. – Он узнал об этом только в 2003-м году, а Советский Союз уничтожили десятью годами раньше.

Может быть, он что-то и хотел возразить, но бывший генсек лежал в кровати и спал. А оба старца уходили по тому же тоннелю, которым минутами ранее явились без спроса в его спальню. Михаил Сергеевич ещё некоторое время слышал часть их разговора.

– Ещё раз представим себе такую ситуацию. Необразованный, неграмотный, преступный индивид может встать во главу правления этим самым обществом, – говорил старец Кулик, вслушиваясь в эхо туннеля.

Затем старец Кулик и профессор Вейзель сделали очередной шаг и оказались по другую сторону какой-то прозрачной перегородки. Теперь они стояли среди студентов, а там, в глубине, за всё ещё подрагивающим порталом виднелся пройденный ими тоннель и свет, исходивший от настольной лампы, горевшей в спальне бывшего генсека.

– Это легко реализуется, – продолжил старец Кулик. – Например, когда такой индивид удобен некоторому слою общественности, причём, общественности либо данной страны, либо страны, которая является врагом данной страны. Путём установления неправильной, с точки зрения коренного народного большинства данной страны, власти, такая страна теряет многие свои права, имущество, свободы и др. В общем случае, это называется политическая болезнь.

– Это сейчас происходит с Россией, – согласился Вейзель. – Россия – политически больна. А причиной этому – нахождение у власти демократически избранных правителей.

– Вы о ком? – сделал непонимающий вид Вейзель.

– Я сейчас больше говорю обо всех чиновниках.

– А, может, среди них есть добропорядочные люди? – удивился такому обобщению Антон.

– Я и не спорю. Конечно, есть, – согласился старец Кулик и смерил Антона долгим взглядом. – Но, по объективным показателям, среди них в большинстве своём встречаются неположительные особи. Это особенности подбора. Или, я бы даже сказал, издержки подбора.

– Тогда позвольте вам задать вопрос: а российская болезнь вообще излечима? – проявилась, как сестра милосердия, Настя.

– Это не «российская болезнь». Это болезнь России, которую принесли в Россию нерусские люди. Вы понимаете, что это две разные вещи. А вообще, всякая болезнь лечится, то есть излечима!

– Или? – снова спросила Настя.

– Или – смертельный исход.

– То есть, вы хотите сказать, что в России сейчас такая ситуация, когда она, Россия, больная какой-то заразой, стоит перед лицом всего человеческого мира и пытается выздороветь? – удивился Антон.

– А что здесь удивительного? – ответил старец Кулик. – Ведь любое государство – это такой же организм, как и у человека. Он тоже требует к себе такого же уважения и такого же нормального управления. Управление любой страной должно осуществляться по принципу полезности родной стране, а не по демокра-

тическим принципам – конъюнктурность, личное обогащение, пока индивид стоит у власти.

– Вы считаете, что с демократией человечество не продвинется к лучшему миру? – прямо спросила Нона.

– Если человечество желает добиться счастливой жизни, – ответил ей старец Кулик, – надо создать другой вид государственного устройства.

– Какой? – снова спросил Нона.

– Более высоконравственный, более высокоэффективный, нежели демократический, – едва успел ответить ей старец Кулик, как какая-то сила подхватила студентов и вмиг рассадила их по своим местам.

Сласть власти

– Что мы знаем об устройстве государства? А вот что. Во всяком государстве существует три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная, – стал излагать Вейзель как ни в чём не бывало.

Он вызвал студента из первого ряда. Юноша ещё не успел опомниться от предыдущего виража, а профессор уже снова тащил его на сцену.

– Расшифруйте, товарищ студент! – с абсолютно холодным разумом скомандовал Вейзель.

Студент от неожиданности сжался. Он хотел, конечно, совсем превратиться в песчинку – чтобы только его не было больше видно и чтобы его никто больше не беспокоил. Но не тут-то было! Все софиты, словно сговорившись, предательски дружно переместили на него свои лучи. Попав в перекрестие световых пушек, мозг бедолаги начал плавиться.

Однако за предыдущую часть этой странной лекции в студентов выработалась такая закалка, что и в

этой ситуации юноша растерялся лишь на секунду. А затем собрался с духом и выпалил:

– Законодательная власть формирует законы, необходимые для жизни общества. Общества, состоящего из отдельных членов. Исполнительная власть реализует эти законы в жизни. В идеальном случае считается, что эти законы реализуются в интересах того самого общества тех самых его членов. Третья власть, судебная, определяет, нарушен или не нарушен тот или иной закон и какие последствия влечёт для нарушителя закона выявленное нарушение.

– Молодец! – похвалил студента Вейцель, смерив пришедшего в себя юношу уважительным взглядом: – Эти три власти призваны для того, чтобы упорядочить и систематизировать жизнедеятельность общества или народа.

Общество, как единое целое, получает законы своего существования, а также механизмы, которые позволяют бороться с нарушением законов. Это как ситуация с велосипедом. Если сесть на него и попробовать стоять, оторвав ноги от земли, то упадёшь. Нужно, чтобы велосипед двигался. Тогда он становится устойчивым. При движении само движение вперёд борется с любой попыткой завернуть в сторону или упасть.

– Но с точки зрения народа ситуация выглядит совсем по-другому! – вмешался в нарисованную идиллию старец Кулик. – Ваши три ветви власти выглядят как инструмент угнетения и поощрения, а также наказания самого этого народа.

Каждый отдельный человек, находясь внутри государства, становится тем самым велосипедистом. Только педали этого велосипеда теперь крутят все граждане этого государства. Да, конечно, можно по-

филонить, авось кто-нибудь покрутит за тебя. Но ни один из коллективных водителей такого велосипеда теперь не может просто так в любой момент взять и остановиться – нужно быть как все.

– Ну, что же вы хотели? Поэтому-то в различных государствах эти три власти и формируются по-разному. Люди пытаются найти лучший способ построения государства. Но пока есть то, что есть. В демократических – выборы, в авторитарных – назначение. Три ветви власти, с обычной точки зрения, – это дважды два – четыре. Или два яблока сложить ещё с двумя и получить четыре яблока. Всё очень просто.

На первый взгляд, действительно всё очень просто. Захотел получить власть – убеди большее количество сограждан, чтобы они доверили тебе эту самую власть. Однако убедить можно разными способами. История показывает, что власть достаётся не лучшим особям человеческого рода. Вспомним Наполеона. Этот зверь настолько хотел власти, что уничтожил миллионы людей. К нему даже его современники имели разное отношение. Дворяне были рады, что он где-то воюет, а их не трогает. А солдаты, которыми он командовал, бежав из России, вынуждены были поедать собственных друзей – Наполеон сбежал быстрее армии и кормить солдат даже не собирался.

– Поэтому с точки зрения Организмики и процесс сложения яблок выглядит сложнее, и государство строить только на большинстве неправильно. Как огромная куча яблок начинает гнить изнутри, так и царь, получивший поддержку большинства, неминуемо приходит к загниванию. В результате, возникают неопределённости не только в постановке задаче, но и в её решении...

В гостях у древних египтян

– ...Помоги нам, юноша! – неожиданно обратились к едва пришедшему в себя Антону два каких-то непонятных мужика подчёркнуто египетской наружности.

Каждый из египтян держал в руках по два яблока, и эти яблоки показались Антону почему-то очень знакомыми. Юноша ещё успел удивиться: «Надо же, я яблоки "в лицо" узнаю!». Однако, не дождавшись ответа, египтяне решили «умаслить» Антона:

– Мы видим, что ты человек умный. Хотя и очень молодой.

Расчёт сработал. Антон, как и любой обычный человек, поскользнулся на брошенной «кожуре» лёгкой примитивной лести:

– Почему вы решили, что я умный?

К Антону всё же вернулось самообладание, и он уже было подумал, что вот сейчас начнутся долгие переговоры о какой-нибудь покупке, а лесть была лишь вступительным словом к нехитрому коммерческому предприятию. Но египтяне поступили иначе. Они совершенно без какой-либо тени сомнения ответили:

– Потому что цвет вашей кожи такой же, как у нашего фараона. А это верный признак ума!

Антон и другие студенты, стоявшие с ним рядом, за этим разговором не сразу поняли, что теперь уже они находятся в Древнем Египте. Зато каким-то шестым чувством все синхронно ощутили, что спрашивать у египтян «какой сегодня год?» будет не просто глупо, а очень глупо. Ведь если египетские мужики по цвету кожи чужестранцев определяют степень их ума,

то это значит, что ребята попали в какую-то очень глубокую древность.

Удивительно было и то, что при таком повышенном внимании к цвету кожи египтяне совсем никак не отреагировали на совсем «не модную» одежду студентов-чужестранцев.

– Хорошо, я вам помогу, – наконец ответил Антон, подозрительно оглядываясь вокруг и пытаясь отыскать намёки на то, что всё это на самом деле является голограммой и не более того. – В чём проблема?

– Да вот фараон перед своей смертью задал нам задачу. Она называется «царской», – ответил один египтянин, и Антон с удивлением отметил, что мужчина не проявляет никаких странных свойств. – Смысл задачи в том, чтобы сложить два яблока и ещё два яблока так, чтобы получилось четыре.

Среди студентов послышались смешки и шушуканье. Антону задачка тоже показалась странной. Нельзя сказать, что она была лёгкой. Она вообще была не задачей.

«Сегодня даже гуси могут сосчитать, сколько будет два плюс два», – подумал Антон, а вслух совершенно искренне произнёс: – И что именно у вас вызвало затруднения?

– Как что? – так же искренне удивились египтяне. – Эта задача вообще нерешаемая! Она не имеет решения! Поэтому она и называется царской! Видимо, фараон нарочно нам её задал, чтобы запутать. Или, может быть, он знал какой-то секрет?

Антон мысленно повторил условие задачи: «Сложить два яблока и ещё два яблока так, чтобы получилось четыре. И что тут сложного? В чём здесь подвох?».

– Вы можете пояснить подробнее то, что вызвало у вас трудности? – ещё раз переспросил он.

Египтяне переглянулись и решили подробно изложить суть своих мучений:

– Во-первых, не определён порядок сложения. Например, из условия задачи совсем не ясно, какая из пар яблок будет первой, а какая – второй. Поэтому и возникает неопределённость: какую пару к какой прикладывать? Во-вторых, не определена персона, которая должна производить сложение пар яблок. В-третьих, не определено пространство, в котором происходит сложение. Например, на столе лежат два яблока. А с ними надо сложить другие два яблока, которые находятся на дне реки. Ясно же, что для того, чтобы получить результат, нужно либо стол поместить на дно реки, либо разные пары яблок находятся в двух разных пространствах и сложению не подлежат.

Наступила долгая тишина. Студенты внимательно смотрели на египтян, вслушиваясь в негромкий такт своей крови, отдающей равномерными глухими ударами в перегревшихся висках.

Египтяне, вроде бы, излагали всё верно. Те проблемы, которые они увидели в простейшем действии, действительно были серьёзными. Если, конечно, их учитывать. Но почему-то на первый план всё равно выплзло это противное чувство мелкой подозрительности – мол, в чём состоит розыгрыш?

– Вы это серьёзно? – снова удивился Антон, внимательно вглядываясь в лица египтян и пытаясь разобраться: не шутят ли они.

Переговоры явно затягивались. Столько слов улетело на ветер. Все понимали, что эта задача – простейшая. Но она пока оставалась без решения.

Настя опомнилась первой. Она тоже попыталась разобраться в чём здесь состоит шутка, но так и не поняла. Поэтому девушка решила больше не тратить ни время, ни терпение. Она поступила очень прямо и крайне жёстко.

Настя огляделась по сторонам и подошла к торговцу, у которого среди товара имелись всякие миски, чашки, плошки и тому подобная домашняя утварь. Девушка попросила его дать ей одну миску и даже объяснила ему:

– Для государственных нужд.

Затем под ничего не понимающие взгляды студентов и озадаченной пары египтян Настя обратилась к ним:

– Дайте мне ваши яблоки!

Египтяне послушно выполнили её требование. Настя взяла разогревшиеся на горячем египетском солнце и уже поэтому порядком подвявшие яблоки, положила их в миску, перемешала между собой и сказала:

– Готово! Держите – вы получили четыре яблока, сложенные из двух пар ваших яблок. Довольны?

Египтяне выпучили глаза и автоматически протянули руки. Они взяли миску с четырьмя яблоками и впились в неё своими пальцами так сильно, как будто держали золотой слиток или даже какой-то очень ценный клад.

Ситуация раскачивалась, как на качелях, и теперь настала очередь студентов удивляться и не понимать восторга:

– Уважаемые, вы это что? – спросила Настя.

Египтяне немного успокоились и отошли от свалившегося на их головы счастья и просветления.

Перебарывая восторг, они стали наперебой излагать суть произошедшего:

– Наш фараон умер. Но перед своей смертью он сказал нам, что следующим фараоном Египта станет тот человек, который правильно сложит две пары яблок. Мы ходили к жрецам. Они сказали нам, что фараоном будет белая девушка. Они сказали, что эта девушка сможет решить вашу задачу. Они сказали, чтобы мы убедили девушку стать нашим фараоном!

Египтяне декламировали этот текст, как заправские реперы – сменяя друг друга после каждой законченной фразы. Они вели свой рассказ, обращаясь как бы сразу ко всем студентам, то есть ко всей группе, не выделяя из неё кого-либо отдельного. Но после последних слов один египтянин, теперь обращаясь исключительно к Насте, вдруг заявил:

– Будь нашим фараоном!

Студенты синхронно и молча посмотрели на Настю. Она медленно обвела друзей взглядом в ответ. Всем действительно показалось, что шутка затянулась. Но что-то же этим египтянам было нужно!

– Жрецы сказали, что девушка фараон научит нас как создать сильное государство. Они сказали, что девушка-фараон построит нашу жизнь так, как нигде больше. Кроме Гипербореи. Будь нашим фараоном, царица!

– Хорошо, хорошо! – попыталась придти в себя и взять передышку Настя. – Почему вы меня, девушку, называете фараоном? Разве этот титул носят не только мужчины?

– Нет, царица, – ответил один египтянин. – Фараон – это особый титул. Его может носить и царь, и цари-

ца. Этим титулом награждается тот правитель, который отличился своим умом.

– А кто у вас так сильно отличился?

– Первый носитель этого титула, – с нескрываемым почтением произнёс египтянин. – Его звали Перун, или по-нашему – Фараон. Он только недавно умер. Он нам и задал эту задачу.

– Ого! – удивлённо произнёс один студент. – Это значит, что сейчас четыре тысячи пятисотый год до новой эры! А его отца как звали?

– Соварох! – удивлённо ответил египтянин. – Он научил нас земледелию и ремёслам.

– Сварог..., – выдохнул тот самый студент. – Точь-в-точь, как описано в летописях. Обалдеть! Ребята, мы в середине пятого тысячелетия до новой эры, в Древнем Египте! Обалдеть!

Теперь уже студенты дружно выпучили глаза на египтян и смотрели на них, не отрываясь. Первой опомнилась Настя. Она встрепенулась, словно выходя из какого-то тяжёлого сна, и резко произнесла:

– Что нужно делать?

Но пока никто ничего делать был не готов.

– Умерший фараон построил наше государство. И сделал он это так, – с некоторым опасением стал излагать египтянин.

Он рассказал, что фараон определил во власти три направления. Первое – закон. Второе – исполнение. Третье – суд. Он назвал эти направления ветвями. Себе фараон взял две ветви – закон и суд, а исполнение возложил на своих подданных, к которым относились и эти два египтянина. При жизни правителя всё шло хорошо. Но царь Перун сказал, что через некоторое время надо будет ещё кое-что сделать.

– Царь Перун сказал, что надо будет найти ещё семь ветвей, и тогда наше государство расцветёт, – закончил свой рассказ египтянин.

– А мы-то откуда знаем где искать эти ваши ветви? – возмущённо насмешливо спросил один из студентов. – Мало ли что ваш царь вам наговорил!

Но египтяне его не слушали. Они даже не обратили на него никакого внимания – словно юноша для них попросту не существовал или был самым настоящим пустым местом. Хотя, справедливости ради, следует признать, что студент сказал правду – ни о каких ветвях власти, да ещё в количестве семи штук или единиц наши путешественники вообще ничего не знали.

На этом фоне снова возникла какая-то заминка, но египтяне не нервничали и не проявляли никакой обеспокоенности. Они просто стояли и смиренно ждали решения Насти.

А девушка с каждой секундой всё больше осознавала, что отвертеться ей не удастся. Она уже поняла, что придётся эти ветви искать. Да, и, кроме того, очень было интересно своими глазами посмотреть на тот самый Древний Египет, о котором столько всего написано.

– Мы согласны! – наконец решила она, и египтяне заметно обрадовались. – Но во дворец мы едем все.

– Конечно, конечно, – согласились хозяева страны: они и не думали нарушать устои гостеприимства. – У нас места хватит всем! И еды тоже. Живите в своём удовольствии.

Идти во дворец пришлось пешком – до того времени, когда египтяне стали закупать колёсные повозки

у гиперборейцев, оставалось ещё ровно две тысячи лет.

Вообще Египет пятого тысячелетия до новой эры поражал с одной стороны своей примитивностью, а с другой – своей развитостью. Просто эти сравнения надо применять к разным сторонам этой египетской жизни.

Если сравнивать Египет пятого тысячелетия с другими городами Востока, то североафриканское государство прилично выигрывало. По крайней мере те его жители, которые обитали вдоль реки Нил. Здесь и земледелие прилично развилось, и ремёсла. Местные умельцы делали весьма передовую для того времени керамическую посуду и расписывали её незамысловатыми геометрическими узорами.

Если же сравнивать этот Египет с параллельным ему во времени Русским государством, находящимся к северу от Чёрного моря, то определённо выигрывало последнее. И определяющими здесь стали не какие-то политические предпочтения, а то, что в Южной Руси в это время уже умели обрабатывать медь и её сплавы, научились выделять золото. А Египет эти умения освоил лишь через две – три тысячи лет.

Это всё студенты знали из курса археологии.

Но всё равно в Египте было замечательно. Золотые пески так разукрашивали воздух, что казалось, будто бы ты дышишь испарениями драгоценного металла, и они воспринимаются не как опасность, а как некая награда, данная человеку высшими силами за то, что он поселился в этих богом же проклятых песках.

– Середина пятого тысячелетия говоришь? – переспросила Настя того студента, который озвучил такую датировку.

– Если этот Фараон действительно на самом деле Перун, то летописи говорят, что Громовержец жил с середины седьмого по середину пятого тысячелетия до новой эры.

– Интересно, какое тогда было государство в Египте? Что там учебники сообщают на этот счёт? – несколько мечтательно спросила Настя студента.

– Вообще-то, я думаю, что никакого государства не было, – охладил её мечтательность товарищ. – Потому что все, так скажем, настоящие государства появились только в третьем тысячелетии до новой эры. А здесь сейчас – полпятого.

– Посмотрим, – не полностью потеряв надежду, расстроилась Настя.

А египтяне как раз в этот момент весьма торжественно произнесли:

– Ну, вот мы и пришли!

Студенты огляделись, ища глазами дворец и другие государственные постройки. Но ничего такого в округе не наблюдалось. Были только простенькие хижины, сложенные из необтёсанного камня и покрытые местным тростником.

– А где мы будем жить? – поинтересовалась Настя, уже догадываясь, что ответит египтянин, и тот показал на самую большую хижину.

Студенты, привыкшие к городским условиям, от грозящих им перспектив натурального проживания чуть было не впали в кому: такого «дворца» они себе не ожидали. Но вариантов для выбора предложено не было, поэтому они стоически восприняли предложение – согласились, так согласились. Всё равно назад, из прошлого в будущее, они дороги не знали. И эти старикашки – Вейзель и Кулик – снова подстроили всё

таким образом, чтобы никакого выхода у ребят вообще не было.

– Что от меня требуется? – поинтересовалась Настя, совершенно без интереса теребя соломинку с ближайшей крыши.

Местный житель заметил её грусть, но никак не отреагировал:

– Царь сказал, что ты назовёшь нам семь недостающих ветвей. Мы готовы! Будем запоминать.

– Назовёшь... – отозвалась Настя.

Она была бы рада это сделать. Хоть сто ветвей назвала бы. Но где их «срубить»?

– Если бы знать... – задумчиво протянула она и, вспомнив о попытке запомнить, с горечью посоветовала: – Лучше записывайте.

– Что делать? – не поняли египтяне.

В их глазах стоял настолько откровенный и честный вопрос, что Настя передумала возмущаться. Сначала она подумала, что над ней потешаются, но, увидев такие вопросительные глаза местных жителей, поняла, что не стоит. Где-то в глубине разума она всё уже поняла, но, находясь в обычной ситуации, Настя на автомате просто разъяснила им:

– Записывайте! А то ведь забудете, и мне придётся ещё раз к вам...

– А что такое «записывайте»? – с изумлением спросил самый отважный египтянин.

– Ах, да! – наконец-то глубинная мысль поднялась на поверхность настиного разума. – Я же совсем забыла! Для появления письменности ещё очень и очень рано. Ладно, что-нибудь придумаем. Мы будем рассуждать и пытаться отыскать эти семь ветвей, а вы... Хорошо! А вы всё запоминайте.

– Мы готовы! – снова воодушевились египтяне.

– Так, – собралась с мыслями Настя, обращаясь к студентам, – Давайте думайте. А то ведь останемся здесь навсегда.

Она повернулась к ждущим египтянам и не вполне уверенно произнесла:

– Четвёртая ветвь власти – это информационная власть. Здесь, я думаю, все со мной согласятся. Мы с ней каждый день встречаемся «нос к носу». Газеты всякие... Интернет... Информационная власть понимается так: закон вступает в силу с момента его опубликования.

– Настя, здесь нет «опубликования»! – напомнил студент. – И Интернета с газетами нет. Ты им попроще слова подбирай.

– Ну, хорошо... После обнародования, – поправила себя девушка и пояснила, – То есть, закон должен быть выдан в информационное пространство. То есть, рассказан людям. И только после этого он начинает действовать. Ещё раз повторю: закон может быть оглашён, напечатан, транслирован по телевидению и так далее. И только информационное включение закона даёт ему разрешение на действие. Понятно?

Однако на последний вопрос египтяне не среагировали – им было не до этого. Они стояли и действительно запоминали, примерно так, как некоторые «зубрят» стихотворение или какой-нибудь важный фрагмент текста. Чуть погодя всё-таки половина египтян согласно кивнула. Другая половина находилась почти в полуобморочном состоянии или в состоянии «андроида», реального человеческого компьютера.

– Что опять случилось? – заметила Настя отсутствие стройности в рядах египтян.

– Мы запомнили, – отчитались те, кто был вменяем. – Четвёртая ветвь «информационная».

– Информационная, – поправила Настя и, показывая на другую часть группы, поинтересовалась: – А эти почему не моргают?

– «Тилипидиние», – произнёс неморгающий египтянин. – Мы не знаем что это такое.

– Телевидение, – поправила она; сначала хотела попытаться объяснить, но, представив себе этот процесс в уме, отказалась от такой затеи: – Сейчас не понимаете, завтра поймёте. Вы, главное, запоминайте! Вот, слушайте пояснение.

И Настя рассказала им об информационном процессе. Если фараон принял новый закон и его поддержала судебная власть, но закон не оглашён, то он может не дойти до исполнительной власти, и чиновники его не исполнят. Надо не только принять закон, но и рассказать его каждому. Тогда закон будут знать и можно требовать, чтобы его исполняли.

– Во властной иерархической системе информационная власть находится над исполнительной, законодательной и судебной властью, – закончила Настя.

Египтяне сидели, закатив глаза, и старательно всё запоминали.

«Вообще, было бы интересно залезть в мозг к одному из них и посмотреть как происходит этот процесс, – подумала девушка. – Не пойму, зачем им это сейчас. Но ладно, ведь обещала...».

– Пятая ветвь – это идеологическая власть, – раздался голос одного из студентов. Настя повернулась к нему и одобрительно кивнула, а юноша продолжил: – Она действует следующим образом. Закон принят, он должен вступить в действие с момента его оглашения

четвертой властью. Однако пятая власть имеет право вмешаться в процесс и решить: стоит ли опубликовать закон либо не стоит.

– Это значит, что кто-то может помешать фараону принять закон? – удивился один из египтян. – Но это же неповиновение! Надо голову отрубить бунтовщикам или крокодилам скормить. А вы – «пятая власть»!

– Идеологическая власть действует не с позиции соответствия букве закона, – пояснила Настя, – а с позиции целесообразности. У вас же есть старейшины, которые могут посоветовать фараону, принимать ли ему закон или нет? Если есть, то вот они и есть та самая пятая власть.

– Старейшины есть, – ответил египтянин. – Но зачем такой закон принимать, если его старейшины не захотят одобрить?

– Зачем? – повторила Настя. – Ну, во-первых, фараон может ошибаться. Он же тоже человек. А, во-вторых, фараон может не осознавать некоторых глубоких последствий принимаемого им закона. Вдруг старейшины усмотрели в законе опасность для будущих поколений или для добрососедских отношений?

– Или, например, вооружённый государственный переворот, убийства людей, – пояснил студент. – За подобные действия первые три власти могут сотворить с зачинщиками переворота вполне ужасные действия. И четвертая власть уже сообщила людям о попытке госпереворота. Но из соображений некой целесообразности ничего к бунтовщикам не было применено. Они были амнистированы. А некоторые из них позднее даже стали важными чиновниками.

– Ты примеры и слова всё-таки выбирай тщательней, – улыбнулась Настя, а затем, показывая на затор

мозивших египтян, добавила: – Видишь, опять часть «компьютера» зависла.

Конечно, наблюдать за этим «компьютером» было интересно, но время поджимало. Поэтому Настя решительно подытожила:

– Так, товарищи египтяне, констатирую: пятая ветвь – идеологическая власть. В иерархии она стоит выше информационной власти и формирует направления течения информационных потоков.

После такого мастерски закрученного спича Настя выдохнула и довольно потёрла руки друг о друга. Она ещё раз обвела взглядом египтян и спросила – просто так, для интереса:

– А ваши жрецы, они какую религию исповедуют?

Египтяне снова замерли. Опять они смотрели на девушку непонимаючи. Вообще, было не понятно, что на этот раз удивило слушателей.

– Какому богу молятся ваши жрецы? – попыталась прояснить вопрос Настя.

Но реакция египтян не изменилась, а стала даже немного хуже. Очевидно, это из-за того, что непонятных слов во втором варианте вопроса было значительно больше, чем в первом.

– Вот вы, какому богу молитесь? – спросила девушка ближайшего к ней египтянина, но тот всё равно молчал. – У вас есть бог?!

– Царица, – ответил самый разговорчивый египтянин, – мы тебя не понимаем. Наши жрецы наблюдают за звёздами и солнцем. Они видели и Солнце, и звёзды. Но никакого Бога не видели. Мы у себя дома ставим статуэтки Матери Судьбы. Мы её зовём Мокошь – Мать космоса. Эту традицию мы принесли с собой то-

гда, когда пришли в эти земли из Гипербореи. Но мы не знаем никого по имени Религия или по имени Бог.

– Понятно! – ответила Настя. – Это даже хорошо. Значит, у вас не будет пока шестой власти. Каждая власть только усложняет жизнь.

Египтяне согласно закивали, а Настя продолжила:

– Так, вот! Шестая ветвь – это религиозная власть. Она у вас ещё будет. Нескоро, конечно. Но будет. А пока учите наизусть: религиозная власть вмешивается во все процессы, которые касаются интересов религии. А интересов религии, по мнению жрецов, касаются все вопросы. Поэтому вы увидите массу примеров, когда эта власть окажется сильнее предшествующих пяти. В стенах храмов будет твориться такое!

Настя обвела египтян взглядом и поняла, что те опять её не поняли, тогда она выдала самое низкое, что только смогла вспомнить в качестве примера:

– Служители этой ветви власти будут уличены за сексуальные домогательства к малолетним детям. Да, да! К детям!

– А как же обычаи и законы? – шарахнулись египтяне.

– Традиции, конечно же, соблюдаются. Но соблюдаются они простыми людьми. А в стенах храма плюют на них.

– Как же это «плюют»? А закон?

– Закон, регулирующий такие преступления, существует. Ему подчиняются все. Но ни в стенах храма.

– А судьи куда смотрят?

– Судебная практика тоже имеется. Но, опять же, не для религиозных иерархов.

– Царица, ты хочешь сказать, что эти, как ты их назвала, религиозные иерархи не подчиняются закону фараона?

– Не то чтобы не подчиняются. Просто у них такая функция, или, точнее, такая возможность, есть. Религиозные иерархи могут сами регулировать закон.

– И что же в этом случае получается? Какой же это закон? Это беззаконие!

– Нет, всё-таки не беззаконие. Это новая форма закона. Это новая власть. Та самая шестая власть. И ситуация здесь выглядит так. Информация о содеянных преступлениях доведена до широкой публики и до судебных органов. Но все молчат или возмущаются себе под нос. Даже идеологическая власть может решить, что этих преступников надо наказать.

– Тогда что может помешать фараону отрубить им голову? – в негодовании почти закричал египтянин. – Что это за люди, которые совершают такие преступления?

– Вот, вот! Первые пять властей говорят о необходимости запрета и осуждения подобного общества, – тем временем нагнетала страсти Настя. – Но шестая власть – религиозная – начинает запутывать процесс. Вместо того чтобы разобраться с происходящим по закону, она разжигает спор о том, разрешить или не разрешать служителям церкви вступать в браки. И несмотря на то, что между женщиной-женой и маленьким мальчиком существуют огромные различия, такой подход к решению проблемы с теофилами-педофилами принимается всем обманутым обществом как нормальный.

– Мы, конечно, запомнили всё, царица, – ответил на эту тираду египтянин, отдышавшись. – Но мы тебя по-прежнему не понимаем.

– Это сейчас не важно, – вздохнув, ответила Настя. – Просто запоминайте.

– Мы запоминаем...

– Седьмая ветвь – это финансовая власть, – продолжила девушка. – У вас есть деньги?

– Что? – снова повисло полное непонимание.

– Ах, да, – спохватилась Настя. – О чём это я? Извините, снова забылась. Так вот, крупные финансовые компании, когда они появятся, будут регулярно вносить пожертвования в религиозные организации. Однако не поровну во все известные миру церкви, а целенаправленно в некоторые из них.

– У нас нет финансовых компаний.

– Да нет. Но у вас есть базар! Вот тот человек, у которого много... товара, и есть финансовая компания. Понятно! – спросила Настя.

– Понятно, – уныло отозвались египтяне.

– Так вот. Тем, что разные храмы берут пожертвования у этих торговцев, и опровергается заявление этих храмов о своей независимости от мирских денег. Ведь получается, что зависимость есть, и есть твёрдая зависимость религиозных организаций от финансовых вливаний финансовой власти. И вот эта зависимость известна и на более низких уровнях. Вплоть до отдельных жрецов.

– Это понятно, – вдруг отозвался египтянин. – Кого больше любишь, тому больше и отдаёшь.

– Хорошо. Пусть будет так, – согласилась Настя. – Запоминайте дальше! Восьмая ветвь – национальная власть. Это самая мощная и самая сильная власть из

всех властей, которые создаёт само человеческое общество.

– Род превыше всего, – согласился египтянин и добавил: – А вот отношения родов строятся из соображений жизненной безопасности заинтересованного каждого рода.

– Вот именно! Это следствие Организмики, – быстро автоматически согласилась Настя, а потом, спохватившись, сообразила и удивлённо добавила: – А вы откуда это знаете? Это же научное утверждение из двадцать первого века!

– Так вы не первые, кто к нам в гости попадал из Гипербореи, – ответил египтянин. – Был до вас один человек. Мы с ним много беседовали. Он нас многому научил. Он писал книгу о нас – там, в будущем. Правда что такое «написать книгу», он не пояснил...

Настя пожала плечами. Ей почему-то вспомнился Аполлон, который периодически летал в Гиперборею. Может он и в Египет залетал. Хотя, надо сказать, Настя ошиблась: Аполлон появился несколькими тысячелетия позже описываемых событий. Но сейчас некогда было интересоваться подобным, нужно было решить вопрос с египтянами и вернуться домой.

– Ладно, продолжим. Каждый народ стремится обеспечить себя ресурсами, территориями и другими благами, – произнесла Настя. – Именно по причине особой мощи национальной власти возникают стычки на границах разных государств.

– Да, на нас тоже нападают туземцы с юга, – согласился египтянин. – Это мы понимаем. Перед такой угрозой забываешь всё остальное.

– Правильно. Значит, объяснять вам об этой власти ничего не надо.

– Об этой – не надо. Но ведь есть и девятая власть, – заговорческим тоном сказал египтянин. – Астрологическая. Она сильнее всех властей на Земле!

– А вы откуда знаете? – удивилась Настя.

Это было настолько неожиданно, что как-то всё остальное сразу же померкло.

– Откуда? – с улыбкой переспросил египтянин. – От знания астрологии зависит наша жизнь. Это наше земледелие. Это наши путешествия. И много чего ещё. Без астрологии мы и жить-то не сможем.

– Так. Вот теперь вы меня поставили в тупик. Получается, мы там, в двадцать первом веке, развиваемся-развиваемся, а вы тут всё с конца уже знаете! Как это получилось?

– Не с конца. У нас это – начало. Подумай сама, царица, знание годового цикла для нас важно? Да! Ведь это знание позволяет точно подготовиться к тому времени, когда надо заниматься полевыми работами. А знать направление на другой город или даже на другую страну нужно? Нужно! А как вычислить направление? По звёздам! Ведь по-другому никак. Но, как говорят гиперборейцы, самое главное заключается не в этом. Белые люди с севера знают о том, что есть большие циклы. Они очень сильно влияют на нашу жизнь. Они называют части этих циклов словом «эра». Одна эра – 2145 лет. Гиперборейцы также говорят, что каждая эра расположена под своим созвездием из пояса Совароха.

– Сварога, – автоматически поправила Настя, буквально ошеломлённая рассказом египтянина.

– Сварога, – повторил египтянин. – Сейчас идёт эра Сварога⁸. Через тысячу лет она сменится эрой Майи Златогорки и Дажьбога⁹. В эту эру люди будут ценить богатство. А затем придёт эра Богумира¹⁰ – люди будут любить власть и войну...

– ...А потом последовала эра Рыб. Это наш недавний мир. Его захлестнула волна добродетели – с одной стороны. А с другой – интриги и различные противостояния. И, наконец, совсем недавно, в 2002-м году, началась эра Водолея, – закончил свои предсказания профессор Эйн Вейзель.

Настя и Антон переглянулись:

– А я, видимо, задремал, – улыбнулся Антон. – Даже сон какой-то увидел. Такая фигня приснилась. Египтяне какие-то...

Настя сначала было улыбнулась и даже поддакнула, что, мол, и мне тоже такой же...

Но после этого заметила, что лицо Антона заметно загорело.

Настя молниеносно открыла сумочку и достала зеркало:

– И я тоже...

⁸ Эра Блинецов (6581 – 4435 гг. до н.э.). Сварог – древнее название созвездия Геркулеса.

⁹ Эра Тельца (4435 – 2289 гг. до н.э.). Поэтому именем Майи назван месяц Май. Майя – созвездие Девы, Дажьбог – созвездие Львов.

¹⁰ Эра Овна (2289 – 143 гг. до н.э.). Именем Богумира в древности были названы горы Урала.

Подчиняясь, управляю

Настя молча протянула зеркало Антону. Тот, ничего не понимая, взял предложенную вещь и машинально посмотрел в неё. Юноша чуть не отбросил зеркало. Ему показалось, что оттуда на него смотрит какой-то красный чёрт – это Антон успел так здорово загореть. Видимо, на ярое египетском солнышке...

– Фигня какая-то, – сказал он Насте, одновременно рассматривая её лицо. – Слушай, а ведь и ты красная... Ты тоже загорела!

Настя кивнула. Она уже знала это.

– Я думал, что задремал, и приснилось там что-то. А, оказывается, всё было по-настоящему! – продолжил Антон. – Но ведь такое невозможно!

Настя поняла его полувопросительный и полуотчаянный тон. Но она по-прежнему не знала что сказать Антону в ответ. Только молча пожала плечами, показывая взглядом, что она вместе с ним, но... Студенты ещё раз вместе пожали плечами и решили вернуться к лекции.

– Один из законов Организмики звучит так: «Подчиняясь, управляю», – тем временем торжественно произнёс старец Кулик.

Весь его вид был традиционен, то есть такой же, каким он был всё время, пока читал эту странную лекцию. Казалось, что старец Кулик даже и не подозревал о каких-то «таких» событиях, которые несколькими минутами ранее происходили со всеми этими студентами.

Студенты ждали ответа. Но старец Кулик, полностью поглощённый чтением лекции, принялся объяснять работу названного им закона:

– Напомню определение понятия «организм»: организм – любой набор информации, ограниченный управляющей матрицей. Из этого определения следует, что любая информация может находиться в одном из двух состояний. Она может либо входить в организм, либо не входить в него.

О-о-о-о, как тяжело возвращались мозги из Древнего Египта. Казалось, что они, залипшие в жаркой стране, тянулись, как только что сваренная карамель или серьёзно разжёванная резинка, и в лектории от этого стоял такой скрежет, что здание чуть ли не разваливалось.

– Но может быть и третье состояние, – подлил масла в огонь непонятности Вейзель.

– Да, с учётом третьего постулата, – просто согласился старец Кулик.

Он напомнил измаявшимся студентам, что именно этот постулат определяет – всякий организм является составной частью организма более высокого уровня.

Эти несколько слов студенты уже усвоили до автоматизма. Они давно стали себя ощущать частью какого-то организма. Может быть, даже частью того коллектива, который самостоятельно сложился в этом лектории. И каждый себя ощущал так, словно он какой-то электрон и в таком виде входит в атом. Или атом, который входит в молекулу. Или молекула, которая входит в состав макровещества. Или вещество, которое входит в тела...

Не давая мыслям студентов сильно расползтись по случайным и надуманным образам, старец Кулик сделал новый акцент. Профессор словно прочитал эти образы и, как спасательный круг для разбредаящихся мыслей, протянул вполне отчётливую формулировку

следствия постулатов Организмики: «неживая материя» не может существовать вне какого-либо организма, всегда найдется организм, частью которого является данный объём «материи».

– Отсюда понимаем, всякая информация является частью организма, то есть входит в какой-либо организм, – закончил старец Кулик, уверенный, что всем всё стало ясно.

Однако студенты молчали. Это был верный знак, что только что озвученная часть лекции не долетела до их восприятия. Эйн Вейзель тяжело посмотрел на студентов, понял, что они ничего не поняли, и поинтересовался у коллеги:

– И в чём же суть объявленного вами закона?

– В том, что как составная часть организма всякая информация испытывает на себе воздействие управляющей матрицы данного организма, заставляющей данную информацию подчиняться интересам управляющей матрицы, – принялся разжёвывать старец Кулик.

– А в случае неповиновения?

– Если же какая-либо информация не повинуется воле управляющей матрицы, то такая бунтующая информация будет заменена новой информацией, лояльной по отношению к управляющей матрице.

Появление бунтующей информации заметно оживило интерес к происходящему. Наконец-то, вроде бы, взаимопонимание стало налаживаться.

– Приведите примеры, – пользуясь моментом, повернул к диалогу Вейзель.

– Примеры? – переспросил старец Кулик, собираясь с мыслями; он несколько секунд посоображал,

а затем неожиданно произнёс: – Пожалуйста! Антон, приведите пример!

И действительно, при хорошей наблюдательности примеры бунтующей информации и методов борьбы с ней можно было найти везде. Несмотря на неожиданность поручения, юноше даже не пришлось сильно включать фантазию:

– В политике это институты импичмента, отставка, перевода на другую работу и так далее. В бизнесе и экономике – это институты увольнения, сокращения и так далее. В биологии – это система лейкоцитов, иммунная система и ряд других систем. В религии – это институты еретиков, ведьм, вероотступников, проклятых, бесноватых и так далее.

– Прекрасно! – согласился Вейзель, пристально всматриваясь в глаза Антона, и, уже обращаясь к коллеге, продолжил вопрос: – А если процесс подчинения информации воле управляющей матрицы происходит в приемлемом для последней виде?

– То управляемая информация приобретает для себя все блага системы, принявшей её в подчинение, – ответил старец Кулик.

– Хорошо, – подытожил Вейзель, – а теперь расскажите подробнее про механизм работы названного вами закона.

– Механизм таков, – ответил старец Кулик и подробно рассказал как работает закон «Подчиняясь, управляю».

Выяснилось, что судьба «одинокой» информации кардинально изменяется, когда эта информация находит себе «хозяина» и подчиняется ему. То есть происходит иерархическая идентификация «одинокой» информации. После того как «одинокая» информация

нашла себе «хозяина», она, встречаясь с аналогичными информациями своего уровня, действует уже от имени «хозяина» и поэтому имеет ряд преимуществ перед другими информациями, не нашедшими такого «хозяина».

И поскольку обе информации – и нашедшая «хозяина», и не нашедшая его – являются частями одной и той же системы либо разных систем, вопрос о результате их встречи состоит только в том, в какой иерархической расположенности они действуют друг относительно друга.

– Вопрос об иерархии – старый вопрос, но он понятен в общих чертах, – ответил Вейзель. – Нас интересует конкретика!

– Вот она, – бойко ответил старец Кулик. – Из возникшей иерархии между организмами просматривается ряд следствий, применяемых в разных областях науки.

– И снова прошу вас представить примеры.

– В политике это институты чиновничества, ветвей власти, фискальных органов. Точнее, их действия по отношению к понятию «народ». В бизнесе и экономике это институты карьерной лестницы, филиалов, дилеров, дистрибьюторов, сегменты рынка и так далее. В биологии это институты желаний, удовольствий, голодания, закаливания, тренировки, гигиены и другие. В религии это институты иерархов и паствы, святых, пророков, блаженных и др.

– То есть вы хотите сказать, – спросил Вейзель, – что таким образом любой организм будет всегда находиться в том или ином подчинении у некой управляющей матрицы?

– Именно так! – ответил старец Кулик. – К тому же, если быть точным, организм всегда находится в многоуровневом подчинении.

– То есть?

Далее выяснилось, что на организм действуют различные иерархические управляющие матрицы. Или иначе можно сказать – организм одновременно входит сразу в несколько функционирующих систем. При таком перекрёстном подчинении самому организму зачастую остаётся всего лишь одна степень свободы. Она предписывает организму оказаться в наивысшей степени подчинения, возможной для этого организма. Если такое подчинение выстраивается, то подчинённый организм получает наивысшую степень управления подобными себе организмами – теми, которые теперь оказались ниже его в иерархии подчинения.

– Давайте-ка я приведу пример, чтобы посмотреть, правильно ли я вас понял, – предложил Вейзель.

После того как старец Кулик одобрительно кивнул, Вейзель пояснил обсуждаемый вопрос на примере «нового политика».

Для индивидуума, избравшего для себя стезю политика, необходимо как можно скорее оказаться в числе подчинённых тех людей, которые осуществляют реальную власть в данной стране, регионе, области, городе, префектуре. Тогда иерархи могут проявить заинтересованность в «новом политике». Если это состоится, то иерархи изыщут средства и способы поднять по политической лестнице «нового политика», выражающего по отношению к иерархам лояльность.

– Вы несколько сложновато выразились, – ответил старец Кулик, – но сказали всё правильно. Я же добав-

лю следующее. Делать свой политический имидж на противостоянии действующей власти можно только в том случае, когда имеется поддержка более высокого уровня власти. Давайте пошагово разберём с вами вот такой пример. Судья, то есть первый уровень власти, может вынести приговор... Продолжайте, пожалуйста!

– ...С нарушением требований закона. Это третий уровень власти, – ответил Вейзель. – При этом судья руководствуется такими мотивами: «чтоб не повадно было», «чтобы другие знали»...

– В этом случае, идя на конфронтацию с третьим уровнем власти, судья пользуется поддержкой высших уровней власти..., – продолжил старец Кулик.

– ...Либо информационной власти – четвёртый уровень – «нужно публично наказать» либо необходима «демонстрация могущества», – в свою очередь, продолжил Вейзель.

– ...Либо идеологической власти – пятый уровень. Здесь уже обоснование незаконных действий иное: «в наставление другим», «отчётность», «демонстрация силы», «демократичность», – продолжил старец Кулик.

– ...Либо религиозной власти – шестой уровень: «подрыв веры», – сказал Вейзель.

– ...Либо финансовой власти – седьмой уровень: «исключение конкурента», «отстаивание владений», – продолжил старец Кулик.

– ...Либо национальной власти – восьмой уровень: «чистота нации», «национальная безопасность», «национальный интерес», – завершил Вейзель и констатировал: – Такое поведение судей не только встречается, но и уже стало абсолютной нормой их поведения.

– Конечно, такое поведение судей будет распространено всегда, – шепнул Антон Насте. – Ведь судьи

получают взятки, часть которых они передают наверх, и этот «верх» их и покрывает. Всё вполне логично.

– Но это неправильно, – ответила Настя. – Чем выше взлетел, тем больше карманы? Так нельзя! Так не бывает. Так не было раньше!

Книга «Не» Ивана Грозного

– Почему же не было? – удивился Вейзель, явно услышав последнюю фразу, произнесённую Настей. – Всегда всё было одинаково. Только одежда на людях различалась тем, что сегодня мы называем модой, а поступки всегда были одними и теми же. Мы можем рассмотреть всё это на очень показательном примере.

Студенты согласно закивали головами, почти автоматически предчувствуя новое путешествие или какое-либо приключение.

– В самом начале двадцатого века учёные не знали, что существовал древнерусский письменный язык, – произнёс старец Кулик. – Но вот археологам стали попадаться берестяные грамоты, и учёные поняли, что уже в десятом веке Русь говорила на весьма развитом языке.

– Как бы нам всё это увидеть? – скептически отозвался Антон, провоцируя старцу Кулика к немедленным действиям.

– Смотрите! – просто ответил старец Кулик, и студенты мгновенно оказались в книгохранилище.

– Где это мы? – испугался Антон.

– Молодёжь! Вы в библиотеке царя русского и гиперборейского Ивана Васильевича Грозного! – торжественно отрапортовал мужик в странной одежде с разрезанными длинными рукавами.

– А вы кто? – с испуга спросил мужика Антон.

– А я – хранитель книг.

– И вы не удивлены нашему появлению? – спросила Настя.

– Нет. Я вас ждал.

– Ждал? – удивился Антон.

– Да. До вас был один читатель из будущего. Он мне сказал, что вы придёте. Поэтому я вас ждал.

– И вы верите в будущее? – теперь удивилась Настя.

– А зачем мне «верить» или «не верить»? Я знаю, что это так. Вы же ведь здесь! – улыбнулся библиотекарь.

– Да... Мы здесь,... – ответил Антон, а потом спохватился: – Где «здесь»?

– Я же сказал, вы в библиотеке царя русского и гиперборейского Ивана Васильевича Грозного! – также торжественно отрапортовал мужик в странной одежде с разрезанными длинными рукавами.

– И какой сейчас год? – спросил мужика один из студентов.

– Семь тысяч шестьдесят третий, – ответил тот без запинки.

– То есть по-нашему 1555-й год, – посчитал студент.

– Почему это по-вашему 1555-й год? А остальные годы где? Куда вы их дели? – пришёл в негодование библиотекарь.

– Да, был тут после вас один сумасшедший царь. Он так Европу любил, что свою историю России полностью под нож пустил, а вместо неё европейскую историю на Руси сделал.

– Европу? – рассмеялся библиотекарь. – Что её любить? Её учить надо. То мыться их научим, то уму-разуму. А они всё равно воруют и воруют. Дикари!

– Уважаемый библиотекарь, – набрался смелости Антон, – а у вас есть какие-нибудь древние русские книги?

– Что значит «какие-нибудь»? – удивился библиотекарь.

– Да, в наше время почти ни о каких книгах неизвестно, – признался Антон.

– Куда ж они делись? – не поверил ему библиотекарь.

– Не знаем, – пожал плечами Антон.

– А какие годы вам нужны? – спросил библиотекарь.

– Десятый – одиннадцатый века, – предложил Антон.

– Шесть тысяч пятисотый год примерно, – поправила его Настя.

– Ну, вот смотрите, – показав студентам рукой на огромный сундук, библиотекарь открыл его и с величайшим почтением достал несколько деревянных книг: – Вот керы¹¹. Они очень старые. Им по пятьсот – по шестьсот лет. Но они в полном порядке. Их можно читать.

Студент взял одну и раскрыл. Это была дощечка с вынутой примерно миллиметров на пять сердцевинкой, залитой после этого воском. На воске были нацарапаны какие-то каракули. И они сохранились!

– А вы можете прочитать? – попросил библиотекаря Антон, протягивая ему книгу.

¹¹ Кера – общее название древней книги. Латинизированное «сега» – «цера». От «кера» (книга, писание) происходит «кирилл», «Коран» и др., а также «царапина», «каракули», «кирилица» и т.д.

– Конечно, – ответил библиотекарь и стал читать текст, начертанный на воске той самой керы.

– Книга «НЕ». 12 месяц 5509 года, – прочитав название книги, библиотекарь отвлёкся от текста и посмотрел на ребят, убедился, что те его слушают, и продолжил: – Когда ли были те времена. Но пришла на землю нашу грязь невытая. Долго сеяли они семя чёрное, семя злобное. Аж, три тысячи лет. Да, ещё одну. И забрали они всё, что нажито, всё, что дорого, всё, что значимо. И забрать смогли наше будущее. Глупо верили мы, «веря их богам», что придёт наш Бог да с победою. А они-то знать обо всём могли. Ведь они те книги пописывали. Как пописывали и почитывали, так узнали они о каре той, что постигнет их. Знать-то знали те – те, что злобные. Только нам-то сделать что – не смогли бежать, – библиотекарь остановился, чтобы перевести дух, и спросил: – Продолжать?

– Да! Да! – ответили студенты, заворожённые распевным голосом библиотекаря и красотой древнерусских формулировок.

– Верил я и ты в их чужих богов. Зная, врут они – им нужна земля, поразмножить зло. Мы погоним их со своей земли. Да очистим ся от чужого зла. А они – уйдут. Вот же наш пришёл Бог единственный. Он победу даст. Мы – возьмём её. Ты же выучи всё, что есть в сиём. Соблюдай сиё только лишь одно. Али споришь ты с тем, что писано? Не гневи Меня – только слушайся! А поспоришь ты с тем, что писано, – разгневишь меня и получишь зло. А поспоришь ты с тем, что писано, сам себя сожрёшь и родню свою. А поспоришь ты с тем, что писано, значит ты – чужой, ты для нас не свой. Ты же выучи всё, что есть в сиём, повторяй сиё аж по сотни раз. Ты запомни всё – всё, что написано.

Зная, писано – да запомнено. Да исполнено – это сделано! – библиотекарь прервался и сказал: – Это было вступление. Дальше идёт текст самой книги. Его можно читать только очень сильному человеку. Я не могу.

– Мы – сильные! – постарались убедить библиотекаря ребята, вспоминая свои недавние приключения. – Читайте дальше!

Библиотекарь изучающе посмотрел на ребят и предложил, указав на Антона:

– Пусть вот он читает!

Антон попятился в нерешительности, но студенты стали выталкивать его вперёд, убеждая, что у него получится.

– Ну, хорошо, – наконец, согласился Антон, – я попробую.

Он молча пробежал несколько строк, набрал в лёгкие воздуха и стал громко и с выражением читать:

– Первое. Не гнати себя властью чуждою, знай, что власть сия только для него. Второе. Не люби совсем ты чужих богов, знай, что боги те для тебя беда. Третье. Не борись ни с кем за чужих богов, знай, что боги те для тебя чужие. Четвёртое. Не твори всему зла и горя ты, знай, что среди всех ты один из них. Пятое. Не воруй же ты и добра других, знай, что вор в тебе и тебя убьёт. Шестое. Не пускай других на свою землю, знай, что те придут – обберут тебя.

Антон прервался, чтобы перевести дух. Он медленно обвёл студентов пристальным взглядом и после этого продолжил:

– Седьмое. Не прощай врагов, причинивших зло, знай, что должен ты за себя стоять. Восьмое. Не терпи совсем гнёта разного, знай, придёт затем гнёт в семью твою. Девятое. Не суди других на суде любом, знай,

что ты, судья, не во истине. Десятое. Не мори себя разным голодом, знай, что голод-страх порождает зло. Одиннадцатое. Не пускай в полёт слово лживое, знай, летит оно и к тебе – назад. Двенадцатое. Не равняй себя среди прочих ты, знай, сравнишься – станешь ты как все. Тринадцатое. Не терзай себя ты в сомнениях, знай, что тот дойдёт, кто хотя бы шёл.

Антон оторвал глаза от текста. Он протянул керу библиотекарю и поднял на ребят полные воодушевления глаза. Студенты тоже стояли, сильно впечатлённые старинными рифмами высокого слога.

– Почему всего тринадцать? – спросила Настя.

– По числу созвездий в колесе Сварога, – обыденно и привычно ответил библиотекарь.

– И вы хотите сказать, что эта книга 5509-го года? – спросила Настя. – А разве на Руси в это время умели писать?

Библиотекарь рассмеялся. Причём так сильно, что, казалось, стены начнут осыпаться.

– В это время, которым датирована книга, на Руси все дети умели писать! – ответил мужик. – Я не говорю уж о женщинах и мужчинах.

– На чём писали?

– Как на чём? – удивился библиотекарь. – Писали как все. Между собой обменивались грамотами из бересты. Просто писали свои соображения и отправляли друг другу с кем-либо или специальным гонцом. Другие писали на таких вот керах. На коже тоже писали. Да на всём писали, на чём только буквы видать!

– А та книга, которую вы только что нам прочитали, она о чём? – спросил один студент.

– Мил человек! – ответил библиотекарь. – Ты же слушал! Так что же, ты не услышал?

– Я имею в виду, о чём она вообще? – попытался разъяснить свой вопрос непонятливый студент.

– Это текст закона, который говорит как надо относиться ко всему чужому, – ответил библиотекарь. – Не только к людям-чужакам, но и к чужому образу жизни, чужим обычаям, чужим традициям. Всех надо гнать вон. Иначе свой род будет истреблён...

– ...Интересно, а этот библиотекарь был настоящим? – спросил Антон Настю, когда они уже вернулись в лекторий.

Это возвращение стало таким обычным, что на нём никто уже не концентрировал своё внимание. Студенты привыкли к тому, что после каждого небольшого путешествия они возвращались на своё место – целыми и невредимыми. После обязательного возвращения происходила такая же обязательная беседа, которая разъясняла некоторые тонкости недавно случившегося.

– Не знаю, – ответила Настя. – С одной стороны, он был очень реальным. Помнишь, как он смеялся? Штукатурка осыпалась! Но с другой стороны, мы же понимаем, что такого просто не может быть...

– ...Чего не может быть? – как-то странно впопад удивился старец Кулик в ответ на не расслышанный студентами вопрос Вейзеля.

– Не может быть того, что бы один и тот же человек был сразу в двух местах. Например, в прошлом и в настоящем, – пояснил Вейзель. – Или вы хотите сказать, что...

Глава 7. Мнимость

«Во всей армии ходили самые радостные, хотя и несправедливые слухи о мнимом приближении колонн из России».

Лев Толстой. «Война и мир»

«Начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые выжидали удобного случая для возобновления беспорядков».

А. Пушкин. «Капитанская дочка»

Куда исчез кот?

– ...Мнимые организмы – это не редкость, – пояснил старец Кулик. – Они окружают нас всегда и везде. Просто мы не придаём этому такого значения, чтобы соответственно реагировать на присутствие мнимого организма.

Вейзель демонстративно поднял отсутствующие брови:

– Какие такие «мнимые организмы»? Все мы здесь абсолютно реальные! И вы, и я, и все студенты – реальные! Приведите, пожалуйста, пример того, что вы называете мнимым организмом!

– Пример? – церемониально переспросил старец Кулик. – Извольте! В журналистике и писательстве широко приняты псевдонимы...

А ведь действительно, вот вы читаете какую-то очередную статью. Под ней находится подпись, выполненная именем «Псевдоним». Но в реальности человека с именем «Псевдоним» не существует. Он не

был рождён. Он не ходил в школу. Он не учился в университете. У него не было ни матери, ни отца. Он никогда не ел и не пил.

Просто однажды некий гражданин решил присвоить себе ложное имя. И этим именем стало то самое имя «Псевдоним». С этого момента в реальности произошло любопытное событие. Из одного прежнего настоящего человека выделилась некая субстанция и превратилась в нового самостоятельного человека. Стало два человека. Один – с именем «Настоящее имя». Другой – с именем «Псевдоним».

– Может вы хотите сказать: «Нет! Это же один человек!»? – закончил свою мысль старец Кулик.

– Пожалуй, – несколько безвольно согласился Вейзель.

– Не тут-то было! – напористо продолжил старец Кулик. – В западной культуре использование псевдонима развито широко. Это деятели литературы и искусства. В некоторые эпохи в восточных культурах было обязательным изменение имени – при изменении социального статуса.

Старец Кулик прервался, как будто что-то неожиданно вспомнил, и, уже обращаясь к аудитории, предложил:

– Может, кто-то хочет дополнить мои примеры?

Тишине не удалось так быстро опуститься. После первых её покрывал раздался до боли в зубах знакомый писклявый голос:

– В церкви и в наши дни осталась традиция псевдонимов. Это обязательная перемена имени у священников и монахов. Хотя, в общем-то, называть церковные имена священнослужителей псевдонимами почему-то не принято.

– В бандитских кругах культ псевдонимов также широко развит, – ответила низким голосом девушка с последнего ряда.

После своей реплики она, довольная таким выступлением, ещё долго натянуто улыбалась друзьям, не желая садиться на место и демонстрируя по-мужски наколотые руки.

– В Сети! – коротко произнёс малый с первого ряда; он смущённо поправил очки и добавил: – Использование псевдонимов стало почти нормой. В Сети псевдоним называется ником.

– Немногие знают, что, например, Вольтер на самом деле имел имя Франсуа-Мари Аруэ, Джек Лондон – это Джон Гриффит Чейни, Марк Твен – Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, а О. Генри – это Уильям Сидни Портер, – снова прорезал пространство аудитории нестерпимый писклявый голос.

Он на секунду остановился, как будто меняя фрезу в своей дьявольской дрели, а затем принялся визжать с новой силой:

– И не только писатели и артисты стремились уйти от идентификации. Политики, журналисты, священнослужители и преступники – все в какой-то момент своей жизни уходили от своего имени «Настоящее имя», заменяя его именем «Псевдоним».

После этих слов наступила долгожданная тишина. Уши студентов отдыхали от визга, зубы приходили в себя от нестерпимой боли. Предоставляя студентам возможность вернуться к нормальному состоянию, старец Кулик подытожил:

– Прекрасно! В подавляющем большинстве случаев, если вы проследите журналистские пути человека

по имени «Псевдоним» и человека по имени «Настоящее имя», то вы увидите совершенно разные судьбы. Человек под именем «Псевдоним», как правило, пишет острые, социальные, резкие статьи, такие статьи, которые негативно относят к объекту журналистского нападения. А человек с именем «Настоящее имя» пишет плавные и миролюбивые статьи, лояльно настроенные по отношению к тому же объекту.

– Не понимаю, зачем это нужно, – демонстративно пожал плечами Вейзель.

Старец Кулик вместо ответа повернулся к аудитории и вопросительно поднял брови. Уже через секунду он понял, что сделал это зря.

– При правильном оперировании именами «Псевдоним» и «Настоящее имя» в споре газеты и объекта журналистского нападения появляется два журналиста, действующих одновременно, – снова заработала адская дрель.

Старец Кулик увидел как стали корчиться студенты и поспешил взять инициативу в свои руки:

– Вы абсолютно правы! Каждый из таких журналистов выдаёт полярные материалы в необходимом для той и другой стороны контексте. Это выгодно и тем и другим. Псевдонимов может быть и больше, нежели один. Поэтому фактическое журналистское сообщество в несколько раз по численности превосходит действительную свою часть.

– Так можно и в физике найти подобное, – подхватил Вейзель, понимая, что с примерами нужно уйти с гуманитарного поля, чтобы избежать общения с «дрелью». – Мы ждём от вас примеров!

– Невозможно вычислить точное положение электрона в пространстве, можно определить лишь вероят-

ность его нахождения в той или иной точке пространства, – произнёс Антон. – Говоря о том, что данный электрон присутствует в данной точке с вероятностью 0,6, мы можем также утверждать, что он же находится в остальных точках с вероятностью 0,4. Один и тот же электрон находится в нескольких разных точках пространства. Или, точнее, в нескольких разных точках пространства могут одновременно находиться несколько копий электрона с суммарной вероятностью, равной единице. Притом что электрон всего один.

– У меня, – удивился старец Кулик, – сразу же возник вопрос: откуда взялись другие копии электрона?

– Они – вероятностно-мнимые, – пояснил Антон.

– Не правильнее ли было бы говорить о том, что каждый организм, или в данном случае электрон, заполняет всё имеющееся пространство? – предложил старец Кулик.

– Возможно, – согласился Антон и предложил в свою очередь: – И это притом, что в каждом конкретном месте пространства некая управляющая матрица, заинтересованная в организации местного организма, собирает все действительные и мнимые части всех организмов и выстраивает из них свой собственный организм. В итоге этот организм устроен так, что состоит и из действительной и из мнимой частей.

В этот момент на сцену вышел чёрный кот. Он шёл уверенно, обнюхивая невидимые препятствия и внимательно вслушиваясь в несуществующие звуки. Эйн Вейзель подошёл к коту и прицепил к его ошейнику небольшой передатчик. На классной доске сразу же возникло изображение. По мере того как кот путе-

шествовал по местности, на доске появлялась сеть его походов...

– Давайте рассмотрим пример, – предложил старец Кулик, отвлекая студентов от созерцания путешествий кота. – Допустим, Коля и Петя работают вахтовым способом на буровой вышке. По две недели каждый. Вышка расположена далеко от дома каждого из них. Вопрос: сколько человек присутствует сейчас на вышке?

Студенты молчали, и тогда Вейзель взял инициативу в свои руки и громко произнёс:

– Нона, скажите нам вы, сколько человек присутствует сейчас на вышке?

Девушка ответила молниеносно, как будто только и ждала этот вопрос:

– Я думаю, что правильный ответ: оба, с вероятностью по 0,5 каждый.

– А сколько человек присутствует в каждой семье этих молодых людей? – задал следующий вопрос Вейзель.

– И дома, в семьях каждый из них в этот же самый момент присутствует с вероятностью по 0,5, – уверенно ответила Нона.

– И в итоге?.. – протянул вопросительно Вейзель.

– В итоге мы имеем два организма, Коля и Петя. Они присутствуют одновременно в трёх вышестоящих организмах: первый – семья Коли, второй – семья Пети и третий – буровая вышка. Последняя выполняет ещё и роль управляющей матрицы. Она определяет необходимые условия для того, чтобы вышка нормально функционировала. И для этого необходимо и достаточно, чтобы на вышке имелось два рабочих организма – Коля и Петя. Каждый с действительной частью 0,5 и мнимой 0,5, – максимально развёрнуто от-

ветила Нона, не дожидаясь нудных дополнительных вопросов.

Но один всё же последовал:

– А семьи?

– Для каждой из семей необходимо и достаточно, чтобы имелся лишь один организм с действительной частью 0,5 и мнимой 0,5. Для одной семьи это Петя, для другой – Коля, – ответила Нона, немного подумала и добавила, чтобы уже окончательно закрыть тему: – Если же два организма не набирают в сумме необходимого местной управляющей матрице действительного и мнимого состава, то требуется дополнительные организмы, то есть рабочие-вахтовики со своими семьями.

Вейзель несколько раз хлопнул в ладоши, показывая всем, что он крайне доволен таким чётким и определённым ответом. Затем он вспомнил о забытом коте, который всё это время продолжал методически исследовать округу:

– Так, а где наш кот? Давайте-ка посмотрим, что он нам навыхаживал?

Все взоры устремились на классную доску. На ней траектории походов кота практически слились в одно сплошное поле разнообразных линий. Казалось, что кот хаотически ходил по разным направлениям, не подчиняясь никаким законам. Однако закон всё-таки проглядывался. Все линии не заходили за некую границу, которая, очевидно, очерчивала владения этого кота.

Некоторое время поизучав получившуюся сеть, Вейзель вдруг сказал, обращаясь к коту, «Спасибо!», и кот, совсем по-человечески помахав студентам на прощание лапой, поднял хвост трубой и умчался куда-то за ту самую классную доску.

– Вот теперь мы с вами не видим нашего кота. Он ушёл, – принялся комментировать ситуацию Вейзель. – Но у нас осталась карта его траекторий. Что можно по ней сказать? Пожалуйста, Настя!

Настя не ожидала такого вопроса. Она медленно встала, пытаясь собраться с мыслями. Мысли не приходили, а, напротив, путались, как те самые линии, которыми хаживал чёрный котик. Девушка уже было хотела отказаться от ответа, но, машинально взглянув в сторону Ноны, увидела лицо, приготовившееся насладиться провалом конкурентки. Настя собрала всю волю в кулак – воля пиццала и извивалась, но девушка сжимала её сильнее и сильнее.

– Если в нашем распоряжении... окажется такая картинка... то есть картинка с траекториями... или треками... некоторого организма... кота... то мы сможем утверждать только о том... – несколько неуверенно начала Настя, но потом снова взглянула в сторону Ноны и продолжила уже гораздо более уверенно: – что вероятность нахождения кота в очерченной им самим области равна единице. А в какой именно точке этой области в данный момент находится кот, мы узнать не сможем. Получается, что кот равномерно размазан по всей области своих владений. Если эту область мы разделим, допустим, на десять частей, то в каждой из них кот будет находиться реально с вероятностью 0,1 и мнимо с вероятностью 0,9. Чем больше будет частей, тем выше значение мнимой доли в составе нашего кота. И при бесконечном количестве фрагментов области можно сказать, что кота в ней вообще не существует.

– Интересно..., – протянул профессор Вейзель. – Кот, вроде, есть, но его, вроде, нет...

– Что-то мы засиделись в аудитории, коллега. Есть кот, нет кота – это теперь не важно. Мы с вами знаем много других мнимых организмов, – сказал старец Кулик. – Стоит только обратиться к опыту истории.

– Вы это о чём? – лукаво улыбаясь, ответил Вейзель.

– Да, вот, например, наш давний друг – древний мудрец Платон. Давайте с ним поговорим насчёт мнимых организмов в истории.

Признание Платона

Афины – древний город, названный именем могущественного змея Описа. Около семи тысяч лет тому назад он поселился в Аттике, а его сёстры змея Упа и змея Уфа до сих пор живут на Руси. Владения змеи Упы раскинулись в Тульском крае, а владения змеи Уфы – в западных отрогах Уральских гор. В наши дни эти две великие змеи превратились в реки и стали невидимыми для человека. А змей Опис – двухголовый змей Ра – спрятался в пещере, расположенной под самым центром Афин, глубоко под поверхностью Земли, в недрах парка Педион ту Ареос.

Со времени, когда Греция была русской Пеласгией, и до сих пор змей Опис добросовестно поддерживает некогда просвещённую древнерусскую землю, ставшую теперь семитской Грецией. Ушедши под землю, перестал змей Опис следить за соблюдением закона на поверхности. И потянули из Греции свои лживые побег невятные греческие мифы.

Афины встретили студентов жарким полуденным солнцем. Оно разогревало металлические части так, как будто готовило их для последующейковки.

И только камень, покрывавший улицы и стены домов, оставался по-змеиному холодным.

Студенты прислушались и удивились, действительно, вроде как со стороны горы и сейчас слышится еле уловимый отзвук наковальни. Пройдя несколько шагов в направлении звука, они увидели беловолосого старца, сидящего на криво-сколоченном деревянном стульчике.

Под натиском неудержимого солнца здесь высвечивались не только волосы стареющих людей. Кажется, что и сами старцы становились прозрачными на просвет, а от мыслей в их головах оставались только внешние оболочки – подобно обёртке от конфет: красивые, цветастые и не имеющие никакого наполнения.

– Дедушка, – обратился Антон к просвечивающемуся старцу, – вам не жарко под таким палящим солнцем? Шли бы лучше в тенёк.

– Спасибо, юноша, за заботу, – ответил старик, – но мне и так скоро в тень, я погреюсь пока.

– Антон, – прошептала ему на ухо Настя, – тебе старичок никого не напоминает?

– Кого «никого»?

– Вы случайно не Платон? – спросила напрямую Настя.

– Многие зовут меня так, – ответил старик и подмигнул Насте.

– Вы! Платон? – удивился Антон, но тут же собрался; юноша понял, раз их сюда забросили, значит, что-то нужно узнать или сделать: – А расскажите, пожалуйста, нам свою историю?

– Мою историю? – переспросил, усмехаясь, Платон. – Это какую же? Про Афины или про меня самого?

– Про вас! – радостно сказала Настя. – Мы же толком о вас ничего и не знаем.

– Ну, что ж, – вздохнул Платон, – слушайте. Меня зовут Платон. На вашем языке это значит «Пахарь» или «Работник в поле», «Полянин».

– А нам говорили, что ваше имя переводится как «Широкоплечий»? – прервал Платона Антон, изо всех сил придавая своему лицу умный вид.

– Нет, – удивился Платон и, кряхтя, встал с табуретки. – Какой же я широкоплечий? Вам следовало больше внимания уделять знанию вашего родного языка. Тогда бы вы видели, что в основе моего имени лежит слово «Поле», а не «Ширина» или «Плечи».

Платон сделал недовольное лицо, продемонстрировал его обступившим его студентам, обидчиво помолчал и наконец продолжил:

– Кроме этого, я – ребёнок звёзд. Мне широкие или узкие плечи ни к чему. Мне нужен простор, поле.

– Что значит «ребёнок звёзд»? – удивилась Настя.

– Девочка! – ответил устало Платон. – Я живу в мифах. Я никогда не жил в вашем реальном мире.

– Настя, не перебивай, дай дедушке рассказать свою историю, – удивился не меньше Настинного Антон.

– Слушайте, дети, – продолжил Платон. – Я происхожу из обычного мессианского рода. То есть я родился и жил в астрономических мифах. Как и положено всем мессиям, я был зачат непорочно. Кстати, об этом я говорил Диогену Лаэртскому. Надеюсь, вы читали его труды – таких авторов надо читать.

– Как это непорочно? – опять встряла Настя. – А как же ваш отец? Ваша мать?

– Одно другому не мешает, – ответил Платон. – Для мессий это нормально. Я родился в семье, имев-

шей аристократическое происхождение. Моим отцом был Аристон. Его род восходил к последнему царю Аттики по имени Кодр. Моей матерью была Периктиона. Её предком был афинский реформатор Солон.

– Это всё исторические люди, – согласно кивая, показал Платону свои недюжинные знания истории Антон.

– Я понял ваш юмор, – ошарашил его Платон.

– Почему юмор? – искренне удивился Антон.

– Мальчик, я же сказал, что я из рода мессий. Повторюсь: это значит, что я родился и жил в астрономических мифах, – спокойно ответил Платон. – Я никогда не жил в вашей реальности! Это ваши горе-историки заставили меня «жить» в исторической Греции.

Платон перевёл дух и продолжил:

– Итак, идём дальше. Мой далёкий предок по имени Кодр был сыном мифического царя Аттики Меланфа. Кодр был великим царём. Его имя происходит из земель русов гиперборейцев. Страбон знал это.

Платон снова сделал паузу:

– Царь Кодр правил Аттикой и был женат на афинянке. В это время Аттику стали завоёвывать племена дорийцев. Оракул предсказал, что эти животные с востока только в том случае не завоюют Аттику, если погибнет царь Кодр. И тогда царь Кодр принял свой первоначальный вид. Он стал дровосеком, который срубает Дерево жизни. Взял свои традиционные атрибуты – серп и топор – и отправился в дорийский лагерь. Там он нарочно завязал драку, ранил серпом вражеского воина, но в итоге был убит.

– И это всё было в реальности? – с интересом спросила Настя.

– Нет, конечно, девочка моя, – ответил Платон. – Я же сказал: это всё астрономические события, которые люди со временем перенесли на свою жизнь в качестве сказок, саг, мифов и баек.

– А что же было в реальности?

– А в реальности было вот что. Царь Кодр – это позднее название созвездия Перуна, которого вы сегодня называете Волопасом. Его родина – Кодры. Эта местность находится между реками Реут и Прут в стране, называемой Молнией, – Молдавии. А на греческой земле имя Кодр восходит к самому громовержцу Зевсу. Его прозвище – Кераunos, то есть «Громовой».

– То есть вы хотите сказать, что ваш предок Кодр – это созвездие Волопаса, которое на Руси называлось именем Перуна – повелителя молний? – длинно уточнил Антон.

– Именно это я и хочу сказать. Более того, именно это я и сказал! – улыбнулся Платон. – В реальности Кодр был созвездием, а в мифах – он мог создавать молнии и повергать ими врага. Это созвездие отпечатано на поверхности Земли. Оно проходит от Кольского полуострова через Молдавию до Трои.

Платон снова сделал паузу, набрал в лёгкие воздуха и продолжил:

– В Аттике знали, что мифологическим отцом Кодра являлся такой же мифологический Меланф. Его имя происходит от древнерусского имени Меланий, то есть Молния или Молниеносный. Во время его правления и правления его потомков Дельфы считались центром Мира. С тех времён в Дельфах даже сохранился знак. Он называет Пуп Земли. Рядом с ним и стоит статуя Кодра Молниеносного.

– То есть вы, Платон, пра-пра-правнук Перуна? – с безграничным удивлением спросила Настя.

– Да, – коротко согласился Платон. – Моим самым дальним предком является Перун – это созвездие, в котором находилась Ось Мира во время Сотворения мира. У Перуна было много сыновей и дочерей, а у них – много потомков. Одним из них был, как я уже сказал, Кодр – царь Аттики. А одним из последних местных миссий являюсь я. Моя мать и мой отец из рода Кодридов, то есть из рода мессий или созвездий.

– Ну, значит, вас не было, – разочарованно сказал Антон.

– И так, и не так, – ответил Платон. – Просто одни люди глупы, другие умны. Умным людям хватает ума на то, чтобы своих сказочных героев не вписывать в свою реальную историю. А глупые люди, как старьёвщики, всё тащат в свою «историю».

Платон посмотрел внимательно на студентов и произнёс:

– Вот ведь русский народ ни корову Бурёнку, ни Колобка, ни Щуку, ни Яблоню в свою историю не вписал. Почему? А потому что понимает, что эти персонажи являются астрономическими событиями, или созвездиями. А восточные люди глупы. Они и Минотавра, и Гильгамеша, и Александра Македонского, и меня, Платона, в свою историю понавтыкали. И это притом, что никто из них даже не знает что такое история?

– Как это, не знает, что такое история? – спросил Антон.

– А вы знаете, что такое история? – в свою очередь, спросил Платон.

– История – это описание реальных событий, которые случились в прошлом, – заученно отрапортовал Ан-

тон. – Значение слова «история» наши учёные истолковывают так. Это слово пришло из греческого языка – *ἱστορία*, но происходит от слова *widtor*, где корень *weid* означает «знать, видеть». В русском языке это слово представлено терминами «видеть» и «ведать».

– Ваши учёные? Это замечательно! – посмеялся Платон. – Знаете ли вы, как будет «звезда», допустим, в... галльском языке?

– То есть во французском? – переспросил Антон.

– Да, в перунцовском, – согласился Платон.

На то, что Платон сравнил название Франции с именем Перуна, Настя удивлённо подняла брови, но промолчала.

– По-французски «звезда» будет «*vedette*», – ответил студент.

– Правильно! – согласился Платон. – Вот оно ваше название «истории» от «видеть», «ведать». А дальше! Ну, юноши, это же на поверхности лежит! Как по-восточному будет «звезда»?

– Астра, – ответил Антон.

– Молодец! – похвалил его Платон. – Как называется наука, которая изучает астры?

– Астрономия! Астрология! – ответила Настя.

– Правильно! А теперь вспомните, как в древнем варианте на Востоке, где не было буквы «а», было обозначение звезды? – спросил Платон.

– Хистра, – ответил Антон, немного подумав.

– И?.. – подтолкнул Платон. – Как называется наука, которая изучает «хистры»?

– History! История! – в один голос крикнули ребята.

– Правильно! – подтвердил Платон. – История занимается описанием жизни звёзд, а не жизни людей. Поэтому и я, Платон, как и мои предки, Кодр и Ме-

ланф, как и ваши предки, Перун, Лада, Дый, Сварог, Жива и другие, – это всё исторические персонажи, то есть звёзды и созвездия. И на описании их жизни построен астральный миф, который историки превратили в «реальную» историю.

– Теперь всё понятно! – сказал Антон. – А мы всё думали: почему это у любого царя предки восходят к созвездию?

Антон немного помолчал, а потом задал Платону ещё один вопрос:

– А вот, например, на Руси есть род Рюриковичей, которые восходят к Рюрику. Это тоже звёздный персонаж?

– Конечно! – изумился Платон. – Рюрик – это имя сокола. Он восседает на верхушке Дерева Мира, то есть на Оси Мира. Новый сокол время от времени меняет старого царя. Рюрик – это имя нарицательное. Это обозначение любого нового царя, пришедшего на смену старому царю.

– А вот вы упомянули Александра Македонского. Он тоже был созвездием? – спросил один из студентов.

– Почему был? – переспросил Платон. – Он и есть созвездие. Точнее, звёздный персонаж. Имя «Александр» происходит от древнерусского «Ось» с восточной приставкой «Аль», то есть Аль Окс Андр. Это буквально означает «Ось-Человек». На Востоке принято имя Оксай, то есть царь в значении «Осевой».

– А прозвище «Македонский»? – спросил другой студент.

– Прозвище «Македонский» говорит о том, что этот царь владеет миром от верха до низа, или от маковки до дна – «македонский», – ответил Платон. –

Вот и получается, что Александр Македонский – это буквально Ось мира, проходящая через верх и низ.

– Если Александр это Ось Мира, то почему его всегда изображают с бараньими рогами? – удивился третий студент.

– Всё очень просто, – прокрихтел Платон. – Время жизни Македонского – это время мессии эры Овна. Поэтому Александр Македонский изображался с бараньими рогами. Он – мессия эры Овна. Вот и всё!

– А у меня вот ещё какой вопрос: ведуны и ведьмы – это кто? – спросила Настя. – Ведь церковь их тысячами сжигала на кострах Инквизиции.

– Девушка, вы всё правильно мыслите, – ответил Платон. – Ведьмы и ведуны – так в древности называли людей, которые занимались историей и астрономией. Учили правителей военному мастерству, развивая стратегию и тактику по игре в шахматы. Они следили за небесными событиями и за событиями из жизни людей.

– Если они такие хорошие, почему церковь их жгла? – ещё больше удивилась Настя.

– Поэтому и жгла, – с досадой ответил Платон. – Именно эти люди были наиболее опасны для церкви.

На всех участвующих в разговоре опустилась тяжёлая печаль. В глубине сознания каждого из них слышался треск прогорающих брёвен и горящих костей, дикий вой заживо сжигаемого человека и не менее дикий вой довольных животных, которых кто-то по ошибке назвал людьми, дал им в руки спички и присвоил им религиозные звания.

Сознание застлалось многочисленными кострами, на которых вчерашние обезьяны поджаривали сегодняшних учёных. А после костров астрономы

уступали место историкам, которые врал и лгали, соревнуясь друг с другом в способности выдумывать небывлицы.

Платон подошёл к Антону и похлопал его по плечу:

– Вам решать, юноша.

После этого Платон дёрнулся – так, как в момент выключения дёргается голографическое изображение, – и исчез.

Чудовище скромности

– Гордыня, возведённая христианами в статус греха, по сути своей не является грехом, – осматривая в очередной раз загоревших студентов, медленно произнёс Вейзель.

Он туда-сюда прошёлся вдоль всё ещё стоявших на прежнем месте студентов, а затем почти прокричал:

– Дайте мне двадцать доказательств в пользу гордыни!

Студенты ещё не отошли от общения с Платоном. Или с его образом. Не важно. А тут новое задание. Да ещё эмоционально прямо противоположное.

Как только закончились слова Вейзеля, посредине сцены возник огромный двадцатирукий монстр. В каждой его руке было разное средство унижения. В первой – плётка, во второй – палка, в третьей – розга и так далее.

Затем вокруг сцены появилось войско. Солдаты были одеты нелепо – почти голые, со звериными лицами и римскими гладиусами в руках. Они окружили студентов, оскалились и не давали ребятам убежать.

Монстр с какой-то меланхоличной «улыбкой» стал готовиться к пожирательству ребят. А студенты инстинктивно стали пятиться. Но им в спину упёрлись римские мечи, и раздался звериный рык обезумевших дикарей.

– Гордость – это чувство собственной значимости. Гордость – это воплощение чувства собственного достоинства, – робко, но твёрдо произнёс первый студент.

Никакого рефери на площадке не было. Никто не мог отреагировать на слова студента и остановить чудовище. Казалось, что все эти выкрики и очередные испытания уже никого не спасут.

Но тут чудовище вскрикнуло, как будто от какой-то нестерпимой боли, и одна из его рук, которой он вот-вот намеривался ударить по студентам, отвалилась. Она несколько секунд лежала перед монстром, дёргалась, как оторванная нога известного паука, и горела, как будто была сделана из магния.

Чудище в ужасе посмотрело на свою руку. Потом на студентов. Новая волна ненависти и злобы стала разгораться в его глазах. Его хвост стал нервно дёргаться из стороны в сторону, снося всё, что попадалось ему на пути. Чешуя на загривке вздыбилась, и чудище стало готовиться к новому удару.

– Гордость и чувство собственного достоинства ведут к духовному росту гордящегося собой человека. К целеустремленности. К желанию развиваться и умножать свои знания, – сообразил второй студент. – И по всему этому к желанию быть оцененным по заслугам.

Студенты застыли, ожидая, что у чудовища отвалится и вторая рука. Но этого не произошло. Чудище взмахнуло хлыстом и ударило говорящего студента.

Он распался на миллионы искр, а остальные застыли в ужасе от происходящего.

Казалось, что в параличе они простояли целую вечность. В мыслях боролись между собой всевозможные версии, но ни одна из них не побеждала.

Настя, едва выскочив из охватившей и её паники, нервно прошептала Антону:

– Нельзя повторять то же самое, но другими словами. Такое доказательство не действует на чудовище!

– Ты права, но я пока не знаю, что придумать, – нервно ответил Антон, пытаясь держать себя в руках.

– Убивая в себе гордость, человек превращается в покорную скотину, готовую терпеть унижения, притеснения, неудобства и даже насилие, – неожиданно произнёс другой студент.

Он бесстрашно подошёл к опешившему чудовищу и прямо ему в морду предъявил:

– А вот это уже есть грех! И, более того, убеждения типа «надо смириться» являются обманом, ибо они используются пастырями как средство доведения до этого греха. Не надо терпеть! Не надо унимать свою гордыню!

Только что бешено носившийся над головами студентов хлыст выпал из ослабшей руки чудовища, а сама рука отвалилась. Чудовище стало орать диким воплем. Было видно, что ему нестерпимо больно. Римские солдаты скалились от удовольствия созерцания мучений, а по ошалелому взгляду монстра было понятно: он не привык находиться в роли избиваемого.

– Смотри, как орёт! Он даже не понимает, что с ним происходит! Видимо, все предыдущие схватки для него окончились полной победой, – прошептала Настя. – Если мы хотим выжить, нам надо торопиться.

– Гордись тем, что ты – это Ты! – выкрикнул Антон в сторону вопящего чудища. – Только осознавая свою исключительность и свою значимость, человек может быть свободен духовно и чист внутренне.

И третья рука отвалилась у чудовища. Крик, который вылетел из пасти монстра, казалось, даже потряс звероподобных римских солдат – они сделали полшага назад и почти присели на корточки.

– Не унижаемый не может завидовать свободе другого. Гордый не может насиловать другого, ибо уважает всякого. Гордый не может воровать, ибо уважает труд всякого и имущество от него. Отсутствие гордости ведет к греху зависти, – произнёс другой студент, и четвёртая рука отвалилась у чудовища.

А Антон тем временем продолжил:

– Видно, что христианство, убивая гордость или гордыню в человеке, ведёт его к совершению греха. Ибо униженный всегда завидует свободному. Ибо униженный всегда желает отомстить за испытанное унижение. Ибо униженный врёт себе, что унижения оправданы. Христианство возвращает в человеке дьявола, культивирует в человеке ад.

– Не уважающий себя ничтожен перед Богом, – ещё один студент озвучил очередное доказательство, и пятая рука отвалилась у чудища. – Богу нужен каждый человек, а не стадо смиренное.

После последних слов чудище, только что буквально умиравшее от ран, боли и мучений, вдруг перестало кричать и корчиться от боли. Потерянные только что руки немедленно выросли. Вся сила вернулась к монстру. Он выпрямился и встал в полный рост, производя настолько ужасающее впечатление, что некоторые ребята просто закрыли лица руками в ожида-

нии предстоящей расправы. А другие, как заморожённые, не отрываясь, смотрели на него.

– Ваша победа! – раскатисто произнёс монстр и стал покрываться искрами, блёстками, мелкими и крупными огоньками.

– Цените себя и уважайте себя! Ибо никто кроме вас не позаботится о вас ни в этом мире, ни после вашей смерти. Каждый должен отвечать за свою жизнь сам! Не надо надеяться, что за тебя твою жизнь проживёт кто-то другой! У каждого своя жизнь! А у Бога – своя, божья, и своя задача – не равная решению твоих житейских проблем.

Пока монстр это говорил, он успел лишиться своего отвратительного вида. Теперь перед ребятами был статный великан. В одной его руке был посох из искрящейся молнии, а в другой великан держал вожжи, уходившие прямо в небеса.

Из неба как подвижный разводной мост выкатилась сияющая радуга. По ней спустилась сверкающая разноцветными ионами конная тройка. Один конь был сивый, другой – бурый, а третий – каурый. Великан вскочил на телегу, грянул на всю округу раскатистым громом и умчался вверх по радуге.

Студенты продолжали стоять, раскрыв свои рты. Они смотрели вслед удаляющей тройке. Потом, когда радужный мост исчез совсем, они обернулись, чтобы рассмотреть римских солдат. А там, где ещё мгновение назад были эти звери, стояли кусты калины и красными гроздьями, как налившимися кровью глазами, недобро сверкали в сторону студентов.

К студентам на середину сцены вышел старец Кулик. Он посмотрел вместе с ними на удалившуюся радугу и задумчиво подытожил:

– Мы же не вмешиваемся в дела бактерий. Мы же не перестраиваем атомы и молекулы. Они устраиваются сами. Так и Бог! Он занимается предначертанным только ему. Не жди в нём поводыря. Но знай, что Он может вмешаться в твою жизнь, когда ему это потребуется. Если ты устремлён вверх – ты сможешь это сделать. Если ты камень на шее Бога – Он обрубит связь, тяготящую его.

Глава 8. Последствия

«Судьбоносные встречи порождают не менее судьбоносные следствия».
Харуки Мураками «1Q84»

«В мире причины и следствия все совпадения подозрительны».
Рекс Стаут «Убийство на ранчо в стиле "Дикого Запада"»

«Последствия великих событий неисчислимы».
Виктор Гюго «Собор Парижской Богоматери»

Очищение

Воцарилась некая идиллия: профессоры продолжили свою лекцию, а студенты им прилежно внимали.

Неожиданно Антон, сидевший до этого рядом с Настей вполне себе спокойно, рванул со своего места на сцену. Настю поразили его полные решимости глаза. Да и весь его облик говорил о крайней степени решимости. Пока Настя его рассматривала и пока все его провожали вопросительным взглядом, Антон добрался до сцены, осмотрелся и принялся возводить баррикаду.

– Молодой человек, – спокойно отреагировал Вейзель, – поясните нам, пожалуйста, что вы сейчас делаете?

– Революция! – чётко обозначился студент, снял рубаху и продолжил возводить баррикаду.

Постепенно он натаскал всякой всячины, и вот уже на сцене появилась куча из каких-то вещей. Куча по-

лучилась почти в человеческий рост. Удивительней всего было то, что ни одной из этих вещей ранее на сцене не было: Антон материализовал, или, проще говоря, создал каждую из них из ничего.

И здесь со всей очевидностью юноше пригодился тот опыт, который он получил при строительстве спичечной вселенной. Кстати, рядом летала та самая божья коровка Божа и пыталась пискляво подсказывать Антону.

Все студенты и оба профессора продолжали смотреть на действующего Антона с полным непониманием. А Антон, в свою очередь, не обращал на них никакого внимания и продолжал строить свою «баррикаду».

Прошло некоторое количество времени. Антон выдохнул и удовлетворённо сказал:

– Успел...

В этот момент с дальнего конца сцены медленно появился танк. Он испускал чёрные клубы недосожжённой солярки и, громя траками, двигался в направлении Антона.

Зрители перестали совсем что-либо понимать.

На секунду лязг гусениц прекратился, и танк выстрелил. Всем показалось, что снаряд почти не летит. Он перемещался, как в замедленном кино. Студенты и профессора смогли досконально изучить особенности его полёта. И это длилось очень и очень долго.

В конце своего полёта снаряд ударил по баррикаде Антона и разнёс её на атомы. От только что возведённого укрепления не осталось ничего.

Только Антон стоял посреди сцены без каких-либо защитных приспособлений. Танк тоже остановился. Из него вышел известный крохотный мужчинка в комбинезоне и танкистском шлеме.

– Дима! – радостно и алчно крикнула Нона, одновременно удивившись появлению своего ухажёра, а также демонстрируя окружающим, что у неё всё в порядке с мужским полом.

Мужчинка коротко посмотрел на неё, положил свой коммуникатор на броню, рядом пристроил ещё какой-то телефон. Дима взял закреплённый на броне меч и направился к Антону.

Пока Дима шёл, танк трансформировался и превратился в огромную «стопку» аккуратно разложенных купюр. Стало ясно, что назад на этом «танке» Дима уже не поедет.

Антон следил за машинкой. Он смотрел, как тот смешно тащил за собой большеватый для него меч и пытается сделать устрашающую гримасу на лице «маменькина сынка».

– Нона! – крикнул Антон. – У вас все такие мелкие!?

Нона, казалось, никак не отреагировала, но её прежняя демоническая чёрная красота заметно потускнела. Одна из студенток сказала другой:

– Смотри, она, кажись, состарилась!

Антон произнёс: «Меч!», и в его руках появилось сверкающее грозное оружие. Теперь оба были вооружены одинаково. Можно было сражаться.

Дима едва дотацил свой тяжёлый меч до места расположения Антона и, изрядно устав, нанёс невнятный удар. Антон отошёл, и Диму крутануло вокруг его же оси на полтора или даже два оборота. Дима собрал свои силы и ударил ещё раз. Картина повторилась.

После этого Дима бросил свой меч и достал пращу.

«Тоже мне Давид», – усмехнулся Антон, поняв, что замышляет машинка. Антон взял прозрачный

щит и с интересом стал наблюдать за тем, как Дима заряжает в пращу камень и прицеливается. Но когда выпущенный из оружия камень ударил в пластиковый щит, и тот разлетелся на мелкие осколки, Антон понял, что не зря он прочёл то пособие по убийству цивилизации Земли, которое написали потомки Димы.

– Нона! – ещё раз крикнул Антон. – У вас все такие хилые!?

Те студентки, которые ранее заметили, как Нона состарилась после первой реплики, впились глазами в девушку. Она опять ничего не ответила. Просто взяла со стола книжку и с такой силой швырнула в Антона, что юноша еле успел увернуться. А Нона тем временем приобрела изрядное количество седых волос, которые никак не желали соблюдать причёску.

– Смотри! – снова шепнула та же студентка своей подруге. – Она точно старится! Стала седой и как-то высохла. Видишь?

Тем временем Дима подошёл к Антону и сделал классический проход в ноги. Антон не ожидал такой прыти от карлика. Он нагнулся и сверху пытался его отцепить от своих ног. Но Дима впился всеми своими членами в тело Антона и изо всех сил пытался его повалить. Антон постарался сделать несколько шагов, но спутанные ноги ему не позволили этого сделать, и он упал.

Дима стал медленно карабкаться по Антону к его голове. Поскольку Антон занимался рукопашным боем, он понимал, что с такой цепкостью и жестокостью, которую демонстрировал Дима, этого мужчине к шее подпускать нельзя. Поэтому Антон собрался с силой и всадил Диме два удара локтем. Дима обмяк и свалился с Антона.

Антон встал и в третий раз крикнул Ноне, в этот раз уже с конкретным кивком в сторону поверженного Димы:

– Ему надо было оставаться на небе и не лезть в нашу земную жизнь! – жёстко рубанул Антон. – И тебе не стоило задерживаться на Земле на столь долгое время. Вы оба настолько повёрнуты на земном золоте, что даже смерть вас не может вырвать с корнями из нашей земли. Но это сделаю я!

Все посмотрели на Диму. Молодой мужчине в зауженных брючках превратился в облезлого старика в одной набедренной повязке. Он поднялся сперва на одно колено. Подышал. Встал на четвереньки и так постоял, подышал ещё некоторое время. Потом собрал все оставшиеся силы и окончательно встал на две ноги. Этот подвиг ему дался очень тяжело.

Нона увидела плачевное состояние Димы и старческим голосом проскрипела:

– Адам!

Она встала из-за стола и поверх голов сидящих студентом молниеносно метнулась к своему мужчине. Достигнув его, она обняла Диму-Адама. После чего повернулась ко всем и сказала:

– Мы забирали у вас всё. И будем забирать впредь! Вы – ничто. Мы – ваши цари! Мы ещё вернёмся.

Студенты в оцепенении смотрели на пару Нона и Адам. Они видели перед собой двух почти превратившихся в труху чудовищ, каждое из которых питалось золотом и при этом пожирало будущее всех людей, которые не принадлежали к адамову племени.

Антон тоже смотрел на эту кучу рухляди, цепляющуюся своими гнилыми корешками за жизнь на Земле.

Где-то далеко послышался стук деревянных колёс, которые обычно издаёт телега,двигающаяся по мостовой. Через несколько мгновений показался катафалк. Он поравнялся с Ноной и Адамом. Антон скомандовал:

– Укладывайтесь! И вон отсюда! Пришло моё время. После вас мне придётся лечить Землю. Но я это сделаю, и наша планета расцветёт, как тот рай, который вы превратили в гниющие отвалы золотодобычи.

Антон поднял руку вверх. Над ним собиралась жуткая гроза,расползающаяся по сторонам разноцветными языками молний.

Юноша схватил синюю молнию и ударил ей Нонну. Старуха разделилась на бездушную оболочку и облако еле светящихся электронов и позитронов, поддерживаемых вместе только оставшимися рефлексамии. Антон взмахом руки забросил оболочку в катафалк, а, обращаясь к облаку, произнёс:

– Отправляю Нонну из незаслуженной святости в заслуженную Навь. Там у неё будет время подумать: 23600 лет – достаточный срок для того, чтобы из разбросанных по Нави элементарных частиц эта хищница смогла собраться в новое существо в царстве Нут и Нуна. Небытие очистит её алчную душу, и перед нами появится Новь, сияющая ослепительной белизной!

После этих слов Антон ещё раз ударил синей молнией в слабосветящееся облачко электронов, которые раньше были Ноной. Свечение усилилось и унеслось по синей молнии в грозовую тучу.

А Антон схватил красную молнию и обратился к старику по имени Дима-Адам. Он ударил его первый раз красной молнией, и старик тоже разделился на оболочку и облачко взвешенной в воздухе трухи:

– Отправляю Адама из незаслуженной святости в заслуженный Ад. Там из оставшейся от него трухи заново вылепят Адама, и ровно 23600 лет его будут подвергать обжигу. Будем надеяться, что за это время из трухлявой души Адама будут выкалены все чужеродные примеси, и останется только лишь то, что свойственно земле – плодородие.

После этих слов Антон второй раз ударил красной молнией всё ещё летающую рядом труху, и она наконец-таки осыпалась на землю.

Может быть, ещё одна или две искорки кто-то и успел заметить на том месте, куда упала эта труха, но, в общем, ни от Ноны, ни от Димы ничего не осталось.

Наступила долгая пауза. Все молчали. Сколько она продлилась – неизвестно. Но из-за того, что Настя не убрала руку с клавиатуры и указательный палец её левой руки так и продолжил нажимать одну и ту же клавишу, страница экрана оказалась почти полностью заполненной буквой «Я».

«...Я...», – с удивлением прочитала Настя и подумала: – «А что "я"?»

– Ты, – словно услышав её мысленный вопрос, ответил Антон, – ты и есть начало новой чистой жизни!

Настя не успела покраснеть.

Никто не успел на неё перевести взгляд.

Антон оказался рядом с Настей за одним столом, и они уже о чём-то шептались...

Смена парадигмы

– ...Об ожидаемой смене парадигмы учёные говорили давно, – дикторским голосом, как ни в чём не бывало, продолжил лекцию Эйн Вейзель. – В научной

литературе есть множество упоминаний о надвигающейся организмической революции.

Эйн Вейзель рассказал, что ещё в 1970-м году на международной конференции футурологов, состоявшейся в Киото, глава японской электронной корпорации «Омрон» Кадзума Татеиси изложил концепцию SINIC. Это модель предсказания будущих технологий. Она должна была показать мир, каким он будет, когда закончится существование общества информатики. Какой тип общества придёт ему на смену. Каков будет характер постинформационных технологий.

Эйн Вейзель прервался, чтобы обвести аудиторию пристальным взглядом. Студенты с огромным трудом возвращались к реальности. Они озирались по сторонам, ища поддержки и объяснений. Не обращая на это никакого внимания, профессор продолжил:

– Концепция SINIC схематически представляет историю человечества в виде двух циклических связей между наукой, технологией и обществом. Первый цикл этой концепции начинается с появления научного знания нового типа.

Студенты всё ещё с трудом возвращались к реальности.

– Это знание, – Вейзель снова прервался и посмотрел на Настю и Антона. – Порождает зёрна новых технологий, которые становятся причиной социальных преобразований.

Затем Эйн Вейзель пояснил, что второй цикл, обратный, заключается в том, что потребности общества влекут за собой технические инновации. Эти инновации, в свою очередь, стимулируют развитие науки. Такими циклами наука, технология и общество связа-

ны воедино. Изменение в одной из сфер является либо причиной, либо следствием изменения в другой.

Последовательность главных научных открытий во временном срезе образует экспонентную кривую, позволяющую прогнозировать последующие научные и технические революции.

– Ты видела, как она быстро состарилась? – шепнула одна студентка другой.

Но Вейзель услышал и грозно посмотрел на девушек и буквально накрыл их болтовню своим сильным дикторским голосом:

– SINIC насчитывает в истории человечества десять сменяющих друг друга технологических суперпарадигм. Смена семи из них уже осуществилась. Смена оставшихся трёх ещё предстоит.

Наше сегодняшнее общество – это общество информатики. Ещё вчера учёные предсказывали, что зреет новый технологический скачок. Это показывала концепция SINIC. Из неё следовало, что биотехнологии, базирующиеся на стремительно оформляющейся бионике, породят совершенно другое общество. Оно создаст психонетику. А психонетика, в свою очередь, станет частью нового всеобщего организованного знания – Организмики.

Именно Организмика должна была стать той самой основой следующего инновационного сдвига. По расчётам SINIC этот сдвиг должен был произойти только в 2025-м году. Но учёные немного ошиблись, и всё состоялось чуть раньше – уже в 2002-м году. А к заявленному ранее сроку Организмика сможет не только заявить о своём существовании, но и развернуться в полный рост. Может об этом говорилось в предсказании?

– Новый цикл заканчивается появлением метакультуры естественного общества. Он обозначит собой окончание истории в том виде, в котором она нам известна последние 5 – 7 тысяч лет, – произнёс Вейзель. – У меня всё. Ещё несколько слов добавит профессор Кулик.

Та закалка, которой подверглись студенты по мере течения этой лекции, помогла им весьма быстро вернуться к нормальному расположению духа. Недавние события студенты восприняли как забавный эпизод, который был всего лишь одним из череды состоявшихся ранее.

– Важно, что термин «организмика» появился в интеллектуальном контексте рассуждений о новых технологических суперпарадигмах, – продолжил лекцию профессор кулик. – Очевидно, на нас действительно надвигается новая научно-техническая революция.

Никто не заметил, как и куда пропал Эйн Вейзель, но профессор Кулик теперь был в аудитории один.

– Действительно, как и предполагали учёные в своих ранних трудах, Организмика занялась постройкой своей собственной метакультуры. В ней всякий организм состоит из информации о взаимодействии информации, причём одна матрица определяет один организм, и всякий организм является составной частью организма более высокого уровня.

Экспликация

Кто именно произнёс последние слова, установить теперь невозможно. Да и никто не собирался этого делать, потому что всё внимание студентов перемести-

лось вовне. Прямо посреди реального пространства, словно на экране какого-то огромного дисплея, даже немного оттолкнув одного из студентов, неожиданно появилось компьютерное изображение лупы.

Эта «лупа» некоторое время висела в пространстве неподвижно, словно предоставляя студентам возможность как можно более детально себя рассмотреть. И все действительно смотрели! Наконец, рассмотрели: в центре «лупы» виднеется знак «минус».

Как только студенты это поняли, раздался хорошо знакомый каждому звук компьютерного клика. И в тот же миг картинка настоящей реальности, словно компьютерное изображение, стала быстро уменьшаться в размерах. Она уменьшалась до тех пор, пока перед нашими глазами не возникли два дракона, находящиеся на вершине какой-то горы.

Затем снова появилась та же «лупа», и изображение опять стало стремительно уменьшаться. В результате на месте волшебной горы оказалась уже не гора, а острая вершина какой-то высоченной скалы, одиноко присутствующей в неизвестном пространстве.

Потом снова раздался звук «зума», и драконы стали уменьшаться вместе с одинокой скалой. Всё уменьшилось настолько, что стала понятна настоящая высота этой скалы. Она простиралась в буквальном смысле от земли до неба. Это была вполне отчётливая ось, вокруг которой вращается планета Земля.

Затем послышался ещё один клик. После ещё и ещё.

И вот наконец процесс кажущегося бесконечным уменьшения закончился, и пиксели сложились так, что стало можно узнать получившееся изображение.

Это – спицы!

И ими по-прежнему бойко вяжет бабушка Антона.

Антон и Настя с удивлением оторвали глаза от магического экрана и с подозрением принялись смотреть друг на друга. А через какое-то время им обоим стало окончательно понятно, что с ума никто из них не сошёл. И это уже само по себе было нормально!

После этого студенты стали медленно возвращаться к реальности и постепенно осознавать то, что с ними случилось. И первым пониманием стало то, что это действительно с ними случилось. Случилось в самой что ни на есть реальной реальности. Ведь и Антон, и Настя запомнили всё до мелочей!

Молодые люди несколько исподтишка обвели глазами аудиторию и каждого из студентов. Они попытались понять: помнят ли другие участники событий хоть что-нибудь?

Конечно, помнят! В ответ Насте и Антону полетели такие же многозначительные взгляды, наполненные таинственным знанием одного огромного общего секрета. Все всё запомнили! И все всё понимают. Они все вместе пережили такое чудесное приключение. И теперь все вместе знают этот волшебный секрет.

Тем временем в атмосфере учебного процесса повисла очень странная ситуация. Все студенты явно помнят свои приключения. Но вот в самой аудитории абсолютно ничего не изменилось. Очевидно, и преподаватель с ними ни в чём не участвовал. Он продолжал вести себя так, как будто просто читает лекцию и ни о чём больше совершенно не в курсе.

И вообще, кроме понимающих взглядов товарищей, в этой реальности не было никаких последствий случившегося. Не было и никаких доказательств, что вообще что-то случалось или случилось. Оказался живым даже тот студент, которого в старинной башне

хищная птица у всех на глазах клюнула в голову. Даже он привычно сидел на своём месте и подозрительно добродушно улыбался. Как будто с ним ничего такого не произошло.

Как ни всматривались студенты в эту реальность, они понимали, что в ней совсем не было никаких доказательств недавних приключений. И из-за этого реальность этих приключений сделалась сомнительной.

Может быть, это был сеанс массового гипноза? Антон с Настей уже под этим углом решили получше рассмотреть преподавателя и с удивлением узнали в нём одновременно и Эйна Вейзеля, и старца Кулика... Странный человек каким-то образом оказался похожим и на того, и на другого одновременно!

– А Нона где? – неуверенно спросил Антон, заметив отсутствие девушки.

– А вы разве не помните? – простодушно удивился профессор. – Она ещё на прошлой неделе перевелась в другой университет и даже, по-моему, уехала в другой город.

Осознавая произошедшее по мере продолжения фразы, удивлённый Антон в автоматическом режиме совершенно растеряно шепнул Насте:

– Странно. Он говорит на прошлой неделе, а я её сегодня утром на паре видел...

Код коды

Но тут прозвенел звонок. Он лёгким звоном смахнул налёт таинственности и привёл всех в чувство, окончательно вернув их к реальности. Всем уже стало казаться, что ничего такого с ними вовсе и не проис-

ходило, к тому же, как прошла пара – никто вспомнить так и не смог.

Но у всех осталась какая-то стойкая уверенность того, что они стали свидетелями чего-то очень грандиозного. Такого, что теперь и дух захватывает, и чувства переполняют.

Обмениваясь дежурными ничего не значащими фразами, студенты вышли из аудитории. Последним оказался преподаватель.

– Жду вас завтра на своей лекции, – с какой-то лукавой и о чём-то подозревающей улыбкой обратился он к Насте, Антону и ко всем остальным студентам.

– Придём! Обязательно придём, ... – одновременно ответили молодые люди.

У кого-то в мозгу всё-таки мелькнуло, и некоторые студенты, не отрывая глаз от преподавателя, попытались добавить: – ...Уважаемый Вейзель... ...старец Кулик...

Но преподаватель с откровенным удивлением переспросил ребят:

– Что? Что вы сказали? – и принялся настойчиво смотреть на студентов в ожидании разъяснений.

– Ничего..., – только и смогли выдавить из себя удивлённые герои...

А за моментом прощания никто и не заметил, как по зданию университета разлилась какая-то необыкновенно красивая музыка. Она была такая... Очень знакомая... Долгожданная... Такая обычно звучит в конце художественного фильма с каким-то очень счастливым концом. Героическая!

Вдруг всё больше и больше студентов стали замечать эту музыку. Некоторые даже попытались спро-

сить друг у друга: слышат ли и они эту музыку? В ответ – только смех: конечно, слышат!

Ощущение бесконечной радости разлилось в сердцах, душах, в разуме...

...Первый звук клика никто не услышал. Но все синхронно уменьшились. И вот уже это стало заметно всем. Почти одновременно. Студенты привычно удивились, улыбаясь и продолжая считать, что это игра. Они принялись друг друга сравнивать, расспрашивать об ощущениях и смеяться.

Всем привычно захотелось узнать: что за шутка такая, очередная?

Но последовал ещё один звук клика. За ним ещё один. Потом ещё и ещё...

В гостях у Царицы

Очередной клубок волшебных нитей закончился. Его точно хватило ещё на один платок жизни.

Бабушка привычно заглянула в детскую кроватку. Внучок, которому всего-то исполнилось года четыре от роду, спит и чему-то сладко улыбается во сне.

Вокруг, насколько хватает взгляд, стоят одинаковые детские кроватки и в них спят улыбающиеся счастливые дети.

Бабушка принялась рассматривать получившийся платок и потратила на это несколько долгих секунд. После чего она положила связанную вещь поверх огромной стопки таких же связанных ранее.

Затем с деловитым видом достала из угла старинную расписную деревянную прялку.

На этой русской прялке всё ещё сохранился древний волшебный узор. На нём изображены три неба.

На нижнем обитают люди. На среднем – Солнце и Луна, птицы и ветер. А на верхнем небе – два всадника-воина.

Они рьяно наскакивают друг на друга и так сражаются в вечной схватке Дня и Ночи, или Добра и Зла.

Бабушка улыбнулась всадникам и произнесла:

– Благодарствую!

Всадники, скачущие по прялке на расписных конях, с почтением остановились. Затем они спешили и отвесили бабушке в ответ молчаливые глубокие поклоны.

Бабушка взяла прялку и, обернувшись, пошла в своё кресло – прятьать новый клубок жизни.

По мере того как она преодолевает расстояние до кресла, облик бабушки меняется. Появляются и меняются дорогие одежды. Сначала они украшены богатой вышивкой, сменяющейся золотным шитьём, потом драгоценными камнями, золотом и серебром. А затем эти украшения уступают место настоящим звёздам, планетам, галактикам.

Лицо женщины становится моложе. Пропадают морщины, разглаживается и омолаживается кожа. Появляется строгая и правильная красота. Волосы собираются в характерную причёску.

Она зажигает извечную лучину, вставленную в хрустальный светец. Из окошка на прялку потянулось белёсое облачко густого звёздного света и постепенно превратилось в пучок расчёсанного прядева.

Царица взяла веретено. Надела на него в качестве пряслица галактику Млечный Путь. Веретено стало степенно вращаться.

Ухоженными изящными перстами женщина принялась прясть очередную нить обычной человеческой жизни.

Из облака звёздного света через прялку на веретено ложится основная нить. К ней то там, то сям подмешивает Царица горячее дыхание Солнца и ложные отражения Луны.

Цветными жилками в прядомую нить вплетаются отблески соседних планет. Они летают вокруг нити в виде крохотных искр. Своими синими лучами Сатурн прописывает умение. Розово-красными лучами Юпитер сообщает устремления. Рубиновыми лучами Марс задаёт воинственность. Алыми лучами Венера дарует любовь. Рыжими лучами Меркурий наделяет познанием. Фиолетовыми лучами Уран привносит прозрение. Серо-синими лучами Плутон формирует настоящее, а серо-зелёными лучами Нептун напоминает прошлое.

Царица космоса и Мать мирового порядка, первая перед Богом, священная пряжа Мокошь на бесконечном конвейере жизни реализует девятую власть.

Она прядёт нить жизни.

Хотя и ножницы лежат рядом.

20.09.2013 – 20.06.2014 гг.

Книги АНДРЕЯ ТЮНЯЕВА

Книга РА. Происхождение букв, цифр и символов. – 2014. – 324 с. : ил.

Метафизика власти. Мировое правительство и его жертвы. – 2016. – 272 с.: ил.

Метафизика человека: люди, клоны и химеры. – 2017. – 176 с.: ил.

Русский Китай: экспорт цивилизации (мультидисциплинарные исследования). – 2014. – 840 с: ил.

Кувырок Луны. Roll the moon. Подсматривая в прошлое... – 576 с.

Метафизика крови: пятая форма жизни. – 2018. – 416 с.

Москва: чертоги Мокоши. Этимология имени. – 2011. – 288 с.

Древняя Русь словами очевидцев XI-XII веков. Древняя Русь устами жителей XI-XII веков. Словарь берестяных грамот XI-XII веков. – 2016. – 224 с.

Настоящая история: Рептилоиды друзья или враги? – 2017. – 256 с.

Книги для просвещённых людей

Савицкая С. В. **СЛАВЯНСКИЙ ВЫБОР.** Дешифровки Божественных символов и знаков управления. Т.1. – 2017. – 384 с.: цв. ил.
ЦВЕТНОЕ ИЗДАНИЕ

Савицкая Светлана. **СЛАВЯНСКИЙ ВЫБОР.** Методики славянских шифров. Практики. Т. 2. – 2017. – 384 с.: цв. ил.
ЦВЕТНОЕ ИЗДАНИЕ

Дёмин С. В. **«Горошины СПАСа».** Просто о взаимодействии с Миром. – 2017. – 336 с.

Терентьев Алексей. **Сказки богини Мары.** Цикл сказок, Мареной сказанных. – 2017. – 256 с.: ил.

Руднев Владимир. **Фестский диск. Русский взгляд.** – 2017. – 56 с.: ил.

Савицкая С. В. **Ирбис – снежный барс.** Сказки об охраняемых видах Сибири и Дальнего Востока. – 2017. – 160 с.: цв. ил.

Никитин Руслан (Рус Сварожич). **Ярилины Веды.** – 2017. – 292 с.: ил.
Цветное приложение: Доска Прави и Алатырь-руны.

Николай Вашкевич. **Финикия: русский исход.** – 2018. – 416 с.

РУССКИЕ СКАЗКИ, содержащие древнейшие повествования славных богатырей, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание памяти приключения / Первое издание 1783 год. – 2018. – 208 с.: ил.

Жаров С., Решетников Г. **Мистерии Рода.** От мифосемантики до квантовой лингвистики. – 2017. – 456 с.

Бо Ярый. **Суть времени и синхронизмы.** – 2017. – 160 с.

Лобов Валерий. **Тайный ларец Пушкина.** – 2016. – 544 с.

Карионов В.Н. **Время исцеления жизни.** – 2016. – 144 с.

Васильев Александр. **Древнейшая история северных славян до времён Рюрика, и откуда пришёл Рюрик и его варяги.** Репринтное издание 1858 г. – 2015. – 176 с.

Орбини Мавро. **Книга историография початия имени славы и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими Царствиями. Королевствами и Провинциями /** Репринтное издание 1722 г. – 2010. – 368 с.

Флоринский В.М. **ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ** по па мятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Й. Общая вступительная часть / Репринтное издание 1894 г. – 2015. – 440 с.: ил

Ефремов Дмитрий. **Древнейшая цивилизация офеней.** История. Традиции. Язык. Издание второе, дополненное. – 2017. – 176 с.: ил

Мосин В. **Метафизика и путь воина.** – 2016. – 512 с.: ил.

Бажанов Е.А. **Священные реки России.** – 2016. – 128 с.

Бажанов Е.А. **Записки и самоназвании русского народа и о национальности казаков.** – 2017. – 104 с.

Валецкий Олег, Совиль Бранислава, Ташкинов Иван. **Сербские руны и славянская Сибирь.** – 2016. – 224 с.: ил.

Заказы по тлф 499-235-87-97, lebedy@gmail.com
Интернет-магазин: shop.influx.ru

Книги издательства «**БЕЛЫЕ АЛЬВЫ**»
можно приобрести:

в Москве – в книжных магазинах «Молодая Гвардия», «Библио-Глобус», «Москва», «Русское зарубежье», «Дом книги»;
- в книжном клубе в СК «Олимпийский» (1 этаж – места 109, 16; 2 этаж – место 259; 3 этаж – места 131, 310).
в С.-Петербурге – через редакцию газеты «За русское дело» (198103, С.-Петербург, а/я 170, e-mail: zrdspb@gmail.com);
- ООО «Деметра», 8 (812) 554-29-75.
в Екатеринбурге – ООО «Живой огонь», тел. 8-912-032-03-82.
в Архангельске – 8-911-552-63-92
В Минске – на книжной ярмарке: 8-044-580-89-20.

Информационная поддержка
Народное славянское радио – slavmir.org

Андрей Александрович ТЮНЯЕВ

ДУША МЕХАНИЗМА
Нити трансформации

Компьютерная вёрстка *Т. Светлова*
Корректор *О. Правдина*
Редактор *С. Удалова*

Подписано в печать 19.02.2018 Формат 84 x 108 / 16.
Печать офсетная. Печ. л. 12,5

Издательство «Белые альвы»
109542, Москва, а/я 44, Светлане Николаевне Удаловой
Тел./факс (499) 235-8797 E-mail: lebedy@gmail.com
Интернет-магазин: **shop.influx.ru**

Отпечатано в типографии Т-8 «Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

Андрей Александрович Тюняев – автор более 80 книг и многих бестселлеров, среди которых «Метафизика климата Земли» (2016), «Кувырок Луны» (2016), «Метафизика власти» (2016), «Сказки из библиотеки Ивана Грозного» (2015), «Битва за Мировой престол» (2014) и др., президент Академии фундаментальных наук, член Российской академии естественных наук, член

Российского философского общества РАН, член Русского географического общества, член Императорского православного палестинского общества, член Союза писателей России, член Литературного фонда России, член Союза журналистов России, член Международной федерации журналистов, лауреат литературных премий имени А.С. Пушкина, имени М.Ю. Лермонтова, литературной премии «Золотое перо Руси» и др., эксперт ряда телевизионных программ на 1 канале, РТР, НТВ, ОРТ, МИР, РЕН-ТВ и др.

Герои романа – это разные идеи и разные стороны вашей личности, которые взаимодействуют между собой самым причудливым образом. Выходя из вашего подсознания, они разворачивают перед вами специфическое представление, с каждой сценой которого ваше сознание целенаправленно трансформируется.

Вместе с героями романа читатель проходит удивительный путь трансформации всеобщих идей и своего собственного мировоззрения, формируя в себе уникальную способность иначе воспринимать окружающую действительность.

Прочитав роман до конца и вернувшись к его первым строкам, вы убедитесь, что вместе с героями романа прожили целую информационную эпоху. И стали совершенно другими. После прочтения романа вы уже никогда не сможете вернуться к прежнему состоянию.

КНИГИ ДЛЯ ПРОСВЕЩЁННЫХ ЛЮДЕЙ

lebedy@gmail.com

Интернет-магазин: shop.influx.ru

Книжный клуб при МГО ВООПИиК

499 235 87 97

